ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИМЕНИ КАЗЫ ДИКАМБАЕВА

На правах рукописи

УДК: 328.3 (575.2) (043)

Нурматов Темирбек Асанович

УНИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

12.00.01 - теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

12.00.10 - международное право; европейское право

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Бишкек - 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ..... 4

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ..... 23

1.1. Унификация законодательства государств как правовая категория 23

1.2. Внутригосударственные и международно-правовые основы сближения законодательства государств 49

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ..... 60

2.1. Историко-правовой и логический метод изучения унификации законодательства государств..... 60

2.2. Исследование опыта унификации законодательства международных интеграционных объединений сравнительно-правовым методом..... 68

ГЛАВА 3. УНИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА 79

3.1. Соотношение права Евразийского экономического союза и национального права государств-участников Договора Евразийского экономического союза 79

3.2. Совершенствование унификации законодательства государств-участников Договора Евразийского экономического союза..... 97

3.3. Практика Суда Евразийского экономического союза в унификации законодательства государств-участников Евразийского экономического союза 111

ГЛАВА 4. ТЕНДЕНЦИЯ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА 146

4.1. Принятие Таможенного кодекса Евразийского экономического союза как новый этап унификация законодательства государств-участников Евразийского экономического союза..... 146

4.2. Унификация законодательства в государствах-участниках ЕАЭС в условиях цифровизации 176

4.3. Сравнительный анализ унификации законодательства Европейского союза и Евразийского экономического союза 190

ГЛАВА 5. КЫРГЫЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА КАК УЧАСТНИК ДОГОВОРА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 207

5.1. Особенности унификации законодательства Кыргызской Республики в деятельности Евразийского экономического союза 207

5.2. Роль и значение Договора о Евразийском экономическом союзе в развитии унификации законодательства Кыргызской Республики..... 237

5.3. Проблемы исполнения положений Договора Евразийского экономического союза в Кыргызской Республике..... 248

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 264

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ..... 272

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 276

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 337

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ВВЕДЕНИЮ НОВОГО ЧЛЕНА КОЛЛЕГИИ (МИНИСТРА) ЕЭК..... 337

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 338

ПРОЕКТ ПРОТОКОЛА ПО ВНЕСЕНИЮ ДОПОЛНЕНИЙ В ДОГОВОР О ЕАЭС ОТ 29 МАЯ 2014 ГОДА В ЧАСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГАРАНТИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРУДЯЩИМСЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС..... 338

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

ЕАЭС, Союз	– Евразийский экономический союз
Договор о ЕАЭС, Договор	– Договор о Евразийском экономическом союзе
ВЕАЭС	– Высший евразийский экономический совет
ЕЭК, Комиссия	– Евразийская экономическая комиссия
Суд ЕАЭС	– Суд Евразийского экономического союза
ТК ЕАЭС	– Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года
Суд ЕС	– Суд Европейского сообщества
ТС ЕврАзЭС	– Таможенный союз Евразийского экономического сообщества
ЕЭП	– Единое экономическое пространство
ЕБР	– Евразийский банк развития
ТК ТС	– Таможенный кодекс Таможенного союза
НСР	– Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы
Национальная программа	– Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2026 года
Стратегия – 2025	– Стратегия развития евразийской экономической интеграции до 2025 года
ОКТС	– Объединенная коллегия таможенных служб государств-членов Евразийского экономического союза
СНГ	– Содружество Независимых Государств
МПА СНГ	– Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ
ЕС	– Европейский союз
ВСП +	– Всеобщая система преференций Европейского союза
ГАТТ	– Генеральное соглашение по тарифам и торговле

ВТО	– Всемирная торговая организация
ВТамО	– Всемирная таможенная организация
ЦАС	– Центральноазиатский союз
НТБ	– Нетарифные барьеры
Киотская конвенция	– Международная конвенция о гармонизации и упрощении таможенных процедур
ЕСУ	– Евразийский сетевой университет
СЭМВ «Тундук»	– Система электронного межведомственного взаимодействия «Тундук»
ЦУЗ ЕАЭС, Центр	– Центр по унификации законодательства государств-участников ЕАЭС при Кабинете министров Кыргызской Республики

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Вопросы унификации законодательства являются основой положений, прописанных в преамбуле Конституции Кыргызской Республики, где отражена деятельность, «в целях обеспечения верховенства права, справедливости и равноправия» [1].

Изучение унификации законодательства позволит выработать действенную формулу сближения правовых систем государств, на основе единых и единообразных правовых норм, которые будут способствовать правовому регулированию динамично развивающуюся часть как международного, так и внутригосударственного права. Таким образом, вовлечение большей части человечества в единую систему общественно-политичесих, финансово-экономических и других связей посредством развития современных средств передачи информации способствует взаимовлиянию различных законодательств [2, с. 232].

Президент Кыргызской Республики С.Н. Жапаров отмечает о том, что главным приоритетом для Кыргызстана в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз) было и остается усиление роли как Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия), так и Суда Евразийского экономического союза (далее - Суд ЕАЭС). Наделение этих институтов необходимыми полномочиями по рассмотрению споров и разногласий между государствами-участниками будет способствовать снятию существующих барьеров на внутреннем рынке объединения [3, с. 2]. В подобных случаях для принятия оперативных мер требуется всестороннее углубление и расширение унификации законодательства государств-участников Евразийского экономического союза.

Народы и государства перенимают опыт друг у друга по вопросам государственного обустройства, управления обществом, правового регулирования, экономического развития и др. Внедряют также зарубежную практику правовых отношений. В этом и есть суть сближения норм права

государств. В данный период, когда Кыргызская Республика подводит итоги своего более 30-летнего развития в качестве суверенного и независимого государства, также необходимо подвести промежуточные итоги истории и развития государственного и общественного строительства. В правовой сфере государством было проведено несколько конституционно-правовых реформ [4, с.3], накоплена соответствующая практика разработки и совершенствования законодательства, сформирована солидная международно-договорная база на двусторонней и многосторонней основе [5].

Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы (далее – НСР) выделяет раздел по совершенствованию законодательства Кыргызстана с учетом современных вызовов. Так, грамотно выверенная нормативно-правовая база является одной из важных предпосылок успешного развития государства и общества в целом. Также отмечается, что Кыргызстану предстоит реализовывать это в условиях удаленности от основных транспортно-коммуникационных путей, адаптации к новым условиям торгово-экономического развития в рамках ЕАЭС. Активная целенаправленная работа должна проводиться на всех уровнях по унификации законодательства и интеграции экономики Кыргызстана в ЕАЭС [6].

В Концепции внешней политики Кыргызская Республика привержена устойчивому развитию и построению правового государства с социально-ориентированной рыночной экономикой, уважению общепризнанных принципов и норм международного права и равноправному сотрудничеству [7].

В соответствии с Национальной программой развития Кыргызской Республики до 2026 года (далее – Национальная программа) Кыргызская Республика становится частью регионального и глобального мира, и идет по пути дальнейшей интеграции в международное сообщество. Так, участие в ЕАЭС в среднесрочной перспективе предполагает постепенную унификацию законодательства в торгово-экономической, финансовой, энергетической, транспортной, сельскохозяйственной, миграционной и других сферах [8].

Кыргызская Республика также вносит свой вклад в развитие унификации законодательства: например, Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ (далее – МПА СНГ), по мере накопления опыта законотворческой деятельности появляются прецеденты использования ее документов в международном праве за пределами Содружества независимых государств (далее – СНГ). МПА СНГ была разработана Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ от 7 октября 2002 года. В указанном документе отмечается, что «унификация права является необходимым и закономерным процессом его развития. Она позволяет обеспечить праву свойство системности и органичности, упрощает применение правовых норм при разрешении конкретных жизненных ситуаций. Но в настоящее время в юридической науке отсутствует единообразное понимание процесса унификации права и законодательства, недостаточно исследованы его формы, методы и способы» [9].

Унификация законодательства государств в рамках интеграционных объединений на постсоветском пространстве требует всестороннего исследования, особенно в условиях, когда идет дальнейший процесс формирования правовой системы переходного государства. История помнит о том, что коренные реформы были осуществлены благодаря внедрению передового зарубежного опыта. Так, за последние годы в Кыргызстане был принят целый пакет законопроектов по реформированию конституционного [10], административного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства [11] с учетом международно-правовых обязательств Кыргызской Республики и опыта других государств.

Также немаловажным является то, что в процессе унификации законодательства государств необходимо учитывать действительную практику взаимоотношений в обществе и государстве, которое формируется с учетом изменений, происходящих на региональном и глобальном уровнях.

Объектом диссертационного исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере унификации законодательства на внутригосударственном и международном уровне.

Предметом диссертационного исследования выступают теоретико-правовые основы унификации законодательства и практическая деятельность государств-участников Договора о ЕАЭС, связанная со сближением национальных законодательств и международно-правовых норм.

Степень разработанности исследуемой темы. Исследования по унификации законодательства государств в рамках их участия в деятельности международных организаций не проводилась, и с точки зрения теории права и государства в юридической науке Кыргызской Республики это новое направление исследовательской деятельности.

Связь темы диссертации с приоритетными научными направлениями, крупными научными программами и основными научно-исследовательскими работами. Исследование является инициативным и связано с основными стратегическими документами государственного и общественного значения, такими как:

– Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018 – 2040 годы в третьем разделе «Экономическое благополучие и качество среды для развития» ключевую роль в развитии государства и общества отводит участию Кыргызской Республики в региональных интеграционных объединениях, в том числе в деятельности ЕАЭС. Предусмотренные коренные реформы в НСР во всех сферах жизнедеятельности требуют пересмотра действующего законодательства и принятия нормативно-правовых актов нового формата, с учетом внутренних и внешних факторов;

– Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2026 года, отметила, что одним из принципов является использование интеграционных институтов для расширения возможностей в продвижении национальных интересов. Международным аспектом признано создание принципиально новой модели государства для защиты национальных

интересов путем формирования международно-договорной базы и совершенствования национального законодательства;

– Концепция внешней политики Кыргызской Республики определяет, что региональная и международная экономическая интеграция в целях устойчивого развития страны и повышения уровня жизни населения является стратегическим курсом Кыргызской Республики;

– Стратегия развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (далее – Стратегия 2025) [12] предусматривает тесное сближение законодательства государств-участников ЕАЭС, устранение барьеров и сокращение ограничений для свободного передвижения товаров, работ, услуг, капитала и рабочей силы на внутреннем рынке Союза, совершенствование таможенного регулирования, формирование цифрового пространства и экосистем и др.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили монографические труды и научные публикации ученых из стран СНГ – А. И. Абдуллина, С. С. Алексеева, Е. Алексеенковой, И. В. Андроновой, Е. С. Аничкина, Л. П. Ануфриевой, К. М. Арсланова, М. И. Бару, С. В. Бахина, Ю. С. Безбородова, К. А. Бекяшева, Ю. С. Борель, Ю. П. Бровки, О. В. Буториной, Е. В. Васьковского, А. А. Васильева, Г. М. Вельяминова, А. Ю. Водянникова, Л. И. Воловой, В. Гаврилова, М. Л. Галас, Ю. В. Гинзбурга, С. Ю. Глазьева, Л. И. Глухаревой, В. Н. Горохова, Р. С. Гринберга, Р. Давида, Р. В. Давыдова, Е. М. Дерябиной, В. Ю. Дионовой, Г. К. Дмитриевой, Е. Ф. Довгань, Т. В. Дорожкиной, Н. Г. Дорониной, К. Н. Еликбаева, К. Жоффре-Спинози, Н. С. Зиядуллаева, А. С. Исполинова, А. Я. Капустина, А. А. Каширкиной, С. Ю. Кашкина, А. Ш. Керимбаевой, Д. А. Керимова, Н. М. Кожуханова, Н. М. Колосовой, Н. Б. Кондратьевой, А. М. Коровина, Е. Ю. Курышева, Т. В. Кухарук, А. К. Кучерявенко, А. М. Либмана, А. Б. Лисюткина, И. И. Лукашука, А. Л. Маковского, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Н. И. Матузовой, В. Г. Медведева, Л. А. Морозовой, С. Е. Нарышкина, В. С. Нерсесянца, Д. И. Парфенова, Д. Е. Петрова, Г. В. Петровой, Е. К. Порфирьевой, Е. Г.

Потапенко, А. Г. Пылина, А. Н. Савенкова, О. Н. Садикова, С.С. Сафроновой, И. Н. Сенякина, А. С. Смбатян, Л. Е. Смирновой, В. В. Сорокина, Ю. И. Стародубцева, И. А. Стрельниковой, В. М. Сырых, О. И. Тиунова, Ю. А. Тихомирова, Б. Я. Токарева, В. Л. Толстых, Б. Н. Топорнина, А. Э. Туманяна, В. Ю. Туранина, Л. Ю. Фоминой, Т. Я. Хабриевой, Р. О. Халфиной, Э. А. Хачатрян, А. О. Четверикова, Ю. А. Чуниной, Д. В. Чухвичева, В. М. Шумилова, К. В. Энтина и другие.

В исследовании унификации законодательства внесли свой вклад ученые из государств Центральной Азии такие как, С. А. Сартаев, М. А. Сарсембаев, Е. Б. Абдрасулов, М. Т. Баймаханов, С. Ж. Айдарбаев, С. А. Раджабов, А. С. Ибраева, Е. А. Иманова, К. А. Мами, С. А. Семикина, С. Ф. Ударцев, Х. Т. Адилкариев, Б. Э. Очилов, А. Р. Рахмонов, А. Н. Юсупова и другие.

В диссертацию были включены также научно-практические труды судей Суда ЕАЭС Э. В. Айриян, А. М. Ажибраимовой, Ж. Н. Баишева, Т. Н. Нешатаевой, В. Х. Сейтимовой, Г. А. Скрипкиной и К. Л. Чайки.

В исследовании были рассмотрены также труды зарубежных ученых, таких как Д. Анцилотти, О. Ж. Бенвенуто, М. П. Броберг, Х.К. Гуттеридж, В. Еггинтон, В. Жалузо, М. Х. Камали, Г. Кельзен, Л. Ж. Кохен, Р. Мундей, А. Пуанкаре, Ф. О. Раймондо, М. Санбос, К. Цвайгерт и другие.

Ученые-юристы Кыргызстана в своих исследованиях в той или иной мере, так или иначе, прямым, либо каким-либо косвенным образом, затрагивали и затрагивают проблемы унификации законодательства, но специальных трудов, посвященных унификации законодательства, за исключением нескольких статей отдельных авторов, практически отсутствуют.

Теоретико-правовым и международно-правовым аспектам исследования правовой системы и законодательства Кыргызстана обращались в своих трудах Р. Т. Тургунбеков, К. Нурбеков, Э. Ж. Бейшембиев, Г. А. Мукамбаева, Ч. И. Арабаев, А. А. Арабаев, Г. А. Бидильдаева, А. Д. Адамбекова, А. Б. Баетов, Б. И. Борубашов, О. Ж. Саматов, Н. Р. Розахунова, Б. Т. Токтобаев, А.

М. Джумагулов, Э. Э. Молдоев, Т. А. Жумабекова, С. М. Муратбекова, У. О. Аманалиев, Ч. К. Ботоева, Д. С. Джумалиев, Э. Н. Ракимбаев, Т. К. Исманов, З. Ч. Чикеева, Б. Дж. Рысмендеев, А. А. Токтогулов, Т. И. Ганиева, А. В. Тен, Ч.А. Туратбекова, Т. И. Иманкулов, А. Ш. Маралбаева и другие.

Э. Ж. Бейшембиевым, Б. И. Борубашовым, Б. Т. Токтобаевым, А. Б. Баетовым, А. М. Джумагуловым, Ч. А. Мусабековой, М. Б. Мырзалиевым, Ж.Ч. Тегизбековой и др. исследованы отдельные аспекты теории государства и права, международного публичного права, связанных с вопросами законодательства, но специально посвященных такой важной и актуальной проблематике, как унификация законодательства с позиции теории права и государства, в юридической науке Кыргызстана еще не предпринималось.

Целью исследования является общетеоретическое и комплексное исследование унификации законодательства государств-участников Договора о ЕАЭС, в том числе участия Кыргызской Республики в деятельности ЕАЭС, обосновании теоретико-методологических, нормативно-правовых и практических рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Указанная цель обусловила постановку и решение следующих теоретических и прикладных **задач:**

1) провести анализ унификации законодательства как правовую категорию;

2) исследовать унификацию законодательства в контексте внутригосударственного и международного публичного права;

3) изучение унификации законодательства государств как историко-правовой и логической категорий в юридической науке;

4) применение сравнительно-правового анализа в исследовании унификации законодательства в международных интеграционных объединениях;

5) проанализировать соотношение права Евразийского экономического союза и национального права государств-участников Договора о ЕАЭС;

6) провести анализ унификации законодательства государств-участников Договора ЕАЭС, выработать рекомендации по его совершенствованию;

7) исследовать практику Суда ЕАЭС в унификации законодательства государств-участников ЕАЭС, выработать предложения по расширению полномочий Суда ЕАЭС;

8) проанализировать принятие Таможенного кодекса ЕАЭС как нового этапа унификация законодательства государств-участников ЕАЭС, дать рекомендации по расширению унификации законодательства в рамках ЕАЭС;

9) исследовать унификацию законодательства в государствах-участниках ЕАЭС в условиях цифровизации и выработать рекомендации по его структурному развитию;

10) провести сравнительный анализ унификации законодательства Европейского союза и Евразийского экономического союза, представить предложения по совершенствованию ЕАЭС как международной региональной организации;

11) исследовать унификацию законодательства Кыргызской Республики в рамках его участия в Евразийском экономическом союзе, выработать рекомендации по дополнению Договора о ЕАЭС с учетом национальных интересов государства;

12) определить роль и значение Договора Евразийского экономического союза в развитии унификации законодательства Кыргызской Республики, выработка рекомендаций по усилению Договора о ЕАЭС для укрепления единства в принятии и исполнении решений органов ЕАЭС;

13) изучить перспективы участия Кыргызской Республики в Договоре Евразийского экономического союза, разработка рекомендаций по научно-обоснованному подходу развития интеграционных процессов в условиях глобализации.

Научная новизна исследования заключается в том, что диссертация представляет собой первое в юридической науке Кыргызской Республики

комплексное правовое исследование унификации законодательства государств-участников Договора о ЕАЭС.

На основе проведенных исследований разработаны теоретические положения и практические рекомендации, которые в совокупности квалифицируются как научное достижение, имеющее правовое и общественное значение.

Впервые рассмотрена унификация законодательства Кыргызской Республики в рамках ее участия в деятельности нового интеграционного объединения – ЕАЭС. Элементы новизны носят ряд теоретических положений и практических предложений, которые сформулированы на основе проведенного исследования автором.

Выводы, сделанные в данном исследовании, приведены в практических рекомендациях, которые направлены на совершенствование унификации законодательства Кыргызской Республики, предложены авторские проекты по внесению изменений и дополнений в Договор о ЕАЭС, Статут Суда ЕАЭС, Таможенный кодекс ЕАЭС, проект рабочей программы учебной дисциплины «Право ЕАЭС».

Практическая значимость диссертации состоит в том, что положения, выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы: в процессе унификации законодательства Кыргызской Республики с учетом международного опыта других государств, а также в научно-исследовательской, правотворческой, правоприменительной и иной практической деятельности государственных деятелей, государственных органов и их должностных лиц, непосредственно работающих с вопросами унификации законодательства в законотворческой работе и в международно-правовых отношениях. В данном контексте, актуальность и значимость имеют предложения автора по совершенствованию действующего законодательства. Значение результатов исследования также определяется возможностью использования рекомендаций, выводов и обобщенного автором фактического материала при составлении учебных пособий, лекций, семинарских и

практических занятий, разработке практических заданий. В частности, таковым является учебный курс «Право ЕАЭС». Имеется акт о внедрении полученного результата из Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики имени К. Дикамбаева.

Экономическая значимость полученных результатов. Результаты, полученные в рамках настоящей диссертационной работы, будут создавать эффективные условия при выработке и принятии решений государственными учреждениями при их взаимодействии с органами ЕАЭС.

Положения, выносимые на защиту:

1. Аргументировано, что унификация законодательства государств в теоретическом аспекте происходит с возникновением и развитием государств и формированием его законодательной базы. Появилась необходимость разработки общих подходов в исследовании унификации законодательства и ведения работы по его практическому применению в законотворческом процессе государств. Так, в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе впервые вводится в научный и практический оборот термин «унификация законодательства». Предложено авторское определение понятия «унификация законодательства». *Так, унификация законодательства – это деятельность государств-участников интеграционных объединений, на основе совместно выработанных принципов и механизмов правового регулирования в рамках принятых международных договоров по сближению национального законодательства по тем сферам, которые представляют взаимный интерес.* Установлена взаимосвязь таких правовых категорий, как систематизация, инкорпорация, консолидация, кодификация, гармонизация, модернизация, имплементация, трансформация законодательства, а также конвергенция права с унификацией законодательства.

2. Обосновано, что унификация права во внутригосударственном и международном праве происходит путем принятия международных договоров, которые на разном уровне (двусторонние и многосторонние) реализуются заинтересованными сторонами. Процессы глобализации

подталкивают участников международных отношений все более активно проводить работу по сближению правовых норм, если они не создают благоприятные условия для развития. Внутригосударственное право государств отчасти стало продолжением международно-правовых соглашений, так как обязательства, принимаемые государствами в рамках участия в этих соглашениях, предполагает их исполнение. В связи с этим, проводится работа по сближению отраслевого законодательства государств, не только по содержанию, но и по стандартам, которые принимаются в рамках интеграционных объединений.

3. Установлено, что историко-логический подход в изучении унификации законодательства является одним из важных методов, так как Кыргызская Республика в историческом плане вместе с государствами-участниками ЕАЭС были в составе одного государства – СССР. Правовая система кыргызского общества за последние 150 лет формируется в рамках романо-германской правовой ситемы, которая была воспринята сперва Российской империей, и далее Советским Союзом. Накопленный практический опыт государственного и правового строительства служит основой дальнейшего развития государства и права в современных условиях. Логической последовательностью унификации законодательства в контексте участия Кыргызской Республики в ЕАЭС являются потребности государства и общества в совершенствовании правовых основ взаимодействия на внутригосударственном и международном уровнях.

4. Определено, что сравнительно-правовой метод при использовании международно-правовых норм сравнивает различные правовые системы (законодательство, правовые методы, правовую практику и т.д.). Данный метод широко применяется в условиях тесной интеграции в рамках международных интеграционных объединений. Сравнительно-правовой метод познания позволяет выявить особенности сходных правовых процессов, совершенствования законодательства государств, и предполагает классификацию правовых институтов и понятийного аппарата, а также

разработки законов в сходных сферах взаимодействия. Так, правовая система Кыргызской Республики и государств-участников ЕАЭС в процессе унификации законодательства применяет опыт правовых систем других государств и интеграционных объединений (англо-саксонской, мусульманской и других).

5. Установлено, что сближение законодательства государств-членов в рамках Договора о ЕАЭС указывает на то, что унификация законодательства, направленная на установление аналогичных условий правового регулирования в различных сферах, определяется соответствующими международными договорами. В условиях тесного взаимодействия государств-участников международных объединений принцип гибкости выходит на передний план интеграции, который взаимодействует с основополагающими нормами международного публичного права (принцип сотрудничества государств, принцип суверенного равенства, принцип недопущения вмешательства во внутренние дела государств и др.) и отраслевыми нормами-принципами международного экономического права (принцип наибольшего благоприятствования, принцип недискриминации и принцип национального режима).

6. Определены место и роль источников права в иерархии источников права ЕАЭС, в процессе их толкования и применения. Унификация правового регулирования является одним из методов, и в Договоре о ЕАЭС определены основные концепции унификации законодательства. Постепенное наращивание международно-договорной базы и международные обязательства, принимаемые в рамках интеграционных объединений, поднимают вопрос о самостоятельности государств-участников ЕАЭС. Правовое регулирование в государствах-участниках ЕАЭС имеет правовые различия в режимах, и оно отражается в правовых нормах, актах и институтах, которые отличаются по целям, характеру и методам правового регулирования. Отмечено, что возникают вопросы унификации отраслевого законодательства государств-участников ЕАЭС.

7. Обосновано, что Суд ЕАЭС, обладая соответствующими полномочиями, является институциональным органом по разрешению споров между государствами-участниками ЕАЭС, использует новые механизмы для урегулирования разногласий сторон на основе Статута Суда ЕАЭС. Предложены нормы для того, чтобы усилить позицию Суда ЕАЭС в части развития права ЕАЭС и расширения его полномочий для принятия решения на основе Договора ЕАЭС, и которая позволит Суду ЕАЭС обеспечить соблюдение Договора о ЕАЭС и международных договоров, принятых в рамках ЕАЭС.

8. Определено что Таможенный кодекс ЕАЭС является одним из первых унифицированных документов межгосударственного характера, который требует углубленного правового анализа на предмет дальнейшего его совершенствования с учетом вызовов, которые возникают на его пути. Таможенный кодекс ЕАЭС становится источником таможенного регулирования в ЕАЭС, состоящим из многоступенчатой структуры: международные правовые акты, акты межгосударственного характера и национальные нормативные акты. Взаимная административная помощь между таможенными органами государств-членов ЕАЭС и административное сотрудничество – это идентичные категории, требующие отдельного изучения. Для совершенствования таможенного законодательства государств-участников ЕАЭС, разрабатываются документы концептуального характера, рассчитанные на ближайшую перспективу и направленные на развитие евразийской экономической интеграции.

9. Определено, что интеграционные процессы в государствах-участниках ЕАЭС сопровождаются реализацией цифровой повестки, и они сопряжены с глобальными движениями в сфере цифровой трансформации. Выявлено, что государственная политика в сфере цифровизации в государствах-участниках ЕАЭС имеет свои отличия в подходах ее реализации, требует создания унифицированного законодательства и нормативной правовой базы для интеграции государств-участников ЕАЭС и осуществления цифровой

трансформации. Предложено ввести в состав Комиссии нового члена Коллегии ЕЭК – министра по цифровому развитию Евразийской экономической комиссии (далее- ЕЭК).

10. Установлено, что при взаимодействии между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом происходит не только прямое взаимодействие между организациями, но и конкуренция, связанная с их соседством, а также имеют место идеологические связи между ними. Исходя из этого, государства-участники ЕАЭС стремятся установить контакт с ними для расширения диалога по работе интеграционных механизмов. Сравнительный анализ унификации законодательства государств-членов ЕС и ЕАЭС показывает разный уровень развития двух интеграционных объединений. Идеи и подходы, которые возникли и работают в ЕС являются универсальными и имеют большое значение для ЕАЭС как нового объединения на пути его становления. Взаимная выгода от подписания и расширения торгово-экономических соглашений между ЕАЭС и ЕС очевидна, но нынешняя ситуация в глобальном и региональном плане вносит свои изменения, откладывая перспективные планы на будущее. Определено, что в ЕС унификация законодательства происходит на таких условиях, когда национальное законодательство государств-участников ЕС подчиняется праву ЕС, и эта практика должна быть распространена и в праве ЕАЭС.

11. Установлено, что современное развитие государства и права указывает нам на то, что суверенные государства, участвуя в межгосударственных объединениях, сталкиваются с вопросами самостоятельности в проведении своей внутренней и внешней политики. На основе практики присоединения нового участника в ЕАЭС был рассмотрен опыт первичной унификации законодательства. Отмечается влияние интеграционных норм на систему законодательства Кыргызской Республики, которое проявляется в форме унификации законодательства. Предложено дополнение в Договор о ЕАЭС, которое способствовало бы созданию необходимых условий для трудовых мигрантов и их семей в защите их прав и

законных интересов. Определено, что участвуя в деятельности ЕАЭС Кыргызская Республика получает опыт по наращиванию потенциала взаимодействия в рамках интеграционного объединения на многосторонней и двусторонней основе, государственные органы (министерства и ведомства) проводят практическую деятельность по унификации не только принимаемых нормативных правовых документов, но и синхронизацию своей деятельности с подобными органами государств-участников ЕАЭС.

12. Определено, что Договор о ЕАЭС является новым явлением в международной практике и служит основой для унификации законодательства государств-участников. Так, укрепление международно-правовой модели ЕАЭС требует существования и функционирования высокоэффективной институциональной системы. Договор о ЕАЭС для Кыргызской Республики – это новое явление, которое непосредственно становится частью законодательства Кыргызской Республики, а также проводится разработка внутригосударственных норм по его унификации, и Договор о ЕАЭС начал формировать условия для создания новой правовой категории – «право ЕАЭС», которое для всех государств-участников ЕАЭС выступает как платформа унификации законодательства. В условиях, когда возникает необходимость укрепления эффективности и единства в принятии решений органами Союза, предлагается внести дополнения в Договор о ЕАЭС по расширению полномочий Суда ЕАЭС, который будет способствовать развитию права ЕАЭС.

13. Аргументировано, что с момента вступления Кыргызской Республики в ЕАЭС проводится работа по унификации законодательства государства в соответствии с требованиями интеграционного объединения. Принципы функционирования международных объединений, такие как взаимовыгодное сотрудничество, равноправие, а также учет национальных интересов сторон, легли в основу Договора о ЕАЭС. Кыргызская Республика придает особое значение интеграционным процессам, которые способствует внедрению новшеств во все сфере жизни государства, и требуют постоянного

совершенствования законодательства государства. Предложено создать независимые научно-исследовательские центры, которые будут вырабатывать прогнозы и аналитические документы, проекты нормативно-правовых документов для унификации законодательства, а также усилия по продвижению национальных интересов Кыргызстана на уровне органов ЕАЭС.

Личный вклад соискателя состоит в том, что основные научные результаты диссертационного исследования получены лично автором. Автором единолично сформулированы основные положения диссертации, выносимые на защиту, которые составляют его новизну и практическую значимость. Диссертант провел самостоятельный анализ и исследование доктринальных и нормативных источников, связанных с проблемой унификации законодательства Кыргызской Республики в условиях его участия в деятельности ЕАЭС, резюмированы в юридической науке теоретические и методологические подходы. Впервые разработаны теоретические положения по унификации законодательства Кыргызской Республики, его закономерности в деятельности интеграционных объединений.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования использованы при написании учебников и учебных пособий, в учебном процессе при подготовке материалов по читаемым дисциплинам, введен спецкурс для магистрантов по теме диссертации. Основные теоретические выводы, сделанные в исследовании, изложены в опубликованных работах автора.

Основные теоретические разработки и положения, выносимые на защиту, нашли отражение в докладах, представленных автором на международных и республиканских научных мероприятиях: «Государство в меняющемся мире», г. Москва, 26–28 мая 2011 г.; «Роль науки в повышении эффективности государственного и муниципального управления в Кыргызстане», 9 ноября 2012 г.; «Конституция Кыргызской Республики: роль и значение в современном обществе и ее основные ценности», Юридический институт

Кыргызского Национального университета имени Ж.Баласагына, 31 мая 2013 г.; «Россия и государства Центральной Азии: современное состояние отношений и перспективы сотрудничества», г. Москва, 8–12 июля 2013 г.; «Современная внешняя политика России: основные тенденции и приоритеты», г. Москва, 17–21 декабря 2013 г.; «Защита сограждан за рубежом в условиях кризиса», г. Ашхабад, 18–19 июля 2018 г.; «Преподавание курса «Возвратная миграция в Центральную Азию» для государственных служащих, г. Астана, 23–26 ноября 2020 г.; «Актуальные вопросы государственного управления миграцией в Республике Узбекистан», г. Ташкент, 18 декабря 2020 г.; «Опыт конституционного и международно-правового строительства на евразийском пространстве», г. Оренбург, 25 декабря 2020 г.; «Развитие PhD докторантуры и научно-исследовательского потенциала Кыргызстана», ФРГ, г. Гамбург, 15–22 мая 2022 г.; Евразийский экономический форум, г. Бишкек, 26 мая 2022 г. и др.

Материалы диссертации внедрены в образовательный процесс Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики им. К. Дикамбаева, Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Ельцина.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Основные результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, нашли отражение в тридцати опубликованных научных статьях, а также в трех главах, вошедших в три учебника (в составе авторских коллективов), в двенадцати учебно-методических пособиях и в трёх монографиях.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих в себя тринадцать разделов, выводов, практических рекомендаций, списка использованной литературы и приложений. Полный объем диссертации составляет 340 страниц. Количество использованных библиографических источников составляет (включая собственные публикации соискателя) – 481.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ

1.1. Унификация законодательства государств как правовая категория

Активизация международно-правовых и международных экономических отношений подталкивает государства к тому, чтобы привести свое законодательство в соответствие с международными стандартами. Все это делается для гармоничного вхождения в систему международно-правовых отношений.

Вопросы унификации законодательства изучались исследователями на разных этапах развития государства и права. Углубление изучения вопросов унификации законодательства активизировалось с появлением международных интеграционных объединений на основе международных договорных норм. Теоретические разработки, посвященные тем или иным аспектам унификации законодательства во внутригосударственном и международном публичном праве, присутствуют в работах следующих исследователей.

Профессор А.В. Пирогов на основе историко-правового подхода выделяет две сферы правового регулирования взаимоотношений государств в сфере экономических отношений. К первой относятся международные экономические отношения, субъектами которых являются непосредственно сами государства, международные экономические организации, а также юридические и физические лица. Развитие международных экономических отношений обусловливает возникновение и становление второй сферы – межгосударственных отношений в сфере экономики. Будучи облеченными в правовые формы, международные экономические отношения превращаются в международно-правовые отношения, посредством которых осуществляется

нормативное юридическое урегулирование процессов, порожденных международным разделением труда [13, с. 8]. Углубление международных экономических отношений между государствами ведет к более тесному сотрудничеству, к созданию единообразных норм во внутреннем праве государств.

Профессор С.Ф. Ударцев обращает внимание на тенденцию, когда на глобальном уровне действует фундаментальная направление – повышения роли международного публичного права относительно национального права как общая тенденция постепенного формирования глобальной политической системы с соответствующей иерархией правовых актов разного уровня, адекватных мировому рынку и глобальному информационному пространству [14, с. 54-74].

Е.Г. Потапенко заметил, что, «одной из тенденций, которая меняет содержание права, является унификация. Суть унификации заключается в регулировании сходных общественных отношений одними и теми же правилами» [15, с. 344]. В процессе унификация права создаются единые правовые нормы, которые регулируются на внутригосударственном и международном уровнях.

Так, профессор Л.А. Морозова отмечает, что развитие внутреннего права и национальных правовых систем зависит от их интернационализации. В контексте процессов глобализации важно помнить, что, по мере развития общественных отношений, будут усиливаться процесс обмена опыта между государствами и его совершенствование. Государство должно конкретно определиться, какие нормы права, институты, отрасли права, определенные нормативные правовые акты, правовые принципы, правовые доктрины и другие будут внедряться в правовую систему. Такие заимствования и сами по себе права народов объясняются, прежде всего, необходимостью динамичного развития международного экономического и иного сотрудничества между государствами, стремительного протекания финансово-экономических

процессов в глобальном масштабе на основе новых технологий. Одним из форм интернационализации права является унификация [16, с. 219].

В практике взаимоотношения государств унификация осуществляется по следующему принципу: большинство из них заключают друг с другом международный договор, который является нормой для обеспечения соблюдения законодательства в обычном порядке, который может применяться на территории стран-участниц [17, с. 107].

В ходе совершенствования законодательства государств и правоприменительной практики появляются трудности по определению его направлений. Так, генезис права и законодательства по его систематизации и унификации – это, на наш взгляд, закономерный процесс, который связан с увеличением количества нормативно-правовой базы, коллизий и повторения (дублирования).

Примером может служить унификация таможенного права Кыргызской Республики, которое подвергается активному процессу единообразного подхода. Правовую основу таможенного регулирования в Кыргызской Республике составляют Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [18], Таможенный кодекс Евразийского экономического союза и другие [19]. В этой связи правильное понимание самого термина «унификация», раскрытие его содержания имеют важное не только практическое, но и теоретическое значение.

Терминологический анализ в толковых словарях русского языка показывает, что слово «унифицировать» означает привести (приводить) к единообразию [20, с. 2095]. В других источниках унификация – это установление единообразия, приведение чего-либо к единой форме [21, с. 718].

В юриспруденции «унификация» (от *лат.* unus – единство и facio – делать) понимается как «приведение к единообразию, единой норме, единой форме» [22, с. 423]; «приведение чего-либо в единую систему, доведение ее до

единообразия» [23, с. 322]; «введении двумя или более государствами единообразных норм» [24, с. 32].

Далее, если посмотрим термин «законодательство» в первом значении – это совокупность законов, второе значение – составление и издание законов [25, с. 32].

Профессор Б.И. Борубашов обращает внимание на характер формирования законодательства государств. Актуальным остается вопрос о совершенствовании политико-правовой системы государства, и она должна опираться на мировой опыт, а также прошлый опыт кыргызского народа [26, с. 366].

Правоведы дали следующее определение понятию «законодательство». Законодательство – это объективная форма выражения права; весь комплекс издаваемых правотворческими органами нормативных актов, важнейшим из которых является закон. Разделяется, в частности, на отрасли права: конституционное, гражданское, административное, международное и т.д. Законодательство в узком смысле означает законодательные акты и нормативные решения исполнительных органов государства – вследствие чего реализуются функции государства [27, с. 205]. Другой вариант, законодательство – это принятие законов специальными государственными органами, их изменение или дополнение; сборник законов любой государственной или юридической отрасли [28, с. 151].

В юридической науке Кыргызстана имеется свой подход в определении термина «законодательство». Законодательство – это:

1) один из основных методов осуществления государством своих функций, заключающийся в издании законов;

2) совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в целом или один из их видов (конституционное законодательство, гражданское законодательство, уголовное законодательство и т.д.) [29, с. 218].

В соответствии с Законом Кыргызской Республики «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» от 20 июля 2009 года, термин

«законодательство» – это совокупность нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения [30]. Например, «формирование и реализация миграционной политики и миграционного законодательства Кыргызской Республики проходит в тесном сотрудничестве с правительствами государств, в которых наблюдаются значительные миграционные потоки, а также с международными и неправительственными организациями. Развитию международных связей способствуют договоренности и мероприятия, выработанные на заседаниях межправительственных комиссий по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству» [31]. «Национальное законодательство в сфере свободы собраний должно соответствовать ратифицированным этим государством международным документам, согласно которым и определяется законность принятия тех или иных национальных законов. Толкование и исполнение национального законодательства также должно согласовываться с соответствующим международным и региональным правом» [32].

Как отмечает академик Ч.И. Арабаев, при разработке законодательных актов в Кыргызстане не предусмотрена их глубокая научная экспертиза. Результат – множество как устаревших, так и частично совпадающих норм, внутренние противоречия в правовом регулировании, неоправданно большое количество отсылок к нормам в законах. Такая структура законодательной системы препятствует полноценному обеспечению прав и свобод граждан, развитию различных сфер экономики (в частности, не полностью реализованы инвестиционные возможности страны), стабилизации политической ситуации и т. д. [33].

Западноевропейский ученый Р. Аллен акцентирует на том, что законодательство – это результат сознательно направленной на правотворчество деятельности определенных, функционирующих в соответствии с принципом разделения труда органов; обычное право

выражает отношение людей между собой, а законодательство – отношение между людьми и государством [34, с. 410].

Венгерский теоретик права Имре Сабо выделяет двойственность законодательства, которое наглядно показывает, что между государством и правом, государственной организацией и правовыми формами существует не только связь, но и единство [35, с. 104].

Профессор Г.А. Бидильдаева, анализируя конституционное законодательство Кыргызской Республики свидетельствует о том, что оно содержит общепризнанные принципы и нормы международного права в сфере прав и свобод человека и гражданина, которые являются ориентиром не только для государственных органов и их должностных лиц, но и для самих граждан [36, с.127].

Профессор Е.С. Аничкин отмечает, что унификация конституционного законодательства в первом десятилетии XXI века связана с его постоянным развитием на основе тех процессов, которое происходит в правовой системе государств [37].

Например, профессор Б.Дж. Рысмендеев, рассматривая муниципальное законодательство, отметил, что оно нуждается в серьезной модернизации, чтобы к провозглашенным в нем принципам были добавлены правильные, точные и ясные механизмы их реализации [38, с. 18].

Далее, если обратимся уже к теоретическим разработкам, то по определению термина «унификация» ученые не имеют однозначного подхода по его пониманию.

Так, профессор С. Магомедов отмечает, «что унификацию в самом общем смысле можно определить, как рациональное приведение различных форм к единообразию, к единой форме, к единой норме» [39, с. 68].

Профессор О.Н. Садиков определяет унификацию как «процесс выработки единых (унифицированных) правовых норм для подобных отношений вне зависимости от правовых форм, в которых такой процесс осуществляется» [40, с. 95].

Профессор М. Бару указывает, что «унификация – это устранение различий в регулировании подобных отношений» [41, с. 45].

Имеются также отраслевые различия по определению унификации права. Унификация в международном публичном праве рассматривается как процесс разработки и обращения в оборот единых нормативно-правовых установок в правовые системы субъектов международного публичного права.

Так, профессор Г. Дмитриева отмечает, что «унификация права означает сотрудничество между государствами, направленное на создание, изменение или прекращение одних и тех же (единых, унифицированных) правовых норм во внутреннем праве определенного круга государств» [42, с. 101].

Ученые Н.И. Матузов и А.В. Малько утверждают о формировании такого нового научного направления, как унификация права (законодательства), которое создает единые механизмы правового регулирования. Поскольку соответствующие принципы сформированы в сознании законодателей, нет необходимости разрабатывать единую правовую модель для конкретной отрасли права; различные их варианты анализируются с целью выбора оптимального решения, характерного для близких отношений, с учетом качественных характеристик. В итоге будет выработана единая правовая норма по конкретному вопросу [43, с. 364].

Как нам представляется, этот подход является важным аспектом процесса унификации права и законодательства. Однако этим его назначение не ограничивается, поскольку унификация права и законодательства часто получает дальнейшее завершение в виде технической основы, либо в виде другого нормативного документа, либо в виде структурного содержания конкретного раздела, например, основ, кодексов, законов, положений, уставов и т.д.

Профессор О.Н. Садиков, исследуя вопрос унификация права, говорит о том, что оно способствует синхронному действию всех структурных элементов правовой системы, законодательства и усиливает их взаимозависимость. Надежность этой системы обеспечивает правовую основу

для унификации права, необходимость которой зависит от силы накопления контролируемых веществ. Специфика общественных отношений не должна ограничивать рамки процесса унификации права, поскольку наличие общих признаков и аспектов, а также их системное объединение одновременно предполагают целостное решение. Эффективность такого подхода проявляется в том, что он создает ряд законодательных преимуществ: во-первых, сокращает количество контролируемых органов, исключает их дублирование, а во-вторых, реально облегчает применение правовых норм и исключает неоправданные случаи специализации [44, с. 38].

Ученый-практик А.Б. Баетов отмечает, что правовые системы находятся под постоянным прессингом глобализации и развития права (и соответствующих процессов правовой интеграции), что вызывает активное изменение содержания и структуры системы. Как и в случае с глобализацией, развитие права проходит различные этапы. На сегодняшний день развитие права имеет определенные черты и особенности, поэтому процесс эволюции права в современную эпоху можно обозначить термином «правовая интеграция», а данное понятие, при условии обозначения, определяет процесс унификации правовой системы государства, главным образом через развитие международного и регионального права, разработку системы единых межгосударственных стандартов и, как следствие, создание единой модели правовой системы [45, с. 7].

Весьма важным находим научные воззрения профессора Б.Т. Токтобаева, который отмечает, что реализация функции межгосударственной интеграции должна быть обеспечена эффективной правовой политикой, основанной на гарантированности прав и свобод человека, гармонизации внутригосударственной и международно-правовой систем, многообразии форм межгосударственного сотрудничества, взаимодействии государства и гражданского общества; формировании позитивного образа Кыргызской Республики на международной арене, научной обоснованности, высокого уровня правовой культуры, правосознания и профессионализма, устойчивой и

системной работе всех звеньев механизма государства, реализующих функцию межгосударственной интеграции [46, с. 17].

Исходя из общей тенденции развития законодательства Кыргызской Республики большинство ученых предлагают обновлять его по всем направлениям государственной деятельности. Например, Ч.К. Ботоева предлагает совершенствовать законодательство об органах внутренних дел путем принятия нового Закона Кыргызской Республики «Об органах внутренних дел Кыргызской Республики» [47, с. 8]. Т.И. Иманкулов на основе анализа действующего законодательства Кыргызской Республики, регулирующего механизм обеспечения национальной безопасности, отмечает необходимость его (законодательства) совершенствования [48, с. 242].

В юридической науке государств СНГ и ЕАЭС в последнее время особое внимание уделяется изучению унификации права как правового явления и правовой категории. Отдельные ученые обращались к этой научной проблематике с разных точек зрения.

Профессор Л.Е. Смирнова, выделяя вопрос о дискуссионности унификации права и законодательства, исходит из того, что право и само по себе, и в силу своей природы, выполняет унифицирующую роль в обществе, поскольку устанавливает единые правила поведения или запреты для неопределенного круга лиц. Например, эффективность уголовного закона напрямую зависит от уровня унификации, которая, в свою очередь, обеспечивает его четкость, строгость и логичность. Унификации права принадлежит важная роль в устранении недостатков законодательной техники, поскольку она является одним из основных средств совершенствования законодательства. Необходимость унификации права обусловлена растущим разнообразием правоотношений, которые в последние годы становятся объектами уголовно-правовой охраны, что ведет к дальнейшему усложнению уголовного законодательства, порождает трудности в его изучении и применении и требует приведения к единообразию и самого уголовного закона, и практики его применения. Сказанное позволяет

прийти к выводу о необходимости дальнейших теоретических разработок проблемы использования унификации права как приема совершенствования уголовного законодательства [49, с. 3].

Исследуя вопрос унификацию правовых систем государств профессор С.В. Бахин обратил внимание на то, что процесс унификации права становится более эффективным, когда он проникает в строго определенный слой права. В таких случаях возрастает вероятность вариативного подхода интеграционного воздействия на его структуру (правовые нормы, институты, квазиинституты и т.д.). Стандартная унификация законодательства начинается на начальном уровне. Рекомендуют, при необходимости, дополнить существующие общие положения того же типа (некоторые отменить) и правильно разместить их в соответствующих разделах и параграфах нормативных актов, в конкретном и подробном объеме норм. Порядок единства должен быть соблюден [50, с. 276].

Так, поэтому всегда необходимо учитывать конкретную предрасположенность права к унификации, объединению, что является следующей предпосылкой анализируемой тенденции, суть которой заключается в том, что не весь правовой материал подлежит унификации. В зависимости от назначения, места и роли в механизме регулирования варьируется и возможность создания таких объединений, что в некоторых отраслях права, как правило, не оправдано. В таких случаях единство носит негативный характер. Например, трудовое законодательство, регулирующее оплату труда рабочих и служащих, должно быть унифицировано не только в различных производственных подразделениях одной специальности, но и на родственных предприятиях. В таких случаях единообразие нормативных правовых актов будет создавать трудности при выполнении функций работниками различных категорий. В этой ситуации активную роль играет процесс специализации как в направлении производства, так и в создании правил. Отличительной особенностью регулируемых общественных отношений с точки зрения унификации законов является перспективность их

формирования и развития. По общему мнению, специалистов, трудно унифицировать законы, специально относящиеся регулированию обособленных общественных отношений, которые отражают индивидуальную компетенцию различных субъектов права (трудовые отношения, авторские отношения и т. д.).

Профессор И.Н. Сенякин отметил, что выбор критерия унификации законодательства является важнейшим фактором процесса ее правильной реализации. Правовое регулирование, функциональное сходство законодательного материала являются предметом, которые могут выступать в качестве такового. Этому способствует определенная нейтрализация негативных явлений, таких как: противоречивость, тавтология, излишняя дифференцированность, рассогласованность законодательства и т.д. В своей совокупности они как раз и образуют общую проблему дисбаланса. Законодательный дисбаланс отрицательно воздействует на правоприменительную практику, поскольку создает брешь в механизме правореализации, расширяет пределы судебного усмотрения, ведет к нарушению законности и правопорядка [51, с. 16–23].

Таким образом, «унификация законодательства имеет два направления. Это не только разработка общих инструкций по некоторым схожим проблемам общественного развития, но и грамотная техническая и формализованная обработка уже принятых унифицированных положений, то есть систематизация» [52, с. 14].

Надо отметить, что термин «унификация законодательства» не является общепризнанным. Также имеются разногласия относительно понимания сущности процесса унификации законодательства.

По мнению Д.И. Парфенова, альтернативой понятию «унификация законодательства» в юридической литературе, используется понятие «интеграция законодательства». Кроме того, такие категории как систематизация, инкорпорация, консолидация, кодификация, гармонизация, модернизация, имплементация и трансформация законодательства иногда

имеют весьма близкие значения к понятию «унификация законодательства» [53, с. 9]. В комплексном изучении унификации права также не обойтись без использования термина конвергенция права (юридическая конвергенция). Каждый из этих терминов имеет свою специфику, не свойственную унификации права и законодательства, и эти термины не являются предметом данного исследования. Но в связи с устойчивой связью этих терминов с предметом настоящего исследования – унификации законодательства, они рассматриваются в той или мере для более полного и всестороннего раскрытия темы исследования.

Так, например, на всех этапах государственного строительства проводится деятельность по систематизации законодательства. Ученый А.С. Пиголкин подчеркивает, что это постоянная форма развития и упорядочения законодательства, и включают в нее четыре самостоятельных вида правовой деятельности: учет нормативных актов, кодификацию законодательства, инкорпорацию законодательства, консолидацию законодательства [54].

Учет нормативных актов проводится каждым государством по отдельности, формируется своя база нормативно-правовых актов, которые имеет свою структуру, систему и порядок. В большей степени это уже техническая работа, хотя от его доступности зависит успешность работы разных его субъектов – пользователей.

Профессор С.А. Комаров определяет, что систематизация законодательства – это упорядочение действующего нормативно-правового материала, объединение его в единую, стройную, внутренне согласованную систему [55, с. 308]. С.И. Кобзева рассматривает кодификацию как высшую форму систематизации законодательства, в результате которой осуществляются разработка и принятие основополагающего источника права, где закрепляются наиболее значимые принципиальные положения общей и особенной частей отрасли права. Так, кодификация – это критическое переосмысление всего нормативного массива в реалиях сегодняшнего дня, устранение противоречий, дублирования, несогласованности правовых норм,

обеспечение системности, более четкое логичное построение нормативных предписаний, удобство их использования, доступность понимания, возможность применения [56, с. 117].

Профессор З.Ч. Чикеева и доцент А.Ш. Маралбаева отмечают, что в современных условиях отрасли законодательства государств базируются на кодексах, за исключением отраслей, кодификация которых затруднена либо преждевременна. Такие отрасли должны основываться на комплексе консолидированных законов. Кодекс или консолидированный закон определяют основные институты конкретной отрасли законодательства, а также нормативные правовые акты, которые необходимо принять. Инкорпорация и консолидация законодательства являются важными средствами его упорядочения и корректировки, способствуют повышению доступности правовых актов, облегчают их применение, позволяют правильно ориентироваться в законодательстве. Использование данных форм возможно до того предела в развитии законодательства, когда возникшие противоречия и иные недостатки могут быть преодолены путем внешней обработки нормативных актов. Кодификация законодательства – это форма коренной переработки действующих нормативных актов в определенной сфере отношений, способ качественного упорядочения законодательства [57, с. 409]. Кодификация применяется, когда в правовые решения требуется внести нормы с новым содержанием. Наиболее важными признаками кодификации являются:

1) изменение содержания правового регулирования;

2) упорядочение действующего законодательства;

3) обеспечение доступности и обозримости правовых предписаний.

Профессор Ю.П. Бровка в качестве примера приводит основополагающий документ ООН – Устав, где главным органом является Генеральная Ассамблея (п.п. а, п.1. ст. 13), отмечается необходимость организации работы по исследованию и вынесению рекомендательных решений для всестороннего

развития международного публичного права и его дальнейшее кодификация [58, с. 15].

Профессор И.И. Веленто рассмотрел термины «гармонизация» и «модернизация» законодательства в общем контексте. Под «гармонизацией» (согласованием) понимается приведение норм права (законодательства) как одной отрасли, так и различных отраслей в стройное соответствие, где центральное место принадлежит согласованию частных и публичных норм [59, с. 21]. Т.В. Шатковская, рассматривая теорию модернизации, предполагает дифференциацию отдельных сфер общественной жизни, в том числе и правовую, что позволяет рассуждать о таком феномене, как правовая модернизация. Правовая модернизация предполагает активное целенаправленное участие государства в выработке концептуальных и законодательных основ кардинального обновления правовой системы, согласовании этих преобразований с другими сегментами государственной политики, контроле и общем руководстве [60, с. 45].

Также одним из распространенных терминов в сфере единообразного подхода внутригосударственного и международного права стал термин «имплементация». Имплементация международно-правовых норм стала одной из часто применяемых процедур с момента приобретения Кыргызской Республикой независимости. Это и понятно, что новый субъект международного публичного права активно становился участником важных международно-правовых документов. Так, имплементация норм международного публичного права является сложным, а также многомерным явлением, реализующим внедрение международных обязательств во внутреннюю систему права государства. Так, деятельность обеспечения имплементации определенных предписаний, имеющих гуманитарный характер, связана с координацией уполномоченных органов власти в данной сфере. Механизм имплементации связан с преобразованием и приспособлением норм одной правовой системы к другой.

Доцент Д.С. Джумалиев исследуя понятие «имплементация» отмечает, что национально-правовые нормы имплементации не могут действовать без надлежащих национально-правовых механизмов имплементации, тем самым международно-правовые нормы тесно взаимодействуют с национально-правовыми механизмами [61, с. 226].

С. А. Раджабов обращает внимание на то, что в государствах-участниках СНГ вопросы имплементации международно-правовых норм приобретает большую актуальность, так как они становятся частью национального законодательства после прохождения соответствующей процедуры [62, с. 14].

А.Ш. Маралбаева выделяет, что в юридической литературе часто начал использоваться термин «трансформация». Под трансформацией системы права Кыргызской Республики в переходный период понимается процесс ее качественного преобразования, обусловленный совокупностью внешних и внутренних факторов, конечной целью которого является достижение стабильности системы общественных отношений, требующих правового регулирования, наличия устоявшихся отраслей права, что в дальнейшем способствует эволюционному развитию системы права [63, с. 138]. Трансформация тесно связано с новыми направлениями, такими как цифровизация, искусственный интеллект и другие, которые требуют правового регулирования как на внутригосударственном, так и на международном уровнях в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

По мнению Ю.С. Безбородова в процессе единообразного применения законодательства и правовых норм используют термин «конвергенция», на латинском языке «convergere», означает «сближение» или «стремление к сближению» [64, с. 35]. «Конвергенция» является полисистемным термином и используется в разных отраслях науки: естественных, гуманитарных и непосредственно в правовой науке. Определение, данное конвергенции в одном из англоязычных энциклопедических словарей, подчеркивает эту полисистемность, многоплановость и многозначность: конвергенция – это акт, состояние, качество или факт сближения [65]. Нельзя не привести

определение А.Ю. Мордовцева, которая определяет, что конвергенция права – это поливекторный процесс сближения и взаимопроникновения отдельных компонентов разных национальных правовых систем на основе глобальных социокультурных, политических и экономических факторов, универсальных правовых принципов и стандартов, а также специфики их реализации во внутригосударственных правовых отношениях, результатом которого являются интернационализация и унификация механизма правового регулирования общественных отношений [66, с. 117]. О.Д. Третьякова отмечает, что процесс сближения (конвергенции) в полной мере затрагивает и право. Сам факт признания права наиболее эффективным социальным регулятором свидетельствует о конвергенционном единстве взглядов в мире на эффективное регулирование общественных отношений. Об этом свидетельствует и наличие транснационального международного права. Деятельность современного государства осуществляется с учетом тенденций, которые присущи мировому сообществу. Интеграция мировой экономики, основанная на жесткой конкуренции, разделении рынков (сырья, сбыта, труда) требует приведения национального законодательства в соответствие с общепризнанными нормами и принципами международного права [67].

Все рассмотренные термины в той или ной части соприкасаются с термином унификация законодательства, но имеют специфическое узконаправленное значение. Для дальнейшего углубленного исследования унификации законодательства рассмотрим концепции отдельных исследователей.

Так, Н.Г. Доронина «под унификацией права понимает движение к гармоничному взаимодействию различных правовых систем или как взаимодействие национально-правовых систем, уже достигших определенной степени гармонии. Унификация права в широком значении этого понятия заключается не в том, чтобы снять различия в правовом регулировании аналогичных отношений в праве отдельных государств, создав единообразные нормы права, а в том, чтобы снять препятствия на пути международного

сотрудничества и связанного с ним развития регулируемых национальным правом отношений» [68, с. 59].

Е.Г. Потапенко делает вывод о том, что «во всех определениях отсутствует единообразное понимание унификации. Сфера применения унификации включает в себя не только нормы права и нормативные правовые предписания, регламентирующие указанные общественные отношения, но и другие правовые элементы, как правило, тождественные (однородные), либо совпадающие (однородные) общественные отношения, либо указывающие на унификацию как на объект: нормативную терминологию, правовую политику, правовые ценности и др.» [69, с. 344].

Как отмечает Г. Дмитриева, «для более полного определения как категории современного права унификация представляется необходимым рассмотреть вопрос об объектах, а также о способах и формах его реализации. Под объектом правовой унификации понимаются элементы правовой системы, приведенные к единообразию» [70].

Например, В. Туранин исследовал унификацию и рассматривает ее как объект, который должен использовать юридическую терминологию: «унификация юридических терминов должна проводиться в два этапа. Во-первых, необходимо разработать четкую сеть терминов, которые должны быть унифицированы в результате логико-концептуального анализа юридического языка. Во-вторых, уточняя, систематизируя и унифицируя название концепта, необходимо учитывать ряд правил. Можно предположить, что к юридическим понятиям, описанным в курсе науки, можно отнести и процесс унификации. Однако такая унификация означает, что унификация юридических терминов возможна и не может быть осуществлена таким же образом» [71, с. 46].

В современном научном обороте, термин «унификация» является дискуссионным, и исследователи часто прибегают к терминологии «общепризнанные нормы», «международные стандарты», а не «унифицированный термин».

Термины «общепризнанные нормы» и «международные стандарты», вошли в активный юридический оборот и часто начали применяться с момента принятия независимости Кыргызской Республикой, когда в национальное законодательство начали проникать нормы и принципы международного права и международного права прав человека.

Слово «стандарт» в толковом словаре русского языка означает «образец, которому должно соответствовать, удовлетворять что-нибудь по своим признакам, свойствам, качествам, а также документ, содержащий в себе соответствующие сведения» [72, с. 762]. Профессор О.И. Тиунов определяет международные стандарты в области прав человека как «правила, выраженные в виде общепризнанных принципов и норм международного права в сфере прав человека» [73, с. 175]. Формулировка понятия «международных стандартов прав человека» осложняется его отсутствием в международно-правовых документах, хотя ссылки на международные стандарты содержатся во многих международных документах, принимаемых органами ООН. Например, в своем выступлении на заседании Совета Безопасности в январе 2011 г. Генеральный секретарь ООН отметил, что «необходимы общие нормы для того, чтобы правовые системы могли применять закон одинаково ко всем… Соблюдение международных стандартов, в том числе в области прав человека, будет поддерживать доверие общественности к институтам» [74].

Термины «общепризнанные нормы» и «международные стандарты» в диссертационном исследовании используются часто, и это объясняется тем, что в современных условиях международные экономические отношения стали приоритетной областью взаимоотношений государств, особенно в интеграционных объединениях, где также вырабатываются общие стандарты, которые должны быть признаны всеми его участниками. Так, С.М. Муратбекова, исследуя вопросы международных стандартов в области семейного права, отмечает, что международные нормы в данной области, принятые государствами состоят из международных соглашений, которые

регулируют их взаимодействие по уважению, соблюдению и защите прав и свобод женщин [75, с. 35].

Понятие «унифицированный термин» как новое явление юридической науки нуждается во всестороннем его изучении. Вследствие этого унификация права как объект исследования, закрепленный в правовых актах и имеющий значение нормативно-правового акта, является лишь частью юридической терминологии. Такой подход подтверждается и другими аналогичными разработками вопроса унификации терминологии. Исследования Л.Ю. Фомина в этом направлении служат примером, которые изначально ограничивают круг объектов унификации нормативной сферой терминологии [76].

Субъективные права и юридические обязанности в отдельных моментах называются объектами унификации (выравнивания правового статуса отдельных субъектов правоотношений). Но, в конечном счете, речь идет также об унификации правовых норм (их совместном принятии в форме учреждений), установлении правового статуса.

На основе анализа исследований Е.К. Порфирьева пришла к выводу, что правовая унификация приводит к тому, что в большинстве случаев объект унификации – это правовое регулирование, верховенство закона, законы или нормативные акты. Если рассматривать объект унификации правового регулирования, то правовой нормой является не весь механизм правового регулирования, а только его основной элемент. В качестве объекта правового регулирования унификационного процесса рассматривается, как правило, деятельность в рамках международного права, относительно правовой анализ которой проводится в регулировании отдельных нормативных общественных отношений [77, с. 5]. В этом случае изучаются только нормативные элементы правового регулирования, иными словами, сравниваются соответствующие блоки правовых норм, регулирующих сходные правоотношения. Поэтому говорить об унификации всего механизма правового регулирования не представляется возможным.

Как объект унификации право также рассматривается в трудах по международному публичному праву. Право при этом рассматривается в данном контексте как нормативная концепция, то есть как совокупность правовых норм. В таком значении, под унификацией закона профессор Г.Дмитриева подчеркивает это как «создание идентичных (унифицированных) норм во внутреннем (национальном) праве разных государств» [78, с. 14].

Таким образом, правовая норма выступает как главный объект унификации в различных концепциях исследователей.

В отличие от вышеприведенной позиции, работа исследователя, который относится к праву как к объекту унификации, на первый взгляд кажется более обоснованной, делая акцент на объекте правовой унификации (правоверность – правовое регулирование, правовые нормы – общее право). Предпосылка унификации законов основана на традиционном понимании права как формы права. Это различие позволило отдельным авторам представить первые разработки закона и его понимание.

Например, Д.Е. Петров считает, что смешение этих понятий приводит к разговору об унификации права, разграничивая понятий «унификация права» и «интеграция права», подразумевая эквивалентный юридический процесс. Благодаря этим действиям закон проясняет процесс с точки зрения содержания, включая очень широкое определение унификации законодательных норм. Некоторые авторы полагают, что цель унификации касается формальных аспектов права и что процесс интеграции происходит с учетом содержания закона [79, с. 330]. Надо признать, что интеграция и унификация права – это процессы разные по своей природе и целям. Унификация – в большей степени касается изменения содержания закона. Интеграция – это связанная с объединением ее элементов в правовые сообщества, выступает формой изменения структуры права.

Ученые выявляют различия, обращаясь к их содержанию, то есть правовым нормам, и рассматривают право, как объект идентификации.

Следовательно, целью унификации в данном случае являются правовые нормы, а не нормативно-правовые акты.

Таким образом, унификация – это процесс изменения содержания закона, поэтому при изучении этого процесса не совсем оправданно ограничивать его определением и статичными элементами. В связи с этим следует обратить внимание на функциональный элемент унификации права, то есть на его методы и варианты воплощения. Наиболее обобщенная форма метода унификации понимается как совокупность методов и средств для достижения цели создания единой нормы. Форма единства – это внешнее проявление процесса. Внешней формой этого процесса может быть только правовая форма, поскольку целью унификации является правовая норма. По своей природе унификация – это процесс, то есть действия и операции, которые выполняются последовательно. Следовательно, основной формой объединения является юриспруденция, поскольку внешней формой представительства этого процесса является судебное действие. Это могло бы стать непосредственной целью регулирующей деятельности. Во всех правовых системах такая работа наполнена своим собственным содержанием. Законодательный процесс – это та часть, в результате его реализации возникает правовая основа государства.

В процессе унификации права немаловажным является и толкование права, которое направлено на выработку единообразного понимания и применения законодательных норм. Профессор Е.В. Васьковский видел задачу толкования, «прояснить содержание нормы», «развить ее смысл» или «прояснить идеи и волю законодателя». Доказательством этого является значительная часть различных толкований и примеров актов толкования норм права. Например, стоит указать на широкое или ограничительное толкование закона, которое предполагает изменения в его содержании [80, с. 8]. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры актов толкования и правовых норм. Например, необходимо указать более широкое и ограничительное толкование закона, содержание которого подлежит изменению.

Таким образом, Договор о ЕАЭС впервые вводит в научный и практический оборот термин – «унификация законодательства» [81]. В соответствии с ним «унификация законодательства» – это сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором о ЕАЭС.

В авторском определении, *унификация законодательства – это деятельность государств-участников интеграционных объединений, на основе совместно выработанных принципов и механизмов правового регулирования в рамках принятых международных договоров по сближению национального законодательства по тем сферам, которые представляют взаимный интерес.*

По сути, Договор о ЕАЭС стал концептуальным документом по совершенствованию законодательства государств-участников ЕАЭС в соответствии с требованием времени. Перед учеными стоит большая задача по глубокому анализу юридических новелл, которые нашли свое место в самом Договоре, в частности нормы, направленные для принятия общих стандартов по унификации законодательства, по разным областям (таможенное право, торговое право, экономическое право и другие), где проводится тесное сотрудничество. Также сам Договор о ЕАЭС как юридический документ нуждается во внесении изменений и дополнений, которые могут быть предложены сторонами, участвующими в самом Договоре, с учетом их национальных интересов. Из этого следует, что унификация законодательства происходит как внутри организации, так и в законодательстве государствах-участниках объединения.

Как показывает опыт различных интеграционных объединений, таких как, например, Европейский союз (далее – ЕС), Всемирная торговая организация (далее – ВТО) и др., без принятия на международном уровне и внедрения во внутреннее законодательство единых норм невозможно достичь целей, предусмотренных в уставных документах.

В этом контексте профессор Т.Н. Нешатаева обращает внимание на позицию органов ЕАЭС. Как исполнительный орган, Евразийская экономическая комиссия создает регулирующие правила (нормы права ЕАЭС), а Суд ЕАЭС следит за тем, чтобы эти правила:

а) применялись единообразно и

б) не противоречили целям и принципам Договора о ЕАЭС [82, с. 20].

Далее, Суд ЕАЭС разъясняет о том, что унификация – это приведение к системе, единому типу, единообразию или форме и является эффективным, широко распространенным способом, за счет сокращения списка допустимых элементов и решений, направленных на устранение ненужного разнообразия. В этом контексте унификация законов заключается в том, что различные нормы – внешние и внутренние, заменяются единой унифицированной нормой. На практике суть унификации заключается в том, что государства-участники договорились добровольно отказаться от протекционизма в различных сферах, но в то же время каждое государство-участник устанавливает унификацию самостоятельно в определенных пределах и в соответствии с установленными правилами в пункте 6 Приложения № 20 к Договору [83].

Так, отдельные ученые отмечают, что теоретико-правовой анализ развития системы права Кыргызской Республики необходим, в связи с динамичным изменением системы общественных отношений в условиях переходного периода, что, в свою очередь, требует создания новых и совершенствования существующих правовых средств в целях повышения эффективности действия права. Известно, что система права является составной частью национальной правовой системы и в этой связи тенденции ее модернизации рассматриваются через призму происходящих в переходный период правовых реформ [84].

В своих трудах профессор С.С. Алексеев обращает внимание на то, что «по тематике и критериям выполнения существуют разные типы систематизации. Это означает, что это могут делать государственные органы,

наделенные законодательными полномочиями. Или это может быть результатом деятельности отдельных ученых или практикующих юристов. При проведении определенных видов систематизации возможно изменение не только внешней формы, но и внутреннего содержания, то есть самой системы права. В конечном итоге, приводит к целенаправленным преобразованиям в его ткани активная законодательная деятельность, выраженная в содержании нормативных актов, их соотношении, структуре и воплощает в себе влияние субъективных системообразующих факторов на структуру права» [85, с. 57].

Кроме того, следует отметить, что кодификация является основным методом внутригосударственного единства. Способ решения проблемы интеграции правовых материалов в единую правовую систему заключается в том, что процесс «создания» логически замкнутой («закрытой») правовой системы представляет собой системное нормативное обобщение [86, с. 257]. Д.В. Чухвичев под кодификацией выделял «особый вид систематизации законодательных норм, представляющий такое выражение верховенства права, которое содержится в систематизированных нормативных правовых актах и сложных формах права, в новом едином законе» [87, с. 5]. Следует обратить внимание на случаи, когда кодификация – это не только формальное объединение нормативного правового акта или его части в единый нормативно-правовой акт, поскольку согласование правового материала и само объединение является единственным юридическим лицом. На практике было показано, что разнообразие нормативных правовых актов создает столько же трудностей в применении норм, сколько и их конкуренция.

Еще Ш. Монтескье в труде «О духе законов» отмечал, что законы должны быть приспособлены для той страны, для которой они созданы, соотноситься с ее порядком управления, территорией, климатом, населением, традициями, моралью [88, с. 350, 410]. В целях разрешения этого противоречия традиционно применяются оговорки в международных документах. Однако их недостаточно для полного решения проблемы. В связи с этим наряду с унификацией ведется деятельность по согласованию

(гармонизации) права, при которой право не становится единым, в нем сохраняются различия, но устраняются те из них, которые наносят существенный ущерб международно-правовым отношениям. И вопрос возникает не только по поводу заключения соответствующих межгосударственных соглашений для унификации национальных систем, но и унификации законодательства. В последние годы при разработке и принятии типового или нормативного документа предпочтение отдается такому способу унификации. Примером может служить Соглашение «О внесении изменений в Перспективный план модельного законотворчества и сближения национального законодательных норм в СНГ на 2005–2010 годы» [89, с. 300].

Как известно, особенность этого метода заключается в том, что он разработан на основе общего соглашения о достижении единообразия правового регулирования стран-участниц и служит лишь образцом, и подобный нормативный акт не является обязательным для государств, модель возможного внутреннего нормативного акта, следовательно, у государств есть возможность, с одной стороны, достаточно быстро достичь определенного единства и заполнить пробелы в нормативном регулировании тех или иных вопросов, с другой стороны, сохранить некоторые старые положения и правила, которые в настоящий момент нельзя радикально изменить. При этом, если унификация осуществляется методом принятия типового акта, то достигается тот же результат, что и при унификации международных договоров: возникают новые нормы внутреннего права, опосредующие условия ранее заключенного международного договора. В этом смысле унификация аналогична процедуре реализации. Следовательно, если унификацию международных договоров можно рассматривать как своего рода имплементацию, то унификация законодательства путем принятия модельного акта также должна быть отнесена к той же категории [90, с. 108].

Таким образом, унификация законодательства государств в теоретическом аспекте происходит с возникновением и развитием государств и его законодательной системы. За последние годы с разных точек зрения

рассматривается унификация права и законодательства государств, но на данный момент появилась необходимость всестороннего исследования и разработки этой научной концепции. Также важно объединить общие подходы исследования унификации права и законодательства и вести планомерную работу по его практическому применению в законотворческом процессе государств. Одной из таких работ может послужить проведение совместных научно-практических семинаров и конференций по вопросам унификации законодательства, где будет происходить обмен мнениями и теоретическими разработками ученых, а также обсуждение исследовательских работ по данной проблематике юриспруденции.

1.2. Внутригосударственные и международно-правовые основы сближения законодательства государств

Во внутригосударственном и международном праве основные функции унификации права выполняются между государствами и достигается оформленная международным договором, в первом случае, договоренность о единообразном регулировании определенных отношений, который, содержит правовые нормы, призванные регулировать эти отношения. Достижение договоренностей и принятие соглашения с текстом соответствующих правил не означает, что произошла унификация законодательства. Как и принято, далее идут внутригосударственные процедуры по внедрению международного договора в правовую систему государства.

О.В. Марченко отмечает, что история унификации документооборота развивалась вместе со становлением системы делопроизводства государств в целом. По мере образования централизованного государства, усложнения его административных задач, возникновения аппарата государственного управления расширялись сферы применения документов и их количество, постепенно формировалось приказное делопроизводство, возникновение которого было связано с созданием первых государственных документов – приказов [91, с. 12].

А. Новак считает, что объективный подход к познанию права, существующего и функционирующего в условиях нарастающего процесса глобализации мира [92, с. 146–152], важен, помимо прочего, для выявления и учета основных тенденций его развития.

Особый интерес к этому аспекту права позволяет увидеть его не только в статике, но и в динамике, четко определяя не только текущее состояние, но и общее направление развития права в будущем.

Разработка законов и развитие права ведется в разных направлениях, и, как показывает практика, их исследование настолько многочисленно и разнообразно, что для правильного познания этих явлений методологически

важно классифицировать их по разным критериям и изучать как «не распространенные», а различаемые по принадлежности к определенной группе.

Такие критерии могут включать, в частности, форму и степень проявления определенной тенденции (ярко выраженный тренд, внешний вид и другие), уровень их проявления (глобальный, региональный, национальный), сферу жизни, отрасль или институт законодательства, в которых возникают определенные тенденции и развиваться и т. д.

Существуют некоторые трудности в детальном рассмотрении всех тенденций развития права, которые формируются в настоящее время, которые проявляются на разных уровнях и в разной степени. Это отчетливо проявляется на мировом и региональном уровнях, а также на местном уровне (государства) отдельных отраслей законодательства и институтов.

По мнению профессора М.Н. Марченко, прежде всего, среди событий на внутригосударственном и международном уровнях необходимо выделить особенности в унификации законодательства [93, с. 5–11].

Возникновение и развитие этого направления, как и других подобных, было основано на объективном процессе интеграции мировой экономики, финансов, коммуникаций, средств массовой информации и других средств и социальной сферы, что не могло не повлиять как на эволюцию права в целом, так и на его дальнейшего развития.

Универсализация права в современных условиях сопровождается стремлением выработать общий комплексный подход к праву, а также унифицированный подход, который подразумевает «внедрение унифицированных норм в правовую систему государства» [94, с. 21]. Профессор В.С. Нерсесянц утверждает, что становление и развитие права со всеми особенностями национальной правовой системы (от ее примитивной формы до современной развитой), по сути, история его все большей универсализации и унификации, история все более глобального движения к праву, и эти исторически прогрессивные характеристики и особенности

развивающегося права выражают их репрезентацию, фиксацию и реализацию (действия) как в отдельных национальных правовых системах, так и в международно-правовых документах [95, с. 40].

Как отмечают большинство ученых, унификацию законодательства можно проследить практически на всех исторических этапах эволюционного развития государства и права, но в условиях глобализации она проявляется наиболее ярко, носит не эволюционный, а, скорее, взрывной, революционный характер.

В силу этого сам процесс глобализации неслучайно характеризуют иногда как «макромасштабный, многоплановый», хотя и «внутренне противоречивый процесс нарастания общего в элементах мировых экономической, социальной и правовой систем» [96, с. 5].

В этом ключе интересно мнение профессора Л.Ч. Сыдыковой, которая отмечает о том, что Кыргызская Республика приняла на себя ряд официальных обязательств по приведению внутреннего законодательства в соответствии с международным правом. Это означает, что процесс гармонизации законодательства является обязательным и безусловным к исполнению. Была предложена идея о подготовке модельного Международного уголовного кодекса, который мог бы стать основой дальнейшего развития внутреннего национального законодательства каждого из государств стран СНГ, и определил бы целостную единую политику государств в борьбе с международной преступностью [97, с. 20].

В своих исследованиях доцент Ч.А. Туратбекова пришла к выводу, что международный договор в контексте регулирования частно-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, следует рассматривать как источник коллизионного права ввиду возможности прямого применения на территории Кыргызской Республики, не «встроенный» тем не менее в правовую систему и в систему законодательства, что, среди прочего, подразумевает и установление связей и соотношения элементов между собой. В целом, автор придерживается позиции, что законодателю в отраслевых актах следует

установить унифицированный подход к статусу международного договора как составной части законодательства, а равно единообразно определить вопрос о соотношении норм национального законодательства и норм международного права во всех отраслях права [98, с. 24].

По наблюдению специалистов, общие тенденции унификации законов наиболее выражены на внутригосударственном и международном уровнях в таких областях правового регулирования, как международная торговля, мировая экономика, бизнес и финансы.

Конечно, степень развития подобной ситуации в пределах разных государств не может быть одинаковой, и это объясняется многими объективными причинами. В частности, это уже не может быть в том же порядке из-за того, что уровни интеграции различны, что понимается, как «модель сознательного и активного участия групп стран в процессе стратификации мира посредством глобализации» [99]. Например, если интеграция в рамках Европейского союза практически во всех сферах жизни этого сообщества достигла очень высокого уровня, то в других регионах, включая Содружество Независимых Государств (далее СНГ), она находится на очень низком уровне [100]. А если обратимся к ситуации внутри ЕАЭС, то процессы унификации законодательства находятся на начальном этапе становления и формирования. Государствам-участникам ЕАЭС предстоит пройти очень важный и трудный этап по преодолению разногласий и спорных моментов на пути строительства единого правового пространства по тем сферам, где идет активное взаимодействие.

То же самое относится и к положениям унификации права: она наиболее выражена на уровне Европейского союза и менее выражена на уровне других региональных организаций.

Поскольку интеграция в глобальном масштабе традиционно рассматривается отечественными и зарубежными авторами как неотъемлемая и очень важная часть глобализации, а также уровень мировой интеграции и одновременно степень развития и проявления унификации права. Естественно,

это основано на том факте, что развитие этих явлений неравномерно в разных частях мира, а не на каких-то «усредненных» показателях.

Так, в условиях глобализации, параллельно с процессами унификации права наблюдается картина все более широкого формирования и более активного использования принципов права как регуляторов общественных отношений, о чем свидетельствует анализ нормативно-правовых документов, принятых на межгосударственном и наднациональном уровне.

В то же время дискуссионным является не только вопрос об основных принципах международного публичного права, особенно о принципе суверенного равенства государств, принципе территориальной целостности, невмешательстве во внутренние дела других стран, принципе, согласно которому государства должны воздерживаться от применения силы или угрозы силой, разрешения споров только мирными средствами, но и другие принципы, закрепленные в Уставе ООН (1945 г.), Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970 г.), Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.) и в ряде других международно-правовых документов [101].

Мы также ссылаемся на принципы отношений, которые формируются и устанавливаются наряду с государствами между различными субъектами международного права, которые в научной литературе обычно именуются «субъектами, вовлеченными в глобализацию». К ним относятся универсальные и региональные международные организации, многонациональные корпорации, финансовые и информационные группы, международные неправительственные организации, а также другие национальные и межгосударственные институты [102].

Унификация как процесс приведения к единообразию характерна для различных сфер социальной жизни, в том числе и для правовой. Важность унификации в праве обусловливается тем, что только внутренне непротиворечивая, упорядоченная система юридических норм может

обеспечить полноту и эффективность правового регулирования. В то же время, как справедливо отмечают исследователи, унификация права имеет двоякое направление: с одной стороны, необходимо разработать общие единообразные стандарты, рассчитанные на аналогичные взаимоотношения, и с другой – не всегда общепринятые нормы и стандарты подходят всем участникам интеграционного объединения, то есть необходимо постоянно учитывать и особенности каждого из участников подобных объединений [103, с. 435].

Проблема унификации права особенно актуальна в федерациях, где существуют федеральный закон и субъектное право. Например, обеспечение единства американского права является весьма сложной задачей, поскольку, с одной стороны, в США фактически существует 51 правовая система (одна федеральная система и пятьдесят систем штатов), а с другой стороны, два основных формальных источника права сосуществуют в американском праве, дополняя друг друга: законодательство (статутное право) и юриспруденция (общее право). В то же время унификация стандартов, содержащихся в этих источниках, имеет свою специфику [104, с. 73–81].

Применительно к американскому статутному праву, как отмечает Р.Дэвид, для обеспечения единообразия американского права используются два основных средства. Первый состоит в расширении юрисдикции федеральных властей по вопросам, для которых единообразие права особенно необходимо. Обычно это делается путем обращения к Верховному суду США с просьбой интерпретировать соответствующие положения Конституции США. Другой способ – побудить штаты принять типовые «единые законы», целью которых является унификация законодательства штатов [105, с. 305–306]. В США движение «единых законов» началось в конце XIX века, прежде всего, как часть расширения торговых связей между штатами. Это был интеллектуальный продукт профессоров права, адвокатов и коллегий адвокатов, но причиной его успешной практической реализации была объективная необходимость. В 1892 году была создана Национальная

конференция уполномоченных по единообразным государственным законам (National Conference of Commissioners on Uniform State Laws) [106], которая до сих пор существует. Комиссары назначались губернаторами штатов. Первым «единым законом», предложенным Конференцией, был Единообразный закон об оборотных документах 1896 года, который касался чеков, акций и облигаций [107, с. 80] и который одобрили практически все штаты США.

Мы считаем, что всеобъемлющие международные соглашения играют важную роль в процессе унификации национального законодательства. Таким образом, любой международный договор, независимо от конкретного вопроса, который он затрагивает, регулирует отношения между государствами и связывает только государства-участники. То же самое касается международной конвенции, направленной на объединение прав – Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров [108]. Он регулирует отношения между государствами на основе единообразного регулирования купли-продажи, обязывает государства применять конвенцию в рамках верховенства права. Лишь тогда, когда нормы, содержащиеся в международном договоре, станут частью национального (внутреннего) права государства, можно будет говорить об унификации права как о конечном процессе: во внутреннем праве суверенного государства [109, с. 9–15].

Унификация законодательства на международном и внутригосударственном уровне – это взаимосвязанный процесс. Первоначально создается совокупность соответствующих правовых норм в форме международных договоров, и государства несут международно-правовые обязательства по обеспечению их применения. Трудно переоценить важность этого этапа для создания единого стандарта. Этот процесс длительный, сложный и зачастую трудоемкий. Он предполагает поиск компромиссных решений для согласования позиций различных государств, на которые влияют не только особенности их собственных правовых систем, но и политические и иные интересы. На принятие текста международного договора иногда уходят десятилетия. Например, Комиссия ООН по международному

праву более 20 лет работала над проектом Конвенции о юрисдикционном иммунитете, который был принят лишь в 2004 году [110].

На наш взгляд, работа по унификации законодательства фактически завершается национальной процедурой принятия международных договоров и, следовательно, международно-правовыми обязательствами государства. Нормы, содержащиеся в договоре, еще не являются унифицированными нормами, но им суждено стать таковыми, и поэтому их можно назвать унифицированными нормами. По своей природе, они представляют собой международно-правовые стандарты, обязательные только для государств-участников соответствующего договора. Понятно, что весь процесс создания единых правовых норм происходит в рамках международного права с помощью присущих ему механизмов.

Дальнейшая работа по унификации законодательства связана с процессом взаимодействия национального права и международно-правовых стандартов. В результате унифицированные нормы представляют собой внутренние законы различных государств, то есть одни и те же нормативные акты, полностью совпадающие по содержанию. Эти нормы имеют силу национального права, включая соответствующие внутригосударственные меры по их реализации. Поэтому они являются юридически обязательными для всех субъектов национального права как правоприменительных органов, так и участников права. Правовая основа этого процесса в Кыргызской Республике содержится в части 3 статьи 6 Конституции, которая включает общепризнанные принципы и нормы международного права, и международные договоры, вступившие в силу в соответствии с законодательством Кыргызской Республики: обращаем внимание, что они являются неотъемлемой частью правовой системы Кыргызской Республики. Порядок и условия реализации международных договоров и общепризнанных принципов, и норм международного права устанавливаются законом [111].

Ученый – практик А.А. Токтогулов обращает особое внимание на многоуровневую систему формирования конституционного законодательства,

фундаментом которого является Конституция Кыргызской Республики. Закрепленные в ней принципы и приоритеты находят свое дальнейшее развитие и необходимые правовые формы в конкретизирующем законодательстве [112, с. 62–67].

Конституция устанавливает общий принцип действительности международных договоров в Кыргызской Республике как составной части ее правовой системы. Следовательно, это правило можно рассматривать как главный или важный преобразующий стандарт, в соответствии с которым нормы международных договоров, в которых Кыргызстан участвует или будет участвовать, приобретают национальную юридическую силу (этот же принцип повторяется в специальных частно-правовых законах, например, часть 1 статьи 3 Налогового кодекса Кыргызской Республики предуматривает, если международным договором, вступившим в силу в соответствии с законодательством Кыргызской Республики, установлены иные принципы и нормы, чем предусмотренные налоговым законодательством Кыргызской Республики, то применяются принципы и нормы такого международного договора) [114]. Что интересно, такая же норма в Гражданском кодексе Кыргызской Республики утратила силу в соответствии с Законом Кыргызской Республики от 14 марта 2014 года № 49 [115].

Также конституционная норма закреплена в законах и, в первую очередь, в преамбуле Закона «О международных договорах Кыргызской Республики» от 2014 года, согласно которому Кыргызская Республика в установленном законом порядке участвует в реализации международных договоров, что является неотъемлемой частью правовой системы Кыргызской Республики [116]. Соглашение об обязательствах по договору может быть выражено как в форме закона (о ратификации, при включении), так и в форме правовых актов Президента Кыргызской Республики или Кабинета министров Кыргызской Республики. Эти правовые акты являются предметом правовых форм, в правовую систему которых входят нормы международных договоров. Они также определяют место единых норм в правовой иерархии: если

международный договор заключен в форме закона, то его нормы приобретают юридическую силу; если договор заключен подзаконным актом, то его нормы приобретают юридическую силу подзаконного акта.

Ради справедливости надо отметить, что Конституция Кыргызской Республики является одной из наиболее прогрессивных в вопросе признания и включения международных стандартов в качестве средств содействия эффективного управления. Трудности, с которыми сталкиваются страны в решении внутренних вопросов, могут влиять на другие страны региона или международное сообщество в целом. По мере того как проблемы, возникающие перед обществом, становятся все более взаимосвязанными, механизмы глобального управления и международное право играют все более возрастающую роль во внутренней жизни отдельно взятого государства [113, с. 33].

Таким образом, унификация законодательства во внутригосударственном и международном праве между собой тесно взаимосвязаны и проходят этапы по сближению и согласованию. Современное развитие государства и права в условиях глобализации для совершенствования правовой системы предполагают использование всех правовых методов и средств по сближению законодательства (имплементация, трансформация, конвергенция и др.) с унификацией законодательства.

Заключение по первой главе

Подводя итоги исследования в первой главе полагаем возможным сформулировать следующие **выводы:**

1. Аргументировано, что унификация законодательства государств в теоретическом аспекте происходит с возникновением и развитием государств и формированием его законодательной базы. Появилась необходимость разработки общих подходов в исследовании унификации законодательства и вести работу по его практическому применению в законотворческом процессе государств. Договор о ЕАЭС стал концептуальным документом по совершенствованию законодательства государств-участников ЕАЭС, и его

нормы и положения направлены для принятия общих стандартов по унификации законодательства. Так, в соответствии с Договором о ЕАЭС впервые вводится в научный и практический оборот термин «унификация законодательства». Предложено авторское определение о том, что унификация законодательства – это деятельность государств-участников интеграционных объединений, на основе совместно выработанных принципов и механизмов правового регулирования в рамках принятых международных договоров по сближению национального законодательства по тем сферам, которые представляют взаимный интерес. В этом контексте необходимо объединить общие подходы исследования унификации законодательства и вести планомерную работу по его практическому применению в законотворческом процессе государств. Одной из таких работ может послужить проведение научно-практических семинаров и конференций по вопросам унификации законодательства, где будет происходить обмен мнениями и теоретическими разработками ученых, а также подробные исследовательское работы по вопросам унификации законодательства.

2. Унификация законодательства во внутригосударственном и международном праве происходит путем принятия международных договоров, которые на разном уровне (двусторонние и многосторонние) реализуются заинтересованными сторонами. Процессы глобализации подталкивают участников международных отношений все более активно проводить работу по сближению правовых норм, если они не создают благоприятные условия для развития. Внутригосударственное право государств отчасти стало продолжением международно-правовых соглашений, так как обязательства, принимаемые государствами в рамках участия в этих соглашениях, предполагают их исполнение. В связи с этим проводится работа по сближению отраслевого законодательства государств не только по содержанию, но и по стандартам, которые принимаются в рамках международных организаций.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ

2.1. Историко-правовой и логический метод изучения унификации законодательства государств

Вопрос о соотношении исторического и логического методов в общей теории права является лишь одним из аспектов многогранной концепции исторического и логического в правовом аспекте.

Концепция взаимосвязи логического и исторического в связи с правом обобщает теоретические знания о правовых явлениях, выступая в качестве особого аспекта общей эпистемологической теории с точки зрения анализа движения познания и категориального представления в сфере исторического процесса правового развития общества. Здесь историческое и производно-логическое имеют первостепенное значение. Причинно-следственная связь между субъективным и идеальным является основой этой корреляции.

Историзм – это общая методологическая основа социального знания, в том числе о государстве и праве. Как принцип социального познания историзм конкретизируется в категориях исторического и логического. В общегносеологическом смысле эти категории характеризуют отношение между историческим бытием государства и права и его отражением в теоретическом познании [117, с. 13].

Диалектика исторического и логического раскрывается в соотнесении объективного исторического развития государства и права с теоретическим осмыслением результатов этого развития на определенном этапе (феодализм, капитализм и др.), в конкретном регионе.

Использование исторического метода является необходимым условием теоретического (логического) изучения государства и права. Однако для изучения генезиса государства и права необходимо обладать определенными

теоретическими знаниями об этих социальных явлениях. Следовательно, логический метод оказывается, в свою очередь, предпосылкой исторического метода.

Утверждение Д.А. Керимова о том, что всякое исследование должно в своей методологической основе исходить из единства исторического и логического. Без исторического воспроизведения действительности исключается возможность логического осознания ее закономерностей, но и без логического осмысления хода истории невозможно вскрыть внутренние причины и механизмы закономерного ее движения [118, с. 19]. Так, возможны различные актуализации проблемы соотношения данных методов в ходе исследования права.

Специфичность и единство историко-логических методов в теоретических исследованиях права определяются суммой объективных условий и характеристик – единством и различием бытия и структуры, процесса и результата, статики и динамики. Роль эпистемологических основ здесь заключается в характеристиках средств и этапов познавательного процесса, структурно-функциональных, системных и генетических подходов. Например, диалектика доисторического и развитого государства рабовладельческого права наглядно раскрывает единство и различие исторического и логического во вполне конкретной целостности, в категориальном синтезе юридических понятий и определений.

Единство логики и истории основывается в первую очередь на взаимосвязи и взаимообмене различных аспектов права – его возникновения, функционирования и развития. Трактовка права как органической единицы юридически взаимодействующих элементов позволяет рассматривать структурные, функциональные и генетические отношения как особые формы проявления законов его развития, а теорию права – как результат исторического процесса. В диалектическом строении и генезисе законы правовой формы общественной жизни приобретают материальность, средства и формы проявления. Структура целого может стать логикой, позволяющей

прояснить его формирование. Его анализ раскрывает механизм законного внутреннего движения права. И даже эта стадия логического анализа позволяет нам выразить основные эмпирические этапы развития права в определенной системе понятий, категорий и закономерностей, чтобы получить реальную картину его исторического развития.

Изучение содержания, структуры и механизма регулирования каждой правовой нормы, института или отрасли создает предпосылки для открытия генетической природы, изменения генетических основ, всей правовой системы определенного исторического типа. Различие между закономерностями функционирования права и законами его познания также позволяет нам рассматривать и структурировать категории, которые развивают сущность и содержание права в нескольких аспектах: онтологическом – с точки зрения объективного содержания; логические – как диалектические формы движения мысли в правоведении, структура теории права; гносеологические – с точки зрения их формирования и соответствия правовой действительности.

Таким образом, проблема соотношения логического и исторического в праве может изучаться в любой плоскости. В первом случае он выступает как объективная диалектика генетических и структурных связей, отношений и закономерностей. Во втором случае возникает целый комплекс конкретных теоретико-правовых проблем: точное отражение, воспроизведение в мыслеформах объективной диалектики, закономерности развития права в структуре и системе общей теории права. Ряд специфических проблем корреляции возникает из-за несоответствия закономерностей законотворчества, логико-исторического знания и конкретной логики самого права.

Проблема взаимосвязи исторического и логического относится к взаимосвязи между высшей стадией развития правовой теории и предшествующими стадиями в организации и построении научного юридического знания.

Исторический метод в общей теории права служит не только для подтверждения закономерностей, выявленных логическим методом, хотя эта функция имеет большое значение. Законы бытия, периоды становления отличаются от законов строения и функционирования высшей стадии. Таким образом, это анализ и синтез в новой исторической форме, ориентированный на другой раздел правовой реальности, который в текущий период в значительной степени подавлен и существует для исследователя в его трансформированных остаточных формах, свидетельствах прошлого. Исторический метод также применим для прогнозирования возможных этапов и форм в зависимости от закономерностей и тенденций текущего этапа развития [119, с. 70].

Академик Т.Я. Хабриева отмечает, что общая теория государства и права отдает должное историческому методу и ставит его в преимущественное положение даже по отношению к логическому. Создаваемые на этой основе концепции развития законодательства учитывают еще и прогнозы развития государственности, поэтому они, по большому счету, формируют высокий стандарт законотворчества, позволяющий определить прогнозируемые уровень и качество законопроектной работы в соответствии с современными потребностями социально-экономического развития страны [120, с. 280].

Эмпирические подходы, затрагивая вопросы объективности знаний стали менее требовательными в изучении юридической науки. Прагматизм, общепринятость и последовательность выходят на первый план. Исследователи определенных отраслей науки, опуская важность метафизики, сходятся на консенсусе по определению истинности знаний [121, с. 30]. Так, например, по мнению Анри Пуанкаре, истинность знаний определяется во время дискуссий, которые происходят на конференциях и семинарах [122, с. 585]. В принципе можно с ним согласится, и такая практика реализуется на юридических конференциях [123, с. 351–360; 124, с. 33].

Нормы, институты и отрасли права формируются на протяжении всей человеческой истории, и они опираются на субъектах и объектах познания, а

также на методов и средств познания. Юридические знания имеют свои особенности в разные этапах своего развития [125, с. 585–588].

Философия права в период античности основана на субъективных учениях Аристотеля о праве и законе [126, с. 291]. Далее следует уделить внимание развитию юриспруденции в Новое время в XVII–XVIII веках, когда появляются новые теории познания государства и права, связанные объективными и субъективными обстоятельствами [127]. Научные исследования начали подтверждаться эмпирическими способами [128]. Появляющиеся все новые теории познания в науке стали подвергать сомнению объективность знаний из-за того, что конечный результат зависит от способов и методов исследования [129, с. 76]. Все это привело к появления рационального типа познания в науке.

С появлением нового течения в науке – теории подтверждения продолжились дальнейшие дискуссии [130, с. 115; 131, с. 362; 132, с. 101 и другие]. Каждая теория подвергается сомнению и может быть отвергнута на основе нового, если оно докажет свою истинность [133, с. 95–99].

Генезис юридической науки показывает, что объективность и достоверность научных знаний имеют ключевое значение для всех заинтересованных сторон, особенно в процессе выработки фундаментальных положений философии права и методологии юридической науки

XX век внес свой вклад в развитие рационального подхода в юридической науке. Научные познания правовых явлений в целом начали тесно переплетаться и зависеть от условий и потребностей его исследования. Начали появляться разные методологии и исследовательские инструменты [134, с. 31].

В каждую эпоху своего развития государство и право, как социальные элементы находятся под постоянным наблюдением со стороны исследователей, в первую очередь юристов. Вся совокупность научных познаний приводит к тому, что раскрываются сущностные характеристики государства и права [135, с. 183].

Отдельные авторы приходят к выводу о том, что знание является индивидуальным и истинность теорий достигается не только научными методами, но и личными переживаниями [136, с. 210].

Использование различных методов научного исследования является непременным условием проведение научных исследований, которые активно развиваются в юридической науке [137, с. 5].

Профессор Л.И. Глухарева справедливо считает, что «сегодня понимание права напрямую зависит от избранного способа его познания, отобранных представлений. А поскольку современная наука отличается методологическим плюрализмом, то очевидно, что отыскание «единственно верного» и «истинного» определения права является проблематичным» [138, с. 56]. Принципиально исследователь, опираясь на знания академических и научных дисциплин, таких как философия права, история и методология юридической науки, должен найти правильные средства научного познания. А.Б. Лисюткин утверждает, что «методология может быть разной, но она не должна быть неправильной, ошибочной. В противном случае получаем искаженную картину реальности и потеряемся в ней. Заблуждения и ошибки особенно опасны в юриспруденции, где они могут иметь серьезные практические последствия» [139, с. 152]. Теория права обязательно содержит философско-методологические вопросы, составляющие основу теории права, включая основные положения [140, с. 425].

Методы юридической науки нуждаются в постоянном совершенствовании и требуют применения разных подходов исследования, таких как междисциплинарный, интегративный и личностно-ориентированный.

Историко-логический подход в изучении унификации законодательства является важным методом, так как Кыргызская Республика в историческом плане вместе с государствами-участниками ЕАЭС была в составе одного государства – СССР. Правовая система кыргызского общества за последние 150 лет формируется в рамках романо-германской правовой ситемы, которая

была воспринята сначала Российской империей и далее – Советским Союзом. Накопленный практический опыт государственного и правового строительства служит основой дальнейшего развития государства и права в современных условиях.

Профессор Э.Э. Молдоев отмечает, что необходимо провести исследование истории и генезиса правовой системы Кыргызской Республики, которая будет способствовать более широкому раскрытию правосознания и правового мышления кыргызского народа [141, с. 425].

Логической последовательностью унификации законодательства в контексте участия Кыргызстана в ЕАЭС являются потребности государства и общества в совершенствовании и модернизации правовых основ взаимодействия на внутригосударственном и международном уровнях. Причем, на всех уровнях должна идти синхронная работа по внедрению передовых норм и правил, которые бы создавали предпосылки поступательного развития.

Таким образом, историко-правовой метод в юридической науке является определяющим и имеющим принципиальное значение, которое подтверждает общетеоретические подходы исследования вопросов. Историческая и логическая категории имеют общее методологическое значение для юридической науки в целом. Прежде всего, потому, что они служат ориентиром для познания сущности государства и права, общих законов их исторического развития. Исторический подход исследования государства и права является основой для выявления закономерностей в развитии законодательства государств, которые имели тенденцию на сближение и обмена опытом. Процесс формирования и реализации права также подчинен общим требованиям неразделимости исторического и логического, и даже революционный переход от одного исторического вида права к другому содержит момент этого единства. В содержание проблемы взаимосвязи исторического и логического включены вопросы преемственности права

других исторических типов, границ заимствованных принципов и норм, их приспособления к условиям других общественно-экономических формаций.

2.2. Исследование опыта унификации законодательства международных интеграционных объединений сравнительно-правовым методом

Одним из наиболее сложных средств изучения юриспруденции считается метод сравнительно-правового анализа. При применении этого метода часто используется поверхностный подход, то есть собирается информация о действиях и проводится их текстологический анализ и сравнение.

В этом случае требования системного анализа остаются в стороне, когда экономические, социальные и политические факторы разработки и применения законов не принимаются во внимание при сравнении правовых систем, отраслей законодательства, законов и отдельных актов. Неправильные подходы в сравнительном правоведении довольно распространены, и причинами этого являются, прежде всего, неправильные методологические подходы.

Как отмечают ученые, сравнительное право дает достаточный правовой материал для выводов о том, что в этой правовой сфере немало общего и немалого особенного, а также существуют позиции, подлежащие анализу об истоках права и правовых представлениях о государственном, общественном обустройстве [142, с. 147–151].

Также, предлагаются следующие методологические правила, которые следует использовать в сравнительном праве:

– научно-обоснованный выбор объектов сравнительного анализа и правильное определение целей в соответствии с его характером и потребностями субъекта сравнительного права;

– разноуровневое сравнительно-правовое исследование, которое использует методы системной истории, логического анализа и аналогии для выяснения внутренних связей и зависимостей внутри сравниваемых правовых систем, а также их развития в контексте конкретного государства и общества;

– правильное определение характеристик сравниваемых правовых явлений, норм, институтов и т.д., постановка общественных и государственных задач, решение которых привело к их возникновению и развитию;

– выявление степени сходства и различия правовых понятий и терминов, используемых в сравниваемых правовых системах, законодательствах, актах и т. д.;

– определение результатов сравнительно-правового анализа и возможностей их использования в нормотворческой деятельности, в развитии законодательства и его отраслей, в правоприменительной практике [143, с. 58].

Таким образом, работа по сравнительному анализу законодательства предполагает комплексное изучение законодательства государств для получения соответствующего опыта регулирования вопросов, возникающих в правовой системе государств, принятие норм, обеспечивающих создание общего правового пространства, избежание столкновений различных правовых норм и др.

Среди многообразия научных методов познания О.А. Кузнецова предлагает выделять универсальные методы, которые разделяются на универсальные, научные и юридически-специальные методы [144, с. 254].

Диалектика как основа всеобщего метода познания является не единичной, также к нему относят позитивизм, синергетику и т. д.

По общепринятому правилу анализ, синтез, индукцию, дедукцию, функциональный подход, системный подход, сравнение и другие как научные методы имеют свою ценность, но из них сравнительный и функциональный подходы помогают распознать особенности разных правовых систем.

Учеными предлагаются порядок действий при использовании сравнительного метода:

1) выработка критериев сравниваемого объекта или предмета;

2) сравнительно-правовой анализ;

3) подведение итогов сравнения;

4) отчет итогов исследования [145, с. 339].

Так, Договор о ЕАЭС как международный договор между государствами-участниками стал правовой основой интеграционного объединения [146]. Как юридический документ он заложил конкретные направления межгосударственного сотрудничества, которые охватили таможенно-тарифное, техническое регулирование, миграцию, пограничный контроль товаров и другие сферы экономического и социального взаимодействия между государствами, что определяет характер ЕАЭС как «международная организация региональной экономической интеграции» [147, с. 17].

Нельзя не упомянуть о том, что Договор о ЕАЭС заложил прочный фундамент по стратегическому сотрудничеству государств-участников ЕАЭС в сфере интеграции, торговли, энергетики, финансов и другим направлениям.

Таким образом, можно констатировать, что с подписанием Договора о ЕАЭС зародилась подотрасль права – «Право ЕАЭС», которая становится предметом изучения на теоретическом и практическом уровнях [148].

Профессор С.Ж. Айдарбаев отмечает, что евразийское (постсоветское) интеграционное право, начав реально функционировать в период с 2007 по 2010 год, в Договоре о ЕАЭС получило официальную «прописку», под названием «право ЕАЭС» [149, с. 12].

На наш взгляд, правовая интеграция государств-участников ЕАЭС осуществляется благодаря историческим, географическим, юридическим и иными обстоятельствами, которые сыграли свою роль в нынешних условиях.

Первоначально в условиях экономической интеграции в единую цель аккумулируются интересы всех участников, способствуя созданию общего пространства для их взаимодействия, и там правовое регулирование вступает в свои права [150, с. 19].

Строительство нового регионального интеграционного объединения требует не только заключение межгосударственных соглашений, но и сближение национального законодательства государств-участников ЕАЭС [151].

Так, на каждом этапе развития интеграции влияют ключевые решения:

– Решение Высшего Евразийского экономического совета «Положение о бюджете Евразийского экономического союза» от 10 октября 2014 года № 78 [152];

– Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 ноября 2015 № 155 «О единой системе нормативно-справочной информации Евразийского экономического союза» [153];

– Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года (далее ТК ЕАЭС) [154] и др.

Законодательство государств-участников ЕАЭС по-разному определяет такие понятия, как добросовестность, справедливость, разумность, которые существенно влияют на соответствующее законодательство. Однозначно, что законодательство государств-участников ЕАЭС нуждается в постоянной модернизации для сближения между собой.

В процессе применения сравнительно-правового метода решаются вопросы использования иностранного права и сравнения с ними (правовые нормы, правовые методы, юридическая практика и т.д.). Также рассматриваются соотношение и взаимодействие национального законодательства с правовыми актами интеграционного объединения [155, с. 127].

Профессор А.Я. Капустин отмечает, что основными целями интеграции государств-членов, включенных в это правовое пространство, являются создание условий для стабильного развития национальных экономик в интересах повышения уровня жизни их населения и стремление сформировать единый рынок товаров, услуг, капиталов, трудовых ресурсов, а также глубокая модернизация, сотрудничество и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобализации экономического пространства [156, с. 98].

Сравнительно правовой метод познания проявляет свою незаменимость в условиях, когда необходимо рассмотреть закономерности создания и

функционирования межгосударственных объединений, способы и методы разработки международно-правовых норм и т.д. [157, с.30].

В своем исследовании В.Б. Рыжов в качестве правового критерия взял за основу формирования интеграционных моделей, степень унификации правовых систем государств-членов, а сравнительно-правовой анализ проводил на основе опыта существующих региональных интеграционных объединений. Если обратиться к теоретическим разработкам, которые посвящены изучению существующих интеграционных объединений Европейский союз, Евразийское экономическое сообщество (далее – ЕврАзЭС) и Межгосударственная экономическая ассоциация Южной Америки (МЕРКОСУР), то специалисты пришли к мнению что главным аргументом их участия является получение ими экономической выгоды [158, с. 8].

Как показывает исторический опыт, интеграционные объединения создаются государствами, для решения задач, представляющих общий интерес для всех его участников. В этом ключе затрагивается вопрос суверенитета государств, которое является принципиальным для каждого из них.

Например, Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 года предусматривал, что сближение правовых систем государств-членов Евразийского экономического сообщества достигается путем принятия Межпарламентской Ассамблеей базового правового стандарта, актов Сообщества, в том числе Основ законодательства в отраслях Евразийского экономического сообщества. Устанавливается общие принципы правового регулирования по интересующим направлениям сотрудничества для всех государств-членов [159].

Так, государства-участники ЕврАзЭС в свое время выработали ряд концепций:

– об инвестициях [160];

– основы таможенного законодательства ЕврАзЭС;

– стандартные международные договоры, подписанные в рамках ЕврАзЭС.

Оценивая, как успешное, функционирование Таможенного союза государств в рамках ЕврАзЭС и международных договоров, создавших правовую основу Единого экономического пространства и которое обеспечивает свободу движения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов, в «Декларации о евразийской экономической интеграции» [161], было заявлено о переходе к следующему этапу интеграционного строительства – Единому экономическому пространству (ЕЭП). При этом основным содержанием дальнейшей интеграции стало развитие договорно-правовой базы, институтов и практического взаимодействия. Задачами интеграции названы: содействие решению стоящих перед государствами общих задач «по повышению благосостояния и качества жизни граждан, устойчивому социально-экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилению национальной конкурентоспособности в рамках глобальной экономики» [162, с. 32].

Исследователь О.Ж. Саматов, анализируя Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества, отмечает, что содержащиеся в нем нормы и положения, являются итогом многостороннего сотрудничества [163, с. 29].

Таким образом, поскольку ЕврАзЭС приняло большое количество международно-правовых актов (международных договоров), а также международных актов, не имеющих юридической силы (типы законов, рекомендации), были разработаны предложения по совершенствованию организационно-правового механизма по реализации правовых актов ЕврАзЭС [164].

Данный документ определяет организационно-правовой механизм реализации действующих международных договоров, Основы законодательства Евразийского экономического сообщества и решений его органов, а также систему контроля за исполнением правовых актов Евразийского экономического сообщества. Контроль за исполнением правовых актов сообщества осуществлялся органами ЕврАзЭС и

государственными органами сообщества, которые создавали необходимые условия для реализации правовых актов на внутригосударственном и межгосударственном уровнях единое правовое пространство ЕврАзЭС [165, с. 212].

Так, профессор Ю.А. Тихомиров отмечает, что, несмотря на кажущуюся простоту сравнений, аналогий и юридического анализа, овладение методологией сравнительного правоведения остается сложной задачей [166, с. 54]. В современных условиях сравнительно-правовой анализ остается одним из актуальных направлений юридической науки [167, с. 212].

Интересен подход отечественных ученых по современным сравнительным методам изучения юриспруденции. Так, доцент М.Б. Мырзалиев отмечает, что уровень развития правовой науки требует скорректированности общей теории права на основе общего системно-социологического правового подхода. Необходимо включить теорию международного права в общую теорию государства и права, то есть действительно создать общую теорию для национального и международного права. Создание такой общей теории позволит теории права и государства сыграть свою фундаментальную роль в системе юридических наук, отразить те перемены, которые происходят сегодня в национальных правовых системах и международной правовой системе [168, с. 127].

Как отмечает профессор Н.Р. Розахунова, обеспечение прав человека осуществляется как во внутригосударственном законодательстве, так и на уровне международного сообщества [169, с. 39].

С одной стороны, богатый научный дискурс дал толчок практическому использованию сравнительно-правовых подходов не только в сфере законодательной деятельности в разных странах мира, но и в сфере правоприменительной судебной практики.

В последние годы сравнительно-правовой подход изучения проблемных вопросов в юриспруденции стал широко применяться не только в законотворческой деятельности, но и в судебной практике. Примером к этому

являются решения Верховного суда США: дело «Ропер против Симмонов» [170, с. 551], дело «Лоуренс против штата Техас» [171, с. 558], дело «Аткинс против штата Вирджиния» [172, с. 304]. Такой подход вызвал болшую дискуссию не только в американских научных кругах [173, с. 2695; 174, с. 637; 175, с. 291].

Такое положение дел порождает большие дискуссии среди практиков и теоретиков. Также опыт международных организаций, таких как Европейский союз, Европейский суд по правам человека [176, с. 6–17], Межамериканский суд по правам человека [177, с. 3–19], Международный уголовный суд [178, с. 46], Международный центр по урегулированию инвестиционных споров [179] и другие, в своей деятельности используют сравнительно-правовые концепции для восполнения или аргументации принимаемых ими решений.

Французский исследователь Б. Жалюзо справедливо замечает, что «познавательный вопрос относительно того, является ли сравнительный метод специальным методом в сравнительном праве, подлежащим вычленению из сравнительного метода в целом, является бессодержательным, поскольку он неизбежно ведет к половинчатому ответу. Наоборот, действительным вопросом, который стоит, является вопрос методологии, непосредственно применимой в сравнительном праве» [180, с. 48]. «Сравнительное право» и «сравнительное правоведение» являются итогом методологического различия в науке: функционализма (*англ.* – «comparative law»; *франц.* – «droit comparé» – в обоих случаях «сравнительное право») и контекстуализма (*англ.* – «comparative legal studies»; *франц.* «études juridiques comparatives» – в обоих случаях «учения о сравнительном праве») [181, с. 1099]. Спор идет вокруг этих двух терминов, которые «объясняются, тем, что помимо различных подходов к определению объекта и субъекта этой науки, юридическим пониманием», и делая вывод о том, что разница между этими двумя терминами заключается в том, что они «различаются по своей природе», а также необоснованное утверждение о том, что якобы один из них будет использоваться в основном в одних, а другой в остальных государствах [182,

с. 516–517]. Французская школа сравнительного правоведения поддерживает идею общности принципов права, которые применяются большинством государств на основе рационального подхода [183, с. 738; 184, с. 7].

Судебная практика во всех государствах осуществляется одинаково с точки зрения процедурной части, применения законодательства и т.д. Если убрать техническую терминологию, «различия в значительной степени исчезают. Тот, кто понимает правовые принципы и обладает достаточно широким кругозором, чтобы не оставаться узником провинциализма, в любом случае является лучшим судьей» [185, с. 142]. Та же самая аргументация послужила также основанием для включения «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями», в список источников международного права, содержащийся в статуте Постоянной палаты международного правосудия, который был предшественником Международного суда ООН [186, с. 42].

Так, сравнительно-правовые исследования законодательства государств, впервые начали применяться в конце XIX века [187, с. 8]. Данный метод, получил характеристику – «законодательное правоведение» [188, с. 48].

Таким образом, метод сравнительно-правового анализа позволяет провести глубокий и всесторонний подходы к изучению нового явления – как унификация законодательства, особенно в рамках интеграционных объединений – ЕАЭС. Кыргызская Республика как полноправный участник международных отношений и субъект международного публичного права постоянно сталкивается с выбором участия в тех или иных проектах регионального и глобального масштабов. В таких условиях для принятия «единственного» правильного решения необходимо изучить опыт других государств и проведение сравнительно-правовых исследований. В любом случае, пройденный путь государств и народов – это своего рода получение собственного практического опыта, который позволяет государствам ориентироваться в сложных ситуациях по выбору исторического пути развития.

Заключение по второй главе

Подводя итоги исследования по второй главе полагаем возможным сформулировать следующие **выводы:**

1. Историко-правовой метод в юридической науке является определяющим и имеющим принципиальное значение, которое подтверждает общетеоретические подходы исследование вопросов. Историческая и логическая категории имеют общее методологическое значение для юридической науки в целом. Прежде всего потому, что они служат ориентиром для познания сущности государства и права, общих законов их исторического развития. Исторический подход исследования государства и права является основой для выявления закономерностей в развитии законодательства государств, которые имели тенденцию на сближение и обмена опытом. Процесс формирования и реализации права также подчинен общим требованиям неразделимости исторического и логического, и даже революционный переход от одного исторического вида права к другому содержит момент этого единства. В содержание проблемы взаимосвязи исторического и логического включены вопросы преемственности права других исторических типов, границ заимствованных принципов и норм, их приспособления к условиям других общественно-экономических формаций.

2. Метод сравнительно-правового анализа позволяет провести глубокий и всесторонний подходы к изучению такого нового явления, как унификация законодательства, особенно в рамках интеграционного объединения как ЕАЭС. Кыргызская Республика как полноправный участник международных отношений и субъект международного публичного права постоянно сталкивается с выбором участия в тех или иных проектах регионального и глобального масштабов. В таких условиях для принятия «единственного» правильного решения необходимо изучить опыт других государств и проведение сравнительно-правовых исследований. В любом случае,

пройденный путь государств и народов – это своего рода получение собственного практического опыта, который позволяет государствам ориентироваться в сложных ситуациях по выбору исторического пути развития. Таким образом, ключевая роль сравнительно-правового метода заключается в том, что в процессе использования правовых норм идет сравнение различных правовых систем (законодательство, правовые методы, правовую практику и т. д.). Выбранная автором научная проблема является в какой-то части междисциплинарным исследованием, которое с учетом текущего времени дополняет области, требующие научно-ориентированного подхода. В принципе со стороны государства проводится работа по унификации законодательства, но отсутствует системность и последовательность для его упорядочения, выявления его закономерностей. Уникальность правовой системы Кыргызской Республики заключается в том, что перенимаются нормы и положения из других систем права – англо-саксонской, мусульманской, и внедряются в общественно-правовую жизнь. Данный метод широко применяется в условиях тесной интеграции в рамках международных интеграционных объединений.

ГЛАВА 3. УНИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

3.1. Соотношение права Евразийского экономического союза и национального права государств-участников Договора Евразийского экономического союза

Деятельность ЕАЭС отражена в статье 3 Договора о ЕАЭС, также и в других международных договорах, регулирующих функционирование Союза в пределах полномочий, предоставленных государствами-участниками на основе учредительных документов. В то же время констатируем, что основу развития региональной интеграции составляют принципы и нормы, лежащие в основе современного международного публичного права и, прежде всего, международные договоры, обеспечивающие эффективное взаимодействие национальных правовых систем, так называемые «договоры об объединении» [189]. Одним из них является Соглашение о правовом обеспечении формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства от 23 ноября 2001 года № 101 [190]. В этом соглашении стороны установили единый (унифицированный) порядок регулирования правоотношений путем:

– унификация законодательства;

– синхронизация сроков внутригосударственного согласования для международных договоров, принятых в Таможенном союзе;

– обмен информацией правового содержания;

– иные основы юридического сопровождения международно-правовой деятельности участников Таможенного союза.

Соглашение стало одним из первых попыток унификации законодательства на начальном этапе формирования интеграционного объединения с участием Кыргызской Республики.

Так, в принципах современной евразийской интеграции важным является проблема о выборе направления дальнейшего укрепления интеграционных инициатив и взаимодействия государств-участников ЕАЭС с членами других проектов евразийской интеграции [191, с. 46].

Прежде чем перейти непосредственно к изучению проблемы соотношения права Евразийского экономического союза и внутригосударственного права государств-участников Договора о ЕАЭС, считаем важным рассмотреть исторический опыт Кыргызской Республики в этом направлении. Как показывает практика, вопросы соотношения международного и внутригосударственного права тем или иным образом затрагивают вопросы унификации законодательства государств, которые вступают между собой в тесное взаимодействие, особенно в рамках интеграционных объединений.

В советский период на основании приказа Министерства внешней торговли СССР № 149 в феврале 1969 года было образовано Управление уполномоченного Министерства внешней торговли СССР при Совете Министров Киргизской ССР. В нем указывалось, что «основными функциями Управления являются:

– проверка выполнения всеми организациями Киргизской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров СССР по вопросам внешней торговли;

– содействие выполнению планов по внешней торговле, обязательств по поставке товаров на экспорт;

– изучение экспортных ресурсов и внесение предложений в установленном порядке о поставках новых и сверхплановых товаров для экспорта, расширении производства товаров, пользующихся спросом на внешнем рынке, содействие организациям в их работе по производству, качеству поставленных новых товаров, отгрузке экспонатов, рекламных материалов на выставки и ярмарки, в обеспечении технической документацией» [192].

Штат Управления был малочисленным и до конца распада СССР оставался в неизменном виде. Мы думаем, что в советский период республика начала постепенно формировать свой опыт по взаимодействию с зарубежными партнерами. Прежде всего, это страны Азии (Монголия, Китай, Индия и др.) и Африки (Мозамбик, Ангола и др.). По мнению профессора М.А. Сарсембаева, среднеазиатские республики и Казахстан активно принимали участие в установлении внешнеэкономических связей, а также в разработке соответствующей законодательной базы. Так, законодательство союзных республик предоставляло им право самостоятельно осуществлять валютные операции, устанавливать объемы экспортной продукции, создавать совместные предприятия, осуществляющие внешнеэкономическую деятельность [193, с. 76]. Хотя надо признать, что в СССР были определенные ограничения в сфере внешних связей, которые касались союзных республик. Отсутствие опыта по унификации законодательства в республике объясняется тем, что основная работа по взаимодействию с иностранными партнерами осуществлялась центром (центральные министерства), а союзным республикам оставалось только выполнять директивные указания, которые поступали из Москвы.

Далее, с 1991 года начинается период независимости Кыргызстана. Так, «Декларация о государственной независимости Республики Кыргызстан» полностью признала общепризнанные нормы и принципы международного права, также в ней было подчеркнута приверженность дружбе и сотрудничества в международных отношениях [194].

Полноправное участие постсоветских республик в деятельности международных экономических организаций необходимо было для установления справедливого мирового экономического порядка. Государства готовы решать назревшие международные проблемы через систему международных универсальных механизмов, поэтому проявляют большой интерес к деятельности международных экономических организаций и вырабатывают соответствующие политико-правовые нормы [195].

Так, в сентябре 1993 года в городе Москве было заключено соглашение о создании экономического союза [196, с. 1–14]. Именно в этот период появилась стандартная формулировка соотношения международного и внутригосударственного права – «в случае, если Договором установлены иные нормы и правила, чем предусмотренные национальным законодательством, применяются правила и нормы международного права и Договора». Оно было зафиксовано в главе VI Договора – Правовое регулирование экономических отношений. Данный подход унификации законодательства распространился по всем государствам СНГ, и вплоть до сегодняшнего дня применяется законодателями. Хотя уже пришло время отдельно осмыслить данный подход так как в процессе взаимодействия международного и внутригосударственного права возникают вопросы суверенитета государств, защиты национальных интересов, особенность государств и другие.

ЕАЭС изначально как международная региональная организация начала формироваться с подписанием Соглашения о Таможенном союзе от 20 января 1995 года. Кыргызская Республика присоединилась к указанному соглашению в 1996 году [197].

Целями Таможенного союза на тот момент были:

– обеспечение совместными действиями социально-экономического прогресса своих стран путем устранения между ними разделяющих препятствий для свободного экономического взаимодействия между хозяйствующими субъектами;

– гарантирование устойчивого развития экономики, свободного товарообмена и добросовестной конкуренции;

– укрепление координации экономической политики своих стран и обеспечение всестороннего развития национального народного хозяйства;

– создание условий для формирования общего экономического пространства;

– создание условий для активного выхода государств-членов Таможенного союза на мировой рынок [198, с. 34].

Участники Договора по Таможенному союзу определили его, как экономическое объединение государств, основывающееся на следующих принципах:

а) наличие единой таможенной территории государств-участников Таможенного союза. Формирование единой таможенной территории осуществляется путем:

– отмены в торговле между государствами Договаривающихся Сторон товарами, происходящими с их территорий, таможенных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие, а также количественных ограничений;

– установления и применения в отношениях с третьими странами одинакового торгового режима, общих таможенных тарифов и мер нетарифного регулирования внешней торговли;

– формирования механизма взаимоотношений Таможенного союза с третьими государствами и международными организациями на основе положений Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о едином порядке регулирования внешнеэкономической деятельности от 12 апреля 1994 года;

б) наличие однотипного механизма регулирования экономики, базирующегося на рыночных принципах хозяйствования и унифицированном законодательстве [199].

В этом плане интересен первоначальный опыт интеграции на постсоветском пространстве на примере Центральноазиатского союза (далее – ЦАС). Данное интеграционное объединение было образовано в 1995 году [200, с. 34]. Так, 14 марта 1997 года был разработан проект Соглашения между Правительствами Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Узбекистан по сближению национального законодательства по основным направлениям, регулирующим народное хозяйство [201, с. 24–26].

В этом документе стороны намеревались осуществлять согласованную правовую политику в процессе экономической интеграции, придавая важное

значение развитию сотрудничества в области сближения хозяйственного законодательства по конкретным направлениям (гражданское законодательство; законодательство, регулирующее таможенные правила и процедуры; законодательство, регулирующее межгосударственное движение товаров и услуг и др.). В целях реализации Соглашения стороны планировали создать Центр по обмену данными правового характера при Исполнительном комитете Межгосударственного Совета Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Узбекистан. Вышеуказанному Центру возлагались следующие задачи:

– работа по взаимному обмену между государствами-участниками данных, которые являются нормативно-правовыми документами сторон;

– осуществление деятельности по сравнительному анализу нормативно-правовых актов и разработку предложений, направленных на устранение выявленных различий;

– разработку и согласование концепции создания межгосударственной системы информации правовой сферы;

– разработку и согласование единого классификатора правовой информации. Далее, в Соглашении предусматривалось сближение хозяйственного законодательства осуществляемого с учетом заключенных сторонами по соответствующим проблемам соглашений и международных договоров, которые имеют приоритет по отношению к национальному законодательству сторон. Также нельзя не упомянуть Меморандум взаимопонимания «О совместной деятельности Международного Центра по налогам и инвестициям и Исполкомом Межгоссовета Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Узбекистан в области гармонизации налоговых и таможенных режимов государств-участников Договора о создании Единого экономического пространства» [202]. Эти и другие документы, разработанные и подписанные в рамках деятельности ЦАС, сыграли ключевую роль в унификации законодательства Кыргызской Республики. Это был первый опыт по пути приведения законодательства

государства с учетом требований интеграционных объединений, в которых участвовала Кыргызская Республика.

Создание любого межправительственного института зависит в первую очередь от политической воли участников международных отношений. В то же время реализация политических установок во многом обеспечивается правильным, научно обоснованным определением правовых механизмов, подходящих к данным условиям. Определение этих механизмов строится на изучении успешного опыта развития межправительственных организаций [203, с. 242].

В соответствии с постановлением Правительства Кыргызской Республики от 1 апреля 2004 году № 833 был образован Аппарат министра Кыргызской Республики по делам международной интеграции и сотрудничества [204]. Аппарат министра Кыргызской Республики по делам международной интеграции и сотрудничества был органом по обеспечению деятельности министра в вопросах осуществления единой государственной политики в сфере развития и укрепления торгово-экономического сотрудничества Кыргызской Республики с зарубежными государствами и международными организациями в целях создания благоприятных условий для интеграции Кыргызской Республики в международное сообщество, формирования приоритетов по стратегии сотрудничества с зарубежными странами и международными организациями. Удивительно, но данный государственный орган просуществовал всего год. Так, 4 октября 2005 года на основе законодательства был ликвидирован Аппарат министра Кыргызской Республики по делам международной интеграции и сотрудничества [205]. На основе анализа деятельности Аппарата за тот период, мы приходим к выводу о том, что в основном проводилась работа по инвентаризации ранее подписанных международных договоров и соглашений Кыргызской Республики с иностранными партнерами по торгово-экономическому сотрудничеству. Данный орган не смог найти свое применение по ускорению и углублению интеграционных процессов Кыргызской Республики.

Далее, в условиях глобализации на передний план интеграции выходит принцип гибкости, который взаимодействует с основополагающими нормами международного публичного права (принцип сотрудничества государств, принцип суверенного равенства, принцип недопущения вмешательства во внутренние дела государств и др.) и отраслевыми нормами-принципами международного экономического права (принцип наибольшего благоприятствования, принцип недискриминации и принцип национального режима). Итак, в ЕАЭС ситуация с верховенством права ЕАЭС определяется следующим образом. Международные договоры и соглашения, подписанные в Союзе, подпадают под действие положений Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года об обязательстве и добросовестности выполнять «Pacta sunt servanda» (статья 26) и невозможности апеллировать к положениям их внутреннего законодательства, чтобы избежать выполнения международного договора (статья 27) [206, с. 772].

Как мы видим, в соответствии с частью 3 статьи 6 Конституции Кыргызской Республики, вступившие в установленном законом порядке в силу международные договоры, участницей которых является Кыргызская Республика, а также общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики. Надо заметить, что в Конституции Кыргызстана вопрос приоритета норм международного права не затрагивался, и в предыдущих его редакциях [207].

Например, Конституция Российской Федерации в части 4 статьи 15 устанавливает примат положений международного права над положениями внутригосударственного законодательства в случае расхождения между ними [208].

Государственное законодательство Республики Беларусь признаёт важность и первичность норм и принципов международного публичного права и создает условия соответствия им республиканского законодательства. Но в то же время не допускает заключение международных договоров, которые

будут противоречить Конституции республики (статья 8 Конституции Республики Беларусь) [209].

Иначе трактуется место и роль международных соглашений и договоров в Основных законах (Конституциях) Армении и Казахстана.

Так, «Конституция Армении указывает, что между положениями международных договоров в случае противоречия и законами Республики Армения приоритет отдается положениям международных договоров, признанных Республикой (часть 3 статьи 5)» [210]. Схожая интерпретация предусмотрено в Конституции Казахстана, которая отмечает, «что международные договоры, принятые республикой, имеют приоритет перед ее законами (часть 3 статьи 4)» [211]. Более того, «Конституционный Совет Казахстана установил, что нератифицированные международные договоры не имеют такого привилегированного статуса по сравнению с законами республики и должны выполняться в той мере, в какой они не противоречат законам республики» [212].

В отношении цивилизованных обществ одна из приоритетных областей – это задачи, связанные с совершенствованием принятого законодательства. Когда очень тесно переплетаются существующие правовые системы, и переход принципов и норм из одной правовой системы в другую неизбежен. Например, для Кыргызстана и Казахстана нормативные правовые акты являются основным источником права. Как известно, самые известные виды систематизации законодательства – это консолидация и кодификация, о которых, подробно мы писали ранее в первой главе.

Можно согласиться с тем фактом, что нуждается в совершенствовании и сама процедура законотворчества. В большинстве случаев, законопроекты разрабатываются, государственными органами, которые и сами должны их выполнять. В таких условиях их личные, корпоративные интересы нередко выходят на первый план взамен национальным интересам [213, с. 39].

В свое время в Казахстане была разработана и утверждена Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 по 2020 годы

утвержденная 24 августа 2009 года № 858 Указом Президента Республики Казахстан. Концепция была нацелена на модернизацию законодательства, укрепление государства, демократизацию политической системы, имплементацию норм ратифицированных актов международного права [214, с. 86–97]. Но в то же время, как показывает практика отдельных государств, она не стала реализоваться в логически выверенную, последовательную и взвешенную правовую политику, так как в нормотворческой деятельности до сих пор отсутствует базовый порядок. Это проявляется в необходимости повышения качества и эффективности законопроектов. Хорошо известно, что способы продвижения тех или иных законопроектов все еще проявляются для достижения необходимых корпоративных и иных интересов, самоутверждения отдельных лиц, учитывается не столько качество законопроекта, сколько вес его личности – субъект права законодательной инициативы.

Так, при проведении законотворческой работы необходимо придерживаться двух норм права: последовательности и практичности. Под последовательностью законодательства следует понимать обеспечение структуры и нерушимости принципов законодательства. В конце концов, каждая отрасль законодательства имеет свою структуру и построена на своих фундаментальных принципах. Перед принятием того или иного нормативного правового акта необходимо четко знать его место в законодательной системе. По отношению, к какому акту он будет выше, к какому ниже, а в который необходимо будет внести изменения и дополнения в связи с принятием этого правового акта. Также, например, когда речь идет о соблюдении этих актов, это означает, что изменения в законодательстве должны соответствовать, в первую очередь, Конституции Республики Казахстан и применяемым кодексам. Часто при принятии каких-либо законопроектов вносятся изменения в кодексы и даже в Конституцию. Представляется необходимым взаимодействие права ЕАЭС и национальных законодательств, унификацию общих принципов и единую правоприменительную практику [215, с. 22].

Становится важным, что после вступления Республики Казахстан в ЕАЭС, начался процесс проработки унификации действующего законодательства, то есть в каких формах (Типовой закон или Основы законодательных норм) будет обеспечиваться единое правовое регулирование в едином экономическом пространстве. Унификация законодательства, связанного с участием Казахстана в ЕАЭС, создает условия для развития некоторых общих положений в законодательной сфере. Фундаментальные направления регулирования общественных отношений должны быть включены в базовые (основополагающие) соглашения ЕАЭС, а особенности регулирования должны содержаться в национальном законодательстве. Пример – Европейский союз, право ЕС – уникальная правовая система. Правовая система ЕС включает следующие блоки актов: акты основного права и акты вторичного права. Все статутные соглашения ЕС являются актами первичного права. По своей правовой природе первичные правовые акты представляют собой международные соглашения. Нормы первичных правовых актов имеют высшую юридическую силу по сравнению со всеми другими нормами ЕС, содержащимися в нормах «подзаконного акта» – вторичного права. Так, первичное право охватывает, как правило, учредительные договоры, которые играют роль основных законов и торжественно именуются «конституцией» единой Европы. Вторичное право образуется и действует на основе первичного права, и полностью соответствует его основным положениям [216, с. 277].

Деление права на первичное и вторичное обосновано тем, что не только классифицируются правовые акты, но также формируется значимость в процессе их применения. Из этого следует, что первичное право по значимости стоит выше, чем вторичное право со всеми вытекающими из этого обстоятельствами (по юридической силе, приоритетности и т.д.). Например, подобный подход устоялся, он воспринят и поддерживается в практике деятельности Суда европейских сообществ.

Рассуждения о том, что не каждый международный договор имеет приоритет над внутренним законодательством, являются спорными. Исходя из этого, одним из наиболее проверенных положений, вносящих определенность в этот вопрос, являются предписания части 4 статьи 21 Закона Республики Армении от 29 апреля 2002 г. № ЗР-320 «О правовых актах». В нем говорится, что международные договоры, ратифицированные, подписанные или одобренные государственными органами республики, имеют юридическую силу правового акта органа, утверждающего эти международные договоры [217]. Таким образом, можно сделать вывод о приоритете международных договоров исключительно над актами, которыми эти договоры ратифицированы органами власти Республики Армения, в случае противоречия между их правилами. Международные обязательства Республики Армении, которые возникли в процессе его деятельности в рамках ЕАЭС, находятся в приоритетных условиях по отношению внутреннего законодательства.

Конституции государств-участников ЕАЭС по-разному рассматривают соотношения международных договоров и национального законодательства. Но они едины в одном, они относят себя к актам, обладающим высшей юридической силой. Кроме того, во всех основных законах государств-членов ЕАЭС органы конституционного контроля имеют право проверять соответствие норм международного договора Конституции до его ратификации. Основной закон Беларуси запрещает заключение (статья 8) и ратификацию международных договоров, противоречащих Конституции (статья 116/1). Конституционный суд Российской Федерации регулярно высказывал свою правовую позицию о приоритете Конституции над международными договорами. «Международные договоры, включенные в законодательство ЕАЭС, не являются исключением. Эта позиция отражена в Законе Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации», где говорится «о допустимости Российской Федерации к временному применению (до ратификации) международных договоров» [218],

которые устанавливают иные нормы и отменяют права, свободы и обязанности человека и гражданина, чем те, которые предусмотрены законом, только после их официальной публикации. Конституционный суд Российской Федерации применил нормы части 3 статьи 15 Конституции Российской Федерации, где нормативные правовые акты, которые официально не публиковались для общего ознакомления и в которых закреплены права, свободы и обязанности человека и гражданина [219].

Основным органом конституционного контроля в Кыргызстане является Конституционный суд. На Конституционный суд возложена высокая ответственность за обеспечение верховенства Основного закона, последовательное проведение его в жизнь. Прямое действие Конституции – принципиально новая тенденция в государственности Кыргызстана. Она становится осязаемой именно благодаря деятельности Конституционного суда. За годы работы органа по конституционному надзору были определенные этапы взлетов и падений, которые показывают, насколько важен институт справедливого конституционного контроля в становлении демократического государства.

Конституционные суды способствуют парламентам в более активном и целенаправленном использовании своих позитивных законодательных полномочий. Конституционный суд, фиксируя пробел при отмене закона либо отдельных положений, обращается к законодателю с предложением о ликвидации такого пробела. Это предложение выражается абстрактно либо с указанием критериев возможного законодательного регулирования и сроков его осуществления. Конституционный суд может своими решениями сформулировать правовую норму в измененном виде и создать новую, тем самым дополнить проверяемый им закон [220, с. 124].

За последние десятилетия проблема соотношения международно-правовых норм и национального законодательства остается актуальной как для теоретиков, так и для практиков. Конституционное законодательство предусматривает нормы, которые дают возможность Конституционному суду

выносить заключение о конституционности по международным договорам Кыргызской Республики, которые еще не вступили в юридическую силу [220]. Вынесение Конституционным судом отрицательного заключения о неконституционности международных договоров, не вступивших в силу, порождает отмену принятых ранее решений [222, с. 18]. Данная норма была введена в конституционное законодательство Кыргызской Республики еще в 2011 году [223] и является новеллой в конституционном судопроизводстве.

Дискуссии о статусе актов органов ЕАЭС, то есть так называемого «вторичного» права, носит поэтапный характер. Например, решения ЕЭК признаны имеющими нормативную базу, обязательную для государств-членов, необходимую для прямого применения на их территориях (пункт 13 Положения о ЕЭК). Положения Договора о ЕАЭС и других соглашений внутри Союза порождают право собственности на такие акты Комиссии, как регулирующие деятельность не только бизнес-структур (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), но и физических лиц. Также Договор о ЕАЭС гласит, что, опираясь, в том числе, на решения органов Союза, государства-участники обеспечивают реализацию единого правового регулирования в важных сферах (с учетом реализации единой политики), а также гармонизировать ими правовое регулирование с учетом согласованной политики [224].

Эти положения предполагают, что «вторичные» правовые акты ЕАЭС занимают такое же место в правовой системе государств-членов, как и международные договоры, ратифицированные в рамках Союза. Например, Конституционный Совет Республики Казахстан пришел к такому выводу в 2009 году. Он приравнял решения международных организаций и их органов, стороной которых Казахстан является в юридическом смысле, к международному договору, ратифицированному в случае указания, прямо из обязательного характера этих действий для республики в таком международном договоре. Конституционный совет определил для Казахстана приоритет решений международных организаций и их учреждений над

нормативными правовыми актами Республики Казахстан. Исходя из этого, мы предполагаем, что эта правовая позиция Конституционного совета была разработана по отношению к решениям международных организаций [225].

В этой связи трудно не согласиться с высказанным в научной сфере выводом о том, что на данном этапе развития евразийской интеграции приоритет верховенства права в ЕАЭС не является абсолютным, а зависит от условий, установленных конституциями государств-членов Союза.

В случае возникновения спора государства-участники ЕАЭС имеют право обжаловать в Суде ЕАЭС исполнение договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Государства-участники ЕАЭС постоянно работают над вопросом соотношения права ЕАЭС и национального права. Так, например, Кыргызской Республикой инициированы ряд поправок в части трудовой миграции, транспорта, транзита товаров и регулирования государственных закупок. Как один из членов интеграционного объединения Кыргызская Республика предпринимает меры по внесению изменений в основополагающий документ – Договор о ЕАЭС. В 2022 году Кыргызская Республика председательствовала в органах ЕАЭС и предложила концептуальные предложения по актуальным вопросам Союза. На основе этого был принят ряд практических мер:

– решен вопрос о возобновлении регулирования взаимных кредитных обязательств и распределения таможенных сумм импорта с Российской Федерацией и Республикой Беларусь;

– в Договор о ЕАЭС внесены положения, которые позволяют гражданам Кыргызской Республики, пребывающим в государствах-участниках ЕАЭС не выезжая из соответствующего государства-члена внести коррективы по поводу целей своего пребывания;

– достигнута договоренность о взаимном признании дипломов о высшем образовании в странах ЕАЭС;

– оставлена тарифная льгота на импорт электромобилей.

Все эти меры были приняты для того, чтобы участники интеграционного объединения развивались с учетом тех изменений, которые происходят вокруг, в частности Кыргызская Республика учитывала требования своих граждан и предпринимателей, так как эти вопросы непосредственно затрагивают большинство из них, и в целом могут повлиять на экономическое положение в государстве.

Также в 2022 году в рамках ЕАЭС на основе активизации взаимодействия государств-участников были приняты следующие решения:

– образован Евразийский сетевой университет. Руководители вузов подписали Меморандум о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета (далее – ЕСУ) (Меморандум подписали 12 университетов из 3 государств) [226];

– вводится пилотный проект по использованию навигационных печатей между Республикой Казахстан, Российской Федерации и Кыргызской Республикой по узаконению взаимного товарооборота [227];

– для доступа к жизненно важным лекарствам в Кыргызской Республике принято решение признать результаты регистрации лекарственных средств для медицинского применения, зарегистрированных в государствах-членах ЕАЭС;

– в целях модернизации нефтеперерабатывающих предприятий в Кыргызской Республике продлен переходный период для технических регламентов Таможенного союза «О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, реактивному топливу и мазуту».

Если подробнее остановиться на отдельных инициативах Кыргызской Республики в рамках его деятельности в качестве председателя, то одним из них является подписание Меморандума о создании сетевого университета. Основной деятельностью ЕСУ являются развитие человеческого и интеллектуального капитала ЕАЭС, содействие глобальной

конкурентоспособности и долгосрочному процветанию экономик стран ЕАЭС, создание условий для повышения качества жизни граждан.

К задачам ЕСУ относятся:

– организация сетевой формы обучения для подготовки квалифицированных кадров с использованием дистанционных образовательных технологий и учетом потребностей рынка труда ЕАЭС;

– постоянный анализ и мониторинг занятости граждан государств-участников ЕАЭС;

– поддержка перспективных научно-исследовательских работ, имеющих международное значение;

– создание основ свободы перемещения образовательных услуг на пространстве ЕАЭС;

– всемерная поддержка молодежи и приобщение их ценностям евразийской интеграции.

ЕСУ становится платформой по объединению образовательного потенциала стран-участниц ЕАЭС, который действует на основе законодательства стран-членов ЕАЭС, права ЕАЭС, а также создается академическая свобода в их работе. Суть работы в этом направлении заключается в том, что имеется потребность подготовки квалифицированных кадров и создание новых рабочих мест для общего рынка труда ЕАЭС.

Главным предложением Кыргызской Республики стало Соглашение о применении в ЕАЭС навигационных пломб для отслеживания перевозок, которое было разработано для развития экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза, стремление к расширению использования современных технических и технологических решений при организации перевозок по территориям государств-членов ЕАЭС, а также к минимизации применения мер таможенного и иных видов государственного контроля в отношении товаров, перевозимых по таможенной территории Союза. Законный оборот товаров на внутреннем рынке за последние годы страдают от искусственных барьеров внутри Союза. Данное Соглашение

направлено на прозрачность, свободное передвижение товаров и грузов между государствами-участниками ЕАЭС. Правовая основа заложена и требует дальнейшей доработки с учетом тех предложений со всех заинтересованных сторон. Подобный подход отвечает сегодняшним реалиям и свидетельствуют о том, что это современный инструмент контроля и отвечает интересам как контролирующих органов, так и субъектов внешнеэкономической деятельности.

Кыргызская Республика, как один из учредителей ЕАЭС, предпринимает усилия по унификации национального законодательства с учетом требований и решений органов ЕАЭС. Эта комплексная работа создает условия для развития международно-правовых отношений, и накоплению соответствующего опыта государственными органами республики по налаживанию взаимодействия с органами ЕАЭС, в первую очередь с ЕЭК и Судом ЕАЭС.

3.2. Совершенствование унификации законодательства государств-участников Договора Евразийского экономического союза

В практической деятельности возникает необходимость, определить иерархию источников права ЕАЭС. Это связано с ситуацией по пересмотру перечня нормативно регулирующих органов Союза и их решений. Долгие годы стандартом для законодателей государств-участников евразийского интеграционного пространства служили модельные законы, которые сближали национальные правовые системы [228]. Они были одним из механизмов по унификации законодательства, но в большей степени это происходило в рекомендательной основе.

Такой расклад требовал выработки, определенных последовательных нормативных актов, принимаемых в рамках объединений. Как мы видим, статья 6 Договора о ЕАЭС устанавливает особую иерархию источников права Союза, которая заключается в следующем: договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной, решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза. Заметим, что Договор как межгосударственный документ учредительного характера создает возможности для сотрудничества между государствами-членами, и в нем не приведены ссылки на другие источники права ЕАЭС. Хотя для уточнения, если обратимся к статье 50 Статута Суда ЕАЭС (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС) [229], там приводится более широкий перечень источников, таких как: общепризнанные принципы и нормы международного права, Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора, решения и распоряжения органов Союза,

международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

Место и роль источников права являются принципиальными и требуют внесение ясности в процессе их толкования и применения. Так, в пункте 1 параграфа 4 статьи 6 Договора о ЕАЭС отмечается, что в случае возникновения противоречий между решениями Высшего Евразийского экономического совета (далее ВЕАЭС), Евразийского межправительственного совета (далее Межправсовет) и Евразийской экономической комиссии (далее ЕЭК), решения ВЕАЭС имеют приоритет над решениями Межправсовета и ЕЭК; далее, решения Межправсовета имеют приоритет над решениями ЕЭК. В таких случаях необходимо дать разъяснение в части нормативности принятия решений высших органов ЕАЭС.

Мы полагаем, что в основополагающих документах ЕАЭС присутствуют коллизии, которые обращают на себя внимание.

Так, в соответствии с абзацем 5 пункта 1 статьи 6 Договора о ЕАЭС, пункт 13 Приложения № 1 к Договору о ЕАЭС к источникам права ЕАЭС относятся распоряжения и решения органов ЕАЭС. Из этого следует, что они как обязательные нормы для государств-участников являются нормативными правовыми актами [230]. В подтверждении этому пункт 13 Положения о Евразийской экономической комиссии четко указывает их обязательность. Но указанные акты в соответствии с установленной иерархией права ЕАЭС стоят ниже, чем международные договора и решения ВЕАЭС и Межправсовета.

Следует иметь в виду, что решения ВЕАЭС и Межправсовета имеют более приоритетное значение и подлежат исполнению государствами-членами с предусмотренными процедурами национального законодательства в обязательном порядке. Иначе обстоит дело с решениями ЕЭК, которые реализуются государствами-членами также в соответствии с национальным законодательством и применяются непосредственно на территории государств-участников. Специфичный подход объясняется тем, что акты, обладающие более высокой юридической силой, должны быть безоговорочно

исполнены, даже если необходимо внести изменения в национальное законодательство государств-участников, а акты ниже по иерархии действуют напрямую.

Надо признать, что статья 6 Договора о ЕАЭС является одним из механизмов по унификации законодательства государств-участников Союза, но в законодательстве государств-участников акты высших органов интеграционного объединения не в полной мере включены в их правовую систему.

На наш взгляд, в документах ЕАЭС конкретно не приводится общие порядки унификации правовых актов. Дискуссионным является вопрос по методам, которые могут быть применены в рамках ЕАЭС. Некоторые склоняются к методу унификации права, а другие – к методу унификации законодательства. ЕАЭС в ходе своей деятельности разрабатывает единые стандарты, согласованные со всеми государствами-участниками, которые, в конечном итоге, показывают реальные результаты. Формирование типовых законов не дает должного результата – это показал исторический опыт. Анализ разных подходов приводит к следующему выводу, что право ЕАЭС должно формироваться посредством международных договоров и соглашений в рамках органов Союза.

Правовой генезис ЕАЭС показывает нам направление его развития. Так, в условиях тесного взаимодействия необходимо привести национальное законодательство государств в соответствие с правом ЕАЭС (как предусмотрено в статьях 62 и 63 Договора) [231], и в первую очередь это касается терминов экономического законодательства государств-членов, таких как, например: «унификация макроэкономических показателей», «унификация таможенных платежей», «унификация таможенных процедур», «унификация внешнеторговой политики» и др. Термины и их определения должны быть отражены во внутреннем законодательстве государств-участников, так как они способствуют согласованным действиям и унификации законодательства по тем отраслям народного хозяйства, по которым идет активное сотрудничество.

В целом можно отметить, что право ЕАЭС поступательно развивается. Так, в разделе IX Договора о ЕАЭС «Внешнеторговая политика» (статьи 33–38), установлены единые правила ведения внешней торговли независимо от национальной принадлежности субъектов предпринимательства. Если принять во внимание значимость внешней торговли для экономики государств-участников, то требуется постоянное взаимодействие по выработке единых стандартов и правил. Например, по итогам совместной работы был введен единый термин «автоматическое лицензирование импорта отдельных видов товаров» (пункт 2 Приложения 7 к Договору о ЕАЭС) [232].

В соответствии с пунктом 3 приложения № 9 Договора о ЕАЭС отдельные технические регламенты еще не вступили в силу для некоторых участников Договора [233]. Подобные положения создают условия для создания технических барьеров между государствами-участниками ЕАЭС в торгово-экономических отношениях и не способствуют унификации законодательства.

Вышеприведенные условия доказывают необходимость унификации права и законодательства в рамках ЕАЭС на качественном уровне и на постоянной основе.

В рамках ЕАЭС основная политика интеграции, соответствующая договору, проводится государствами-членами по принципу – единости и скоординированности.

Таким образом, единая политика охватывает области, определенные государствами из числа тех, которые предусмотрены договором. Это предполагает, как указано выше, применение государствами-членами единого правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках компетенции.

Исходя из этого положение предусматривает скоординированную политику правового регулирования, в том числе на базе органов ЕАЭС, в той мере, в какой это важно для достижения целей Союза, предусмотренных соглашениями.

Для достижений уставных целей ЕАЭС возникает необходимость проведения скоординированной политики и активного сотрудничества, между государствами-участниками, основанных на взаимоприемлемых и согласованных условиях. Таким образом, унификация правового регулирования является одним из методов, и в Договоре о ЕАЭС определены основные концепции унификации законодательства.

Сущность исследований в этом направлении определяется как сближение законодательных норм государств-членов, направленное на установление аналогичного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в сферах, представляющих общий интерес.

Достигнутые договоренности по сближению законодательства государств-участников в контексте Договора о ЕАЭС приводит к унификации законодательства, которое устанавливает сходные условия правового регулирования в различных областях. Например, в области обращения лекарственных средств возможна унификация требований законодательных стандартов государств-членов (пункт 1 части 1 статьи 30 Договора о ЕАЭС).

Эти стандарты составляют основу правовой интеграции в рамках ЕАЭС. Таким образом, Договор о ЕАЭС предусматривает применение унификации правового регулирования, в том числе законодательства государств-членов, при проведении общей политики и унификации с конвенционной политикой.

Например, участники интеграционного объединения будут сотрудничать в соответствии с положениями части 1 статьи 89 Договора о ЕАЭС в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности и обеспечивать на своей территории защиту прав на эти объекты интеллектуальной собственности, объекты, соответствующие нормам международного публичного права, международным договорам и актам, являющихся правом Союза и правом государств-членов. Взаимодействие в этой сфере соответствует определению согласованной политики и предполагает, среди прочего, гармонизацию законодательных норм государств-участников в области защиты и обеспечения соблюдения прав

интеллектуальной собственности. Или, например, защита потребителей направлена на сферу согласованной политики (ст. 61 Договора о ЕАЭС и Приложение № 13 к Договору о ЕАЭС) [234]. Одним из основных положений здесь является сближение законодательных норм в странах-членах Союза, в соответствии с подпунктом 6 пункта 3 Протокола о проведении согласованной политики в сфере защиты прав потребителей (Приложение №13 к Договору о ЕАЭС), к сожалению, не конкретизирован в форме унификации. Это способствует предположению, что оба варианта допустимы, в зависимости от готовности государств-участников двигаться к тесному сближению интеграции в этой области.

Необходимо отметить, согласованная экономическая политика государств-участников ЕАЭС создает возможности по унификации права и законодательства государств-участников ЕАЭС. Так, например, Правительство Российской Федерации одним из первых утвердило распоряжение от 18 сентября 2017 г. № 1994-р «О подписании Соглашения о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в области финансового рынка» [235]. В указанном Соглашении отмечены условия унификации законодательства стран-участниц на финансовом рынке (в банковском секторе, секторе страхования, сфере услуг на рынке ценных бумаг) [236].

Так, принятие в членство в ЕАЭС Кыргызской Республики и Республики Армения произошло в 2015 году, то есть после года функционирования новой региональной экономической организации, и с тех пор идет непрерывная работа по интеграции и создания единого пространства ЕАЭС. Работа в деятельности межгосударственной организации создает необходимые предпосылки совершенствования законодательной и международной договорной базы, внедрение новых подходов по правовому регулированию совместных сфер деятельности. Идет также работа по выстраиванию отношений с третьими странами и другими международными организациями [237].

Унификация законодательства создает необходимые условия для государств-участников ЕАЭС, так как каждый из них имеет свою выгоду. Создание общего рынка товаров и услуг, логистика, использование инфраструктуры стран-партнеров, выход на мировые рынки и др.

На сегодняшний день право ЕАЭС как объединение новой отрасли интеграционного права включает в себя около 70 соглашений и договоров. Это объединение, основанное на региональной основе, нацелено сформировать на евразийском пространстве новую интеграционную платформу [238].

Как новая формирующаяся часть международного права – право ЕАЭС, которое состоит из Договора о ЕАЭС (с приложениями), международные договора между государствами-участниками ЕАЭС, международные договора государств-участников с другими субъектами международного права, а также решения органов ЕАЭС (Высший евразийский совет, Евразийская межправительственная комиссия, Евразийская экономическая комиссия, Суд ЕАЭС и др.).

Постепенное наращивание международно-договорной базы и международные обязательства, принимаемые в рамках интеграционных объединений, поднимает вопрос самостоятельности в делах государств-участников. Так, унификация законодательства в ЕАЭС, так в других региональных объединениях поднимает проблему независимости государств-участников. Концепции ограниченного суверенитета государств не выдерживают критику, но, как показывает практика, в отдельных случаях это происходит на добровольной основе в пользу интеграционного объединения [239, с. 26]. В любом случае, государства как основные субъекты международного права остаются суверенными, а добровольность проявляется в пользу его национальным интересам. Необходимо отметить, что каждое государство-участник международной организации в любой момент может выйти из ранее подписанных международных договоров, в установленном порядке.

Таким образом, право ЕАЭС как научное направление и часть юридической науки находится под постоянным внешним влияниям со стороны участников международного взаимодействия, которые усиливаются в эпоху глобализации.

Международно-правовые взаимоотношения государств усложняются, и с каждым разом увеличиваются их источники, принятые разными органами (международные суды, арбитражи и др.) и в разной форме (стандарты, правила и др.), и в конечном итоге они становятся «универсальными», «общими» нормами [240, с. 14].

Из этого следует, что унификация законодательства – это сложный процесс, который происходит на основе толкования и разъяснения права соответствующими органами и, в конечном итоге, принятием совместных межгосударственных решений.

Правовое регулирование в государствах-участниках ЕАЭС имеют правовые различия в режимах, и оно отражается в правовых нормах, актах и институтах, которые отличаются по целям, характеру и методов правового регулирования.

Во избежание противоречий между законодательствами государств-участников ЕАЭС принимаются меры, направленные на их минимизацию, которые снимают правовые коллизии, пробелы в праве, и это осуществляется посредством подписания международных договоров между государствами-участниками ЕАЭС, а также решений его центральных органов. Профессор Т.Нешатаева считает, что судебный орган ЕАЭС – Суд ЕАЭС занимает центральное место в формировании интеграционных процессов на евразийском пространстве, где его деятельность заключается в толковании законодательства ЕАЭС для достижения цели по правовому единообразию и судебного надзора в правоохранительной сфере [241, с. 5].

С учетом развития современного государства и права каждое государство-участник ЕАЭС по-своему понимает и применяет нормы ЕАЭС

исходя из своих особенностей, сложившихся в правовой системе и регулирующих схожие сферы взаимоотношений.

Для рассмотрения вопросов коллизионного права, связанных с применением права ЕАЭС, имеются практические примеры из судебной практики. Например, в разногласиях между Российской Федерацией и Республикой Беларусь 21 февраля 2017 года Суд ЕАЭС постановил, что нормы Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов от 21 мая 2010 года имеют преимущественную силу перед национальными правовыми актами, и противоречивы в отношении условий определения места происхождения экспортируемых товаров. Это спор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, инициированный Россией в сентябре 2016 года. Принципиальным вопросам спора стало то, что Российская Федерация заявила, что Республика Беларусь нарушает свои обязательства по Договору об образовании ЕАЭС [242].

Вынося решения по указанному делу, Суд ЕАЭС определил, что Соглашение о взаимной административной помощи таможенных органов от 21 мая 2010 года является приоритетным по отношению к действующим национальным законодательствам Российской Федерации и Республики Беларусь, если это касается таможенных органов государств-участников ЕАЭС. Государства, которые должны руководствоваться прямым применением норм Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов от 21 мая 2010 года, исходя из того, что они обладают приоритетом перед противоречивыми нормами права государств-участников. Суд ЕАЭС в качестве дополнительного обоснования применил норму, которая регулируют конкуренцию на трансграничных рынках на общих основаниях (Приложение № 19 к Договору о ЕАЭС) [243].

Решения Суда ЕАЭС, которые носят доктринальный характер, как и решения органов ЕАЭС имеют «прямое» и «косвенное» действие и в таких случаях не требуется принятие внутригосударственного акта, и их положения применяются в правоприменительной практике национальными судами для

урегулирования спорных моментов. Неоднозначной является ситуация с международными договорами, особенно учредительного характера ЕАЭС, которые не могут действовать или применяться напрямую [244, с. 80].

Международное интеграционное право подтверждает, что современное государственное строительство также осуществляется в соответствии с целями и принципами Устава ООН, несмотря на присутствие неюридических регуляторов международно-правовых отношений (итоговый документ Всемирного саммита 2005 года, Декларация тысячелетия и т.д.). Практическая деятельность Суда ЕАЭС в области международного правосудия сопровождается разработкой необходимых правил по различным направлениям.

Большинство сфер взаимодействия в ЕАЭС подпадают под национальное регулирование, также подвергаются влиянию международных универсальных конвенций (право ВТО), международных договоров ЕАЭС, решений органов ЕАЭС и другие. А если рассмотреть их в контексте деятельности Суда ЕАЭС – это своего рода многоплановые юридические нормы, которые предполагают единое толкование и применение в случаях их противоречия и единого подхода их рассмотрения. Формирование независимого судебного органа в ЕАЭС находится на стадии становления, с учетом исторического опыта [245]. Например, имущественная ответственность между контролирующими, координационными органами и надзорная деятельность Суда ЕАЭС не отрегулирована Договором о ЕАЭС [246, с. 152].

Таким образом, события, происходящие в экономической сфере на глобальном и региональном уровнях, требуют тесного взаимодействия между нормами международного права, права ЕАЭС и международного интеграционного права.

Интеграционные направления требуют дополнительной проработки, так как в Договоре о ЕАЭС от 29 мая 2014 года содержатся общие принципы интеграции на начальном этапе взаимодействия. Основываясь на

интеграционных моделях, государства-участники ЕАЭС планируют подписывать межгосударственные договора по конкретным областям.

Существуют проблемы по результатам унификации законодательства ЕАЭС, например, возникают противоречия в банковском законодательстве, и это связано с определением общих подходов формирования денежно-кредитной политики государств-участников ЕАЭС. Центральный банк Российской Федерации не дает указаний, для достижения стабильности цен на рынках. Целью Центрального банка Российской Федерации является стабильность курса национальной валюты - рубля [247].

Законодательство о банковской деятельности в государствах-участниках ЕАЭС, например, Банковский кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 года № 441-З, гласит, что основными целями деятельности Национального банка являются: поддержание ценовой стабильности; обеспечение финансовой стабильности, а также Национальный банк содействует устойчивому экономическому развитию страны [248].

Закон Республики Армения «О Центральном банке Республики Армения» от 30 июня 1996 года № R-69 отмечает, что основной целью Центрального банка является обеспечение стабильности цен в Республике Армения [249].

Также, главным приоритетом Национального банка Казахстана является, обеспечение стабильности цен в Республике Казахстан [250].

Целью деятельности Национального банка Кыргызской Республики является достижение и поддержание стабильности цен посредством проведения соответствующей денежно-кредитной политики [251].

Таким образом, анализ банковского законодательства государств-участников ЕАЭС показывает разные подходы и взгляды по этому направлению государственной правовой политики. Исходя из этого, необходимо выработать, например, общее понимание основных направлений денежно-кредитной политики стран ЕАЭС, которое способствовало бы найти единые подходы нормативно-правового регулирования в этой сфере. Однозначно предстоит работа по подготовке единого договора «О

Центральных банках государств-участников ЕАЭС». Это трудная задача, но для достижения целей необходимо взяться за эту работу.

Далее, одним из главных направлений интеграции являются налоговые правоотношения в ЕАЭС.

С принятием Договора о ЕАЭС запущен процесс по формированию единого рынка услуг, товаров, капитала и рабочей силы («четыре свободы»). В таких условиях экономическая интеграция предопределило, что одним направлений сближения государств-участников ЕАЭС является налоговое законодательство. Эта работа является одним из базовых, так как затрагивает жизненно важные интересы государств-участников ЕАЭС. Как было обозначено в текущих документах Комиссии, одной из стратегических задач в области налоговой политики было отмечено формирование единого законодательства государств-участников ЕАЭС, то есть на повестку выходит разработка единого Налогового кодекса ЕАЭС, которое стало бы следующим документом принципиального характера интеграционного объединения.

Насколько это возможно в ближайшей перспективе? Насколько отличаются налоговые системы государств-участников ЕАЭС? Это волнует многих «архитекторов» Союза. Если рассмотрим налоговые системы государств-участников ЕАЭС, то получается следующая картина.

В Республике Армения государственные и муниципальные бюджеты заполняются налогами и другими платежами, система является двухуровневой. Налоговое законодательство, постановления исполнительного органа, а также непосредственно решения налогового органа регулируют взаимоотношения в налоговой сфере [252].

Двухуровневую структуру также имеет налоговая система Республики Беларусь, которая состоит из республиканского и местного бюджетов. Налоговый кодекс Республики Беларусь является главным документом, где также закреплена основа налоговой системы республики [253].

В Республике Казахстан общегосударственные и местные налоги составляют налоговую систему. Конституция Республики Казахстан, Кодекс

Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах» (Налоговый кодекс) регламентируют налоговые отношения [254].

Налоговая система Кыргызской Республики также является двухуровневой и состоит из общегосударственных и местных налогов. Конституция Кыргызской Республики, Налоговый кодекс являются правовой основой налоговой системы государства [255].

В Российской Федерации налоговая система распределена на три уровня: федеральный бюджет, региональный бюджет и местный бюджет. Правовой базой налоговой системы являются Конституция Российской Федерации, Налоговый кодекс, а также федеральные законы о налогах и сборах. Также действуют законы субъектов Российской Федерации [256].

Из общей характеристики налогового законодательства государств-участников ЕАЭС видно то, что имеются схожие моменты (налоговое администрирование, по видам налогов) и отличия (уровни бюджета, фонды и другие).

Полный анализ налоговых систем государств-участников ЕАЭС показывает основные цели унификации налогового законодательства государств-участников ЕАЭС, а также принятие мер по их совершенствованию и нивелирование отрицательного влияния национальных налоговых систем друг на друга.

Положительные результаты взаимодействия в налоговой сфере подтверждаются принятием единого регламента налогового администрирования во взаимной торговле государств-участников ЕАЭС, устранением налоговых барьеров, обменом информацией в электронном виде между налоговыми органами государств-участников ЕАЭС для осуществления налогового администрирования, обеспечивающего контроль за своевременностью и полнотой уплаты косвенных налогов в бюджеты государств-участников ЕАЭС.

Унификация законодательства, которая осуществляется государствами-участниками ЕАЭС, находится на начальном этапе своего развития, то есть с

каждым разом все больше сфер будут вовлекаться в процессы унификации законодательства. Так, например, давно обсуждается вопрос ввода единой валюты на территории государств-участников ЕАЭС. Конечно, этот вопрос требует времени и соответствующей работы. Таким образом, мы считаем, что назрела необходимость вести работу по разработке типового Налогового кодекса ЕАЭС, «О Центральных банках» и других видов нормативно-правовых актов, регулирующих условия единого экономического пространства, и которые могут быть подходящими для целей унификации законодательства ЕАЭС.

Как наблюдается в части разработки нормативно-правовых актов по созданию единых правил и норм имеется огромный задел, который требует всестороннего объединения усилий государств-участников ЕАЭС. Каждое отраслевое министерство и ведомство государств-участников ЕАЭС, которые вовлечены в процессы по взаимодействию с органами ЕАЭС, должны проводить целенаправленную работу по устранению законодательных барьеров и проводить работу по сближению законодательства.

3.3. Практика Суда Евразийского экономического союза в унификации законодательства государств-участников Евразийского экономического союза

Суд ЕАЭС – это фактически новый международный судебный орган, который направлен на усиление правовой интеграции государств-участников ЕАЭС. Именно его принципиальная позиция и его решения определят дальнейшее развитие региональной экономической интеграции.

Как предусмотрено Статутом, целью деятельности Суда ЕАЭС является обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора о ЕАЭС, международных договоров и решений органов Союза.

Особым ценностным значением единообразия для всех участников интеграционного процесса является тот факт, что отсылочные нормы в тексте Статута Суда ЕАЭС приводятся как «единообразное применение права», как основная цель Суда ЕАЭС, которые обеспечиваются в ходе деятельности Суда. Право ЕАЭС допускает тот факт, что, действующие нормы должны соответствовать общему принципу единообразия. Судья Суда ЕАЭС В.Х. Сейтимова приходит к выводу о том, что в праве ЕАЭС его фундаментальной ценностью является единообразный подход, который направлен на все сферы деятельности ЕАЭС [257, с. 98].

К.Л. Чайка отмечает, что Суд ЕАЭС в полной мере обладает признаками, которые присущи международным судам. Суд ЕАЭС обладает исключительным правом разрешения межгосударственных споров, пересмотра действий (бездействий) органов ЕАЭС, за исключением решений ВЕАЭС [258, с. 39].

Таким образом, Суд ЕАЭС является институциональным органом по разрешению споров между государствами-участниками ЕАЭС и в ходе развития интеграционных процессов на пространстве ЕАЭС, и каждый его

участник, используя механизмы разрешения споров Суда, намерен защищать свои национальные интересы.

Надо заметить, что Договор о ЕАЭС не предусмотрел конкретные положения относительно чрезвычайных полномочий Суда ЕАЭС по разрешению споров между государствами-членами на основе законодательства Союза, не выработаны пока единые стандарты, дающие возможности сторонам спора выбирать альтернативные способы разрешения споров, включая другие международные судебные органы.

Специалисты находятся в поиске по выявлению возможностей, пробелов и усиления деятельности Суда ЕАЭС, которые способствовали бы укреплению евразийской интеграции. Широкому обсуждению подвергаются вопросы полномочия Суда, касающиеся толкования правовых норм, правотворческой деятельности, работы с судебными органами государств-участников, усиления состязательности сторон в судебном процессе, качественности и исполнительности судебных решений на уровне государств-участников.

Неопровержимым фактом является то, что Суд ЕАЭС – это межгосударственный судебный орган, который рассматривает обращения участников экономической деятельности по конкретному делу без предварительных условий, то есть нет необходимости исчерпывать все имеющиеся средства правовой защиты в рамках судебной системы государства-участника.

Как и принято, Суд действует на основании своего Статута и Регламента, и разрешает споры, возникшие в связи с применением права ЕАЭС, возбуждает судебное разбирательство на основании заявления сторон, принимает решения обязательного характера.

Суд ЕАЭС действует строго по законодательству ЕАЭС и рассматривает заявления, обращения государств-участников относительно их прав в рамках той международно-правовой договорной базы, которая была принята в рамках Союза. Предметом рассмотрения Суда могут быть вопросы, связанные с уважением права Союза государством-участником, соответствия решений

ЕЭК с правом ЕАЭС, оспаривания действий (бездействий) ЕЭК относительно прав и законных интересов субъектов экономической деятельности.

Отдельные ученые предлагают расширить полномочия Суда ЕАЭС, так как по сравнению с компетенциями ранее действующего суда ЕврАзЭС он обладает более узкой юрисдикцией. Подобное положение дел объясняется тем, что стороны не могут оспаривать действие (бездействие) межгосударственных органов Союза и государств-членов, также не могут оспаривать действия государств, чтобы привлечь их к ответственности.

Чтобы лучше понять суть обсуждения, обратимся к прецедентам Суда ЕврАзЭС, который действовал в СНГ. Так, с момента создания СНГ как международной региональной организации встал вопрос о создании судебного органа, способного разрешать споры, возникающие в рамках СНГ. Достижение этой цели требует внесения изменений и расширения полномочий создаваемого судебного органа, что нашло отражение в Соглашении о статусе Экономического суда СНГ от 6 июля 1992 года [259], а также в Положении об Экономическом суде СНГ, которое является неотъемлемой частью этого соглашения и Устава СНГ от 22 января 1993 года [260]. В соответствии с Уставом СНГ, функция суда другого межгосударственного образования, Евразийского экономического сообщества, была передана ему в соответствии с Соглашением между СНГ и ЕЭК об исполнении Экономическим судом СНГ функций суда Евразийской экономической комиссии от 3 марта 2004 года [261]. На сегодняшний день Экономический суд СНГ переживает этап своего переходного периода, когда необходимо подвести итоги многолетней деятельности и пересмотреть юрисдикцию на фоне функционирования Суда ЕАЭС [262, с. 140].

В целом, идея о том, что международный суд может выполнять функции суда нескольких международных организаций, а также идея о распространении юрисдикции международного суда на споры в рамках других международных организаций, не нова. Например, Суд Европейского союза

начал выполнять функции всех сообществ (Европейское экономическое сообщество, Европейское сообщество по углю и стали, Евроатом и другие).

Правовой основой для осуществления экономическим судом функций Суда Евразийского экономического сообщества послужили постановление Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества «Об организации функционирования Суда Евразийского экономического сообщества» от 27 апреля 2003 года [263] и Решение Совета глав государств СНГ «О возложении на Экономический суд Содружества Независимых Государств функций Суда Евразийского экономического сообщества» от 19 сентября 2003 года [264].

Однако предоставление Экономическому суду СНГ права разрешать споры в рамках других международных организаций создавало проблемы публичного и организационного права [265, с. 15].

Согласно нормам международного права, ни соглашение от 3 марта 2004 года как международный договор, заключенный между двумя международными организациями, ни решения органов этих организаций не изменяют и не дополняют учредительные документы Экономического суда СНГ.

Вопросы, связанные с достижением единообразного понимания и применения законодательства Экономическим судом СНГ, включающие в себя нормы международного права, право международной организации и национальное законодательство государств-участников, были на особом внимании юристов, занимающихся проблемами международного правосудия.

Право ЕАЭС развивается на основе решений Суда ЕАЭС, поскольку оно установлено в Договоре о ЕАЭС, в Статуте и Регламенте Суда ЕАЭС [266]. К сожалению, отсутствуют нормы, прямо указывающие об определении позиций Суда на развитие право ЕАЭС. В практическом плане наблюдается влияние позиции Суда на развитие права ЕАЭС.

В параграфе 2 Статута Суда, который составляет приложение № 2 к Договору о ЕАЭС, прямо говорится, что целью деятельности Суда является

обеспечение единообразного применения государствами-членами и органами, международных договоров Союза с третьей стороной и решений ЕАЭС, причем решения самого Суда из этих решений органов Союза исключаются.

Формальный подход является требованием Суда, которое не способствует полноценному развитию право ЕАЭС.

На практике встречаются случаи, когда только из-за несоответствия заявки Суд отказывается рассматривать обращения сторон. Из этого следует, что настало время оперативно вносить изменения и дополнения в Договор о ЕАЭС и другие международные документы, чтобы продвигать идеи интеграции, в данном случае, принять меры по защите прав и законных интересов участников судебного процесса. Подобная формальность встречается и в работе других органов ЕАЭС. Особенно это наблюдается в деятельности ЕЭК. Как основной исполнительный орган ЕАЭС – ЕЭК должен продвигать интеграцию повсеместно, используя все имеющиеся в его распоряжении механизмы. Например, никакой критики не выдерживает организация конкурсов на вакантные должности в центральный аппарат ЕЭК. Все желающие участники конкурса на вакантные должности обязаны ехать в Москву для участия в конкурсе (собеседование). ЕАЭС – это интеграционное объединение и для участников должны быть созданы одинаковые условия для полноценного участия в работе организации. Потенциальные кандидаты, граждане из других государств-участников ЕАЭС лишаются возможности принимать участие на конкурсах по отбору кадров в центральные органы ЕАЭС, тем самым не соблюдается принцип равномерности.

В деятельности Суда должен присутствовать классический подход, то есть Суд создает общие правила в виде судебных прецедентов, которые призваны формировать право ЕАЭС [267]. Для разработки научно-обоснованных концепций и выработки мотивированных решений перед теоретиками и практиками стоит задача об установление иерархии источников права ЕАЭС. Правовая система ЕАЭС, «на основе которой необходимо подготовить проект договора о нормативно-правовой базе Союза с

установлением иерархии и типов источников права, условий и процедуры их принятия и введения в действие» [268, с. 26].

Как показывает сравнительный анализ Статута Суда ЕАЭС и юрисдикции суда ЕврАзЭс между ними наблюдается существенная разница. А.С. Исполинов отмечает, что данные изменения носят важный характер и воспринимаются только в позитивном ключе для расширения юрисдикции Суда ЕАЭС [269, с. 80]. Структура и компетенция органов ЕАЭС с каждым разом будут подвергаться изменениям для его постоянного совершенствования.

По сравнению с ЕврАзЭС была изменена сама процедура формирования судов, а именно: судьи входят в состав суда по решению Высшего Евразийского экономического совета по предложению государств-членов в соответствии с пунктом 10 Статута Суда ЕАЭС, что значительно укрепляет статус судей. Такое положение дел показывает, что исполнительные органы государств-участников оставляют за собой контроль процесса назначения судей. Тем более, внутренний регламент Суда ЕАЭС утверждается Высшим Евразийским Советом.

Статут Суда ЕАЭС сузил юрисдикцию суда в отношении индивидуальных жалоб, что также было связано с созданием групп экспертов, сформированных представителями государств для рассмотрения споров, касающихся промышленных субсидий, мер, принимаемых государством, и другими возможностями государственной поддержки сельского хозяйства, применения специальных защитных мер и т.д. И хотя решения этих экспертных групп являются рекомендациями для суда, тем не менее это касается заключения о применении надлежащих компенсационных мер, мнение специализированной коллегии является обязательным для суда при вынесении решения. Отсюда следует, что Суд действует в данном деле как орган под своим собственным именем, который выносит решения, принятые другими учреждениями, так что такое постановление может привести к появлению различных толкований положений Договора о ЕАЭС.

Статуты Суда ЕАЭС и Суда ЕврАзЭС имеют отличительные подходы к консультативной юрисдикции, например, статут Суда Союза не выносит предвзятые заключения по тем вопросам, которые подпадают под юрисдикцию судов государств-участников.

Компетенция Суда ЕАЭС относительно его консультативных заключений содержится в нескольких параграфах Статута Суда, где говорится, что суд разъясняет по запросу государства-участника или органа Союза положения договора, международные договоры в рамках ЕАЭС и международные договоры в рамках ЕАЭС, а также по заявлению работников и должностных лиц органов Союза и суда, положения договора, международные договора в рамках Союза и решениями органов Союза, касающимися трудовых отношений (статья 46).

Суд ЕАЭС выносит консультативное заключение, то есть разъясняет на основе Статута Суда (статья 98), и оно имеет рекомендательное значение. Государства-участники ответственно подходят к вопросу по определению списка государственных органов, которые имеют право обращаться за разъяснением к суду.

Как установлено правом ЕАЭС, определенная часть работы по применению актов Союза возлагается на национальные суды государств-участников, и последние на свое усмотрение осуществляют толкование и разъяснение норм право Союза. Подобное положение дел показывает, что взаимодействие Суда ЕАЭС с национальными судами по формированию единообразного применения норм права ЕАЭС будет способствовать тому процессу, создающему единое правовое пространство, закрепленное верховенством права в рамках ЕАЭС.

Как показывает практика, ЕЭК в своей деятельности затрагивает интересы не только юридических, но и физических лиц, которые являются участниками хозяйственной деятельности на пространстве ЕАЭС. Физические лица не имеют возможности обжаловать решения ЕЭК в суде Союза.

В соответствии со Статутом Суда ЕАЭС правом обжалования действий органов ЕАЭС обладают только юридические лица и индивидуальные предприниматели. Физические лица, которые не имеют статуса индивидуальных предпринимателей по законодательству государства-участника не подпадают под юрисдикцию суда, даже если были затронуты их интересы решениями органов ЕАЭС. Данная ситуация не дает возможности ЕАЭС достичь уставных целей по формированию общего рынка. Для достижения этой цели необходимо предоставить всем физическим лицам право на обжалование в судебном порядке, например, решений ЕЭК, которые их непосредственно касаются.

Тесное взаимодействие Суда ЕАЭС и ЕЭК влияет на единые подходы применения законодательства Союза, так как оба органа обладают всеми необходимыми контрольными полномочиями по применению актов Союза единообразно и в обязательном порядке.

В Статуте Суда ЕАЭС содержатся положения, которые допускают возможность не исполнить решения Суда. Так, в соответствии со статьей 114 Статута Суда ЕАЭС, в случае неисполнения постановлений суда государство-участник имеет право обратиться в ВЕАЭС с просьбой принять необходимые меры, для их исполнения. В соответствии со статьей 115 Статута Суда, в случае неисполнения Комиссией решения суда хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд с требованием принять меры в отношении исполнителя. ВЕАЭС, как политический орган Союза, является высшей инстанцией по исполнению решений Суда.

Наблюдается, что Суд ЕАЭС в своих решениях устанавливает верховенство право ЕАЭС, так как в учредительных документах Союза полностью не был решен вопрос о соотношении международного права и права ЕАЭС. Неопровержимым остается тот постулат, что ЕАЭС должен формироваться в полном соответствии с международным правом.

Качество выносимых решений международных судов, основанных на широкой доказательной базе, аргументированности и логического составления

документов, является показателем эффективности их работы. Подобный подход не наблюдался в работе предыдущих судебных органов, которые действовали на пространстве СНГ (Экономический суд СНГ, Суд ЕврАзЭс), и поэтому на Суд Союза возлагаются большие надежды и требования для поднятия его авторитета перед участниками правосудия [270, с. 31].

Решения, выносимые Судом ЕАЭС, должны иметь влияние на деятельность других судов (международных, национальных) и способствовать развитию международно-правовых процедур. В решениях суда широко должны быть использованы принципы и нормы международного права, положения международных договоров. Суд как орган международного правосудия при принятии решений должен использовать источники права, которые способствуют их обоснованию.

Индивидуальный подход при принятии решений Суда является ключевым, так как персональная ответственность возлагается на судей, которые принимают убедительные, сбалансированные и продуманные решения для того, чтобы обеспечить единообразное применение законодательства и укрепить интеграцию.

Суду Союза с учетом всех пожеланий и рекомендаций предстоит разработать новую модель урегулирования споров и рассмотрения жалоб, а также новые подходы толкования норм международных договоров и актов, принимаемых органами Союза. Все это откроет возможности для инкорпорации правовых актов Союза в национальное законодательство государств-членов.

В связи с этим Суд ЕАЭС выносит юридические заключения по вопросу, из которых Апелляционная палата сделала следующие выводы: Договор о ЕАЭС как платформа на долгосрочной основе сближает законодательство государств-участников, тем самым создавая условия единообразного применения правовых норм в соответствующих областях сотрудничества [271].

Так, термин «унификация» и его производные встречаются в тексте Договора более 15 раз. Унификация законодательства в рамках ЕАЭС осуществляется в комплексе с ранее применяемыми способами объединения и сближения разных правовых норм. В связи с этим Большая палата Суда ЕАЭС призывает государства-участники «сближать законодательные нормы во избежание формирования различной правоприменительной практики и, как следствие, создания неравных условий для ведения бизнеса в рамках ЕАЭС». Большая палата также считает, что пределы дискреционных полномочий, установленных договором для принятия национальных правовых норм в рамках согласованной политики, не должны приводить к ситуации, когда государства-участники и органы Союза вмешиваются в пределах своей компетенции. Мы считаем, что это также относится к последовательным действиям [272].

То, как будут сближаться законодательства государств-членов, можно увидеть на примере формирования общего рынка электроэнергии в рамках скоординированной энергетической политики. Концепция формирования этого рынка предусматривает создание взаимосвязей законодательных норм государств-членов Союза в области электроэнергетики на основе законодательства ЕАЭС. Акты, регулирующие этот рынок, включают Договор о ЕАЭС 2014 года, международное соглашение об образовании общего рынка электроэнергии, а также акты органов ЕАЭС, определяющие функционирование субъектов общего рынка электроэнергии [273].

Программа определяет свод правил для такого рынка, формирование общего рынка электроэнергии, уточняет акты органов Союза, которые включают правила взаимной торговли электроэнергией, определение и распределение пропускной способности, положения о развитии электроэнергетических систем и т.д. Программа определяет свод правил для такого рынка, формирование общего рынка электроэнергии, уточняет акты органов Союза, которые включают правила взаимной торговли электроэнергией, определение и распределение пропускной способности,

положения о развитии межгосударственных электрических сетей, правила обмена информацией, а также иные акты, регулирующие данный рынок. В контексте евразийской интеграции основу сближения законодательных норм составляют международные договоры в рамках ЕАЭС и акты органов Союза, определяющие вектор правового регулирования общественных отношений, интеграция для государств-членов [274].

Правовое регулирование основано на других положениях, в том числе на унификации в рамках единой политики. Нормы Договора о ЕАЭС «О едином таможенном регулировании» (пункт 4 части 1 статьи 25), Единый режим товарооборота во взаимоотношениях с третьими лицами (пункт 3 части 1 статьи 25), Единый таможенный тариф (пункт 2 раздела 1 статьи 25), а также Таможенный кодекс Таможенного союза, который ограничивает источники таможенных законодательных норм актами, включенными в законодательство Союза (пункт 3 части 1 статьи 3), позволяет вернуть таможенное право ЕАЭС в сферу единой политики [275].

Суд ЕАЭС устанавливает следующие критерии, основанные на нормах договора для такой политики:

1) правовое регулирование на единой основе;

2) возможность передачи полномочий в этой сфере государств-участников соответствующим институтам, которые возникли в рамках межгосударственных полномочий.

Компетенции институтов ЕАЭС в рамках их межгосударственных полномочий были определены Судом ЕАЭС в своих актах со ссылкой на положения пункта 4 части 1 статьи 25 Договора о ЕАЭС. Статья 25, параграф 4, Часть 1 Договора определяет таможенное регулирование как область общей политики. Такая политика со стороны государств-членов не предполагает правового регулирования [276].

Так, таможенное законодательство ЕАЭС является итогом этой работы. В то же время нельзя сказать, что регулирование со стороны государств-членов здесь полностью нивелировано. Согласно части 2 статьи 1 Таможенного

кодекса ЕЭП, в части, не регулируемой законодательством Союза, правовое регулирование национальным законодательством допускается до тех пор, пока соответствующие социальные отношения не будут регулироваться на наднациональном уровне. Аналогичный подход, допускающий остаточное регулирование таможенных отношений государствами-членами, был сохранен в новом Таможенном кодексе ЕАЭС, который должен был вступить в силу не ранее 1 июля 2017 года, но начал действовать с 1 января 2018 г.

В соответствии со Статутом решения Суда ЕАЭС не должны противоречить с правом ЕАЭС и законодательствами государств-участников. На первый взгляд может показаться, что эти нормы на данном этапе существенно сужают возможности Суда ЕАЭС в правоприменительной сфере, поскольку акты Суда ЕАЭС являются обязательными для государств-членов и Евразийской экономической комиссии. Роль и значение суда в интеграционных процессах проявляется в его практической деятельности.

Как представляется, Суд ЕАЭС дополнил существующее содержание Договора о ЕАЭС «институтом бездействия». Государства-участники и компании имеют право обжаловать действия Комиссии в Суде. Чтобы конкретизировать это право на обжалование, оказалось необходимым дать определение термину «незаконное бездействие». Основываясь на положениях Договора, принимая во внимание опыт правового регулирования государств-членов в области оспаривания бездействия, а также аналогичную практику Суда Европейского союза, Суд ЕАЭС определил институт «незаконного бездействия». Речь идет о неисполнении или ненадлежащем исполнении межгосударственным органом обязательств, налагаемых законодательством ЕАЭС. Например, оставление апелляций сторон без рассмотрения [277].

Постоянно происходит процесс мониторинга и контроля исполнения ЕЭК международных соглашений, в том числе в рамках законодательства Союза, определения ее компетенции. Палата Суда, принимая во внимание толкование законодательных норм ЕАЭС и практику Комиссии, приходит к выводу, что проверка проводится ЕЭК на регулярной основе, носит комплексный характер

и «не связана с необходимостью индивидуального упреждающего лечения, которое оно может потребовать», проводится на постоянной и систематической основе, и что его результаты применяются ЕЭК при разработке различных документов. В то же время Палата Суда ЕАЭС указала, что информация, доступная в частном приложении коммерческого субъекта, может использоваться в качестве альтернативного источника информации для проверки в этом направлении, но также было подчеркнуто, что Комиссия не имеет полномочий контролировать реализацию во исполнение этих приложений. Суд ЕАЭС развил свою позицию, пояснив, что ЕЭК не может осуществлять надзор и контроль за выполнением международных договоров государств-участников, которые не входят в право ЕАЭС.

Это основания следующего плана:

1) участниками международного договора должны быть все государства-участники ЕАЭС;

2) предметом международного договора должна быть общего характера политика в рамках ЕАЭС [278].

Суд ЕАЭС принял во внимание опыт Суда ЕС при принятии такого решения. На наш взгляд, развивая такую позицию, Европейский суд вышел за рамки своей компетенции и продемонстрировал этим актом пример Европейского судебного законодательства. С другой стороны, вышеупомянутые критерии этой правовой позиции были использованы судом при рассмотрении дела № СЕ-1-1/1-16-ВК, в котором Большая палата при отсутствии определения понятия «решение таможенного органа» в законодательстве ЕАЭС сослалась на положения Киотской конвенции об упрощении и согласовании таможенных процедур от 18 мая 1973 года (Киотская конвенция).

Кыргызская Республика пока не является участником Киотской конвенции, хотя ранее были предприняты попытки присоединения к ней, но в связи с необходимостью дополнительной проработки проекта Закона Кыргызской Республики «О присоединении Кыргызской Республики к

Международной Конвенции по упрощению и гармонизации таможенных процедур (Киотская Конвенция)» он был отозван обратно из Жогорку Кенеша Кыргызской Республики [279]. Считаем, это закономерным процессом, так как каждое государство исходит из своих национальных интересов, особенно по вопросам упрощения таможенных процедур.

По общепринятому положению, как ранее указывалось, по запросу государства-члена или органа Союза Суд ЕАЭС толкует нормы Договора о ЕАЭС, международных договоров, входящих в право Союза и решений его центральных органов. Статут Суда ЕАЭС установил, что выполнение разъяснения Судом означает вынесение консультативного заключения и не лишает государства-участники права толковать международные соглашения. Рекомендательный характер также носит консультативное заключение по пояснительной записке.

Например, был прецедент Суда, когда было рассмотрено заявление Центра судебного представительства при Министерстве юстиции Кыргызской Республики с вынесением консультативного заключения Суда ЕАЭС, когда Центр судебного представительства при Министерстве юстиции Кыргызской Республики обратился с заявлением о разъяснении положений статьи 3 Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов ЕАЭС от 20 декабря 2019 года (далее – Соглашение), что является одним из принципиальных решений Суда по формированию единого подхода и понимания международных договоров, принимаемых в рамках Союза [280]. Ответом Большой коллегии суда было то, что пункт 1 статьи 3 Соглашения предусматривает порядок формирования пенсионных прав за счет пенсионных взносов и является основанием для уравнивания ставок (тарифов) пенсионных взносов применительно к трудящимся государств-членов ЕАЭС и гражданам государства трудоустройства.

В данном случае, несмотря на заключение Большой коллегии Суда, судья К.Л. Чайка выразил свое частное мнение о том, что Большая коллегия Суда, осуществив разъяснение пункта 1 статьи 3 Соглашения во взаимосвязи со

статьей 96 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, не определила сферу, на которую распространяется действие положений права ЕАЭС в части трудовой миграции [281]. Большая коллегия Суда уклонилась от ответа на поставленный вопрос заявителя о единообразном применении права ЕАЭС и определении места Соглашения в системе источников ЕАЭС. Также Большая коллегия в указанном консультативном заключении по утверждению судьи вышла за пределы предоставленных своих полномочий. Из этого следует, что правоприменительная практика Суда ЕАЭС с каждым разом будет «шлифовать» Союзное право, и способствовать унификации законодательства государств-участников ЕАЭС.

Практика Суда ЕАЭС выявляет проблемные вопросы процессуального значения. В своем большинстве это касается процедурных порядков рассмотрения Судом заявлений, а также особого мнения судей относительно иных актов Суда, кроме решений.

Так, за все время судебной практики Суда ЕАЭС судьи не раз применяли право на особое мнение, которое было предоставлено Статутом Суда ЕАЭС. Судьи А.М. Ажибраимова [282] и Ж.Н. Баишев [283] отмечают, что в правоприменительной деятельности выявляются вопросы, связанные с процессуальным и правовым совершенствованием правового регулирования законодательства ЕАЭС. Эти вопросы касаются выполнения сторонами процессуальных норм, предусмотренных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза.

Представители Суда ЕАЭС подробно разъясняли роль и значение консультативного заключения. Таким образом, консультативное заключение Суда, касаясь вопросов обеспечения всех четырех свобод внутреннего рынка Союза – свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, затронуло такие области права, как, например, трудовая миграция, перемещение физическими лицами наличных денежных средств, торговля услугами, функционирование Таможенного союза, общие принципы и правила конкуренции и другие направления. Как уже не раз отмечалось, в

консультативных заключениях выделяются правовые позиции Суда, которые оказывают влияние на нормотворческую деятельность и правоприменительную практику ЕЭК, государств-членов Союза, включая их восприятие судебными органами [284, с. 15].

Надо отметить, что консультативное заключение Суда ЕАЭС – это своего рода форма-образец. Он позволяет урегулировать возникающие правовые противоречия в будущем, а в настоящем может помешать сторонам превратить потенциальное правовое противоречие в реальное.

Об этом говорилось при рассмотрении текста консультативного заключения от 4 апреля 2017 года, в котором уточняется, что антимонопольное законодательство Союза включает три типа (политических) действий. Защита конкуренции на трансграничных рынках является единой политикой Союза, в то время как защита конкуренции на внутренних рынках является согласованной политикой. Согласованная конкурентная (антимонопольная) политика государств-членов применяется к действиям хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) третьих стран, если эти действия могут оказать негативное влияние на состояние конкуренции на товарных рынках государств-членов. Их использование зависит от следующих условий:

1) тип рынка (национальный или трансграничный) и

2) принадлежность экономического субъекта (субъекта рынка государства-члена ЕС или субъекта рынка третьих стран).

Это судебное разъяснение имеет большое значение в контексте разработки Кодекса конкуренции ЕАЭС [285, с. 59].

Несмотря на непризнание актов Суда ЕАЭС в качестве источников права Союза, Суд не только может выражать обязательные правовые позиции по всем вопросам евразийской экономической интеграции, но и активно участвует в них. Толкование судом правовых норм Союза, как правило, носит обязательный характер, что позволяет на данном этапе устранить противоречия в системе правового регулирования на уровне ЕАЭС. Однако мы отмечаем, что возможные варианты повышения авторитета Суда еще не

раскрыты. Если проанализировать деятельность Суда ЕАЭС, то можно увидеть, что невозможно дать частичное заключение по запросу национальных судов в случае несоответствия применяемого стандарта законодательству ЕАЭС. Например, это актуально в контексте принятия пленумом Верховного суда Российской Федерации постановления о том, что акты Суда ЕАЭС являются обязательными для российских судов при применении ими соответствующих законодательных норм, признанных в области таможенного регулирования. Вынесение Судом ЕАЭС отрицательного заключения создает возможности для реализации принципа интеграции права Союза [286].

Следующим спорным пунктом законодательства Союза, с точки зрения деятельности Суда ЕАЭС, является ограниченная судебная дееспособность ЕЭК. Она может выступать только в качестве ответчика в межгосударственных разбирательствах Союза. В будущем предлагается предоставить ему возможность обращаться в Суд для обеспечения исполнения государствами-членами актов, включенных в законодательство Союза.

По нашему мнению, это даст Комиссии необходимое влияние на государства-участники, с точки зрения «надзора». В дальнейшем ЕЭК и Суду ЕАЭС предстоит большая работа. Это напрямую связано со стратегией развития правового регулирования государств в рамках ЕАЭС, закрепленной в самом тексте Договора о ЕАЭС.

В частности, он предусматривает заключение международных соглашений в рамках Союза во многих областях интеграции его государств-членов. Например, речь идет о создании общего рынка нефти и нефтепродуктов и общего рынка газа к 2025 году, а также общего рынка электроэнергии к 2019 году, который в настоящее время находится в стадии формирования. Общие рынки лекарственных средств и медицинских изделий уже начали функционировать благодаря заключению соответствующих соглашений. Также планируется заложить основы общего рынка аудиторских услуг [287].

Противоречивый потенциал этих секторов экономики может быть сведен к минимуму предложениями, которые имеют место быть в научной и экспертной литературе. Определено, что не только акты Комиссии, но и решения ВЕАЭС и Межправительственного совета должны быть поставлены под контроль Суда ЕАЭС для обеспечения соблюдения Договора 2014 года и международных договоров в рамках ЕАЭС.

Единство евразийской законности в интеграционных сферах и проблемы надлежащего правоприменения в ЕАЭС покрываются не только вышеперечисленными пробелами в законодательстве Союза, но и содержанием норм национального законодательства ряда государств-членов. Так, в Республике Беларусь Закон «О конституционных процедурах» расширил конституционные нормы [288], включив международный договор в список объектов конституционного контроля. Речь идет не только об уважении Конституции, но и других международных договоров Республики Беларусь. Конституционный Суд Республики Беларусь также уполномочен выносить заключения о соответствии актов межгосударственного образования, к которому он принадлежит, не только Конституции, но и ратифицированным международно-правовым актам. Можно также напомнить о механизме, позволяющем России не исполнять решения международных правозащитных организаций, если они противоречат Конституции [289].

Так, при принятии основополагающих решений органами Союза важность консенсуса дает государствам-членам ЕАЭС своего рода право вето. Но, как показывает практика, эти возможности направлены против действий других международных организаций (например, Европейского суда по правам человека и т.д.), которые предусмотрели эти механизмы в своем конституционном законодательстве. В современных реалиях существованию таких защитных механизмов уделяется особое внимание.

Аналогичная практика противодействия международному законодательству была предпринята, в частности, во время конституционной реформы 2016 года в Кыргызской Республике [290]. Но юридическая практика

показывает, что изоляционизм, особенно в правовой сфере, не способствует развитию общества и государства.

Успешная деятельность институтов ЕАЭС, которые реализуют нормы и положения интеграционного объединения способствуют их эффективности применения. Из этого следует, что важно наделить необходимыми полномочиями органы интеграционного объединения, а также пересмотреть их функциональные возможности. По общему мнению, требуется постоянная работа по изменению и дополнению международно-правовой базы, которое также нуждается в анализе и практической апробации. К ним относятся вопросы, которые могут непосредственно повлиять на функционирование постоянных органов ЕАЭС: Суда ЕАЭС и ЕЭК.

Таким образом, появляются несколько блоков. Это:

– пересмотр полномочий Суда ЕАЭС в сторону расширения;

– принять документ, определяющий статус судей Суда ЕАЭС;

– разработать правовые нормы, дающие возможность обжалования решений ЕЭК и другие.

Дискуссионным является вопрос, связанный с отсутствием у Суда права предоставлять заключения в процедуре преюдициального запроса применительно к компетенции Суда, который возникает при обращениях национальных судов о толковании норм права ЕАЭС, связанных с конкретным делом [291, с. 321]. Следует отметить, что ранее в соответствии со статьей 3 Договора об обращении в Суд Евразийского экономического сообщества хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенностях судопроизводства по ним соответствующим полномочием обладал Суд ЕврАзЭС [292, с. 85]. Судебная практика судов государств-участников показывает, что ими часто используются нормы и положения права ЕАЭС. Это не только дела, связанные с правоотношениями в таможенной сфере, но и дела о защите прав трудовых мигрантов, недобросовестной конкуренции и другие [293, с. 321].

Суды государств-участников ЕАЭС, непосредственно применяя право ЕАЭС, подтверждают такие его свойства, как верховенство, непосредственное применение [294] и прямое действие [295, с. 123]. Эта ситуация показывает, что идет тесная взаимосвязь между судом интеграционного объединения и национальными судами. Получение последним право обращаться в суд с ходатайством о предварительном рассмотрении дела могло бы способствовать установлению верховенства права, укрепления законности и логической цепочки данного процесса. В процессе досудебного расследования национальные суды государств-участников в достаточной форме получают исчерпывающие разъяснения норм права ЕАЭС, а также входят полностью в курс дела, которые возложены на лиц, применяющих национальное законодательство, все это показатель того, что идет тесное взаимодействие между Судом ЕАЭС и национальными судами. Так, предварительное расследование как отдельный институт судебного процесса дает толчок для того, чтобы применять законодательства Союза единообразно во всех государствах-участниках, а также создает возможности защищать права и интересы участников правовых отношений, возникших в рамках права ЕАЭС. В этом плане интересен пример Суда Европейского союза, где почти 70 % обращений, в суд рассматривается в процедуре преюдициального запроса [296, с. 321], в таких условиях этот инструмент является как возможность толковать право ЕС единообразно [297, с. 443], происходит важный процесс не только диалога [298, с. 410], но и «непосредственного контакта» между судами государств-участников и Судом ЕС [299].

Вопрос, который заслуживает отдельного исследования – это наделение ЕЭК правом обращаться в суд в случае невыполнения государством-участником законодательства Союза. Это дискуссионная тема, но требующая детального изучения. Комиссия как регулирующий орган Союза часто сталкивается с проблемами исполнительного характера со стороны государств-участников. Отдельные ученые отмечают, что государства-участники интеграционных объединений редко прибегают к таким мерам, то

есть обращаться в суд против другого члена [300, с. 229]. Такое положение подтверждается также судебной практикой. Так, за годы функционирования Суда ЕАЭС были только единичные дела о межгосударственных спорах [301]. Но природа Суда ЕАЭС такова, что государства-участники должны в полной мере использовать его потенциал, который заложен в Статуте, а иначе государства-участники, избегая судебного метода урегулирования споров все больше будут прибегать к переговорам между собой. Такое положение дел скажется на исполнении принципа правовой определенности и в целом на правовом развитии Союза. Отдельные специалисты предлагают для повышения эффективности исполнения законодательства ЕАЭС, наделить ЕЭК правом обращаться в Суд ЕАЭС по вопросу неисполнения государствами-участниками законодательства ЕАЭС. Такая инициатива является преждевременной, так как интеграционные процессы, особенно в правовой сфере, должны происходить на постепенной основе с учетом особенностей правовой системы каждого участника.

В таких условиях надо учесть момент, когда все основные органы ЕАЭС должны строго выполнять законодательство Союза, то есть также необходимо учесть и принцип равноправности всех перед судом и законом. В этом плане на стороне остаются ВЕАЭС и Межправительственного совет. Эти органы также ответственны, как и остальные институты Союза. Они обладают широкими полномочиями, и от них в большей мере зависит дальнейшее развитие Союза. Исходя из этой идеи предлагается дополнить *подпункт 1) статьи 39 Статута Суда ЕАЭС абзацем следующего характера: «о соответствии решения Высшего Совета и Межправительственного совета или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза».* Суд ЕАЭС приобретет достаточные полномочия для принятия решения на основе Договора ЕАЭС, и такая норма позволит усилить исполнительскую дисциплину среди государств-участников в части развития право ЕАЭС.

Суд ЕАЭС уполномочен рассматривать вопросы, связанные с действием (бездействием) Комиссии. В настоящее время в соответствии с общим правилом подпункта 2 статьи 39 Статута Суда только хозяйствующие субъекты – юридические лица или индивидуальные предприниматели государств-членов и третьих государств имеют право подавать соответствующие апелляции. В соответствии со Статутом Суда под хозяйствующим субъектом понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства.

Пункт 14 протокола «Об общих принципах и правилах конкуренции» содержит довольно широкий список сторон, которые обладают правом обжалования решений ЕЭК по вопросам конкуренции (Приложение № 19 к Договору о ЕАЭС). Исходя из этого видно, что при регулировании таможенных правоотношений адресатами становятся физические лица, которые не обладают статусом хозяйствующего субъекта [301]. В подобных случаях на них также распространяется решение Комиссии [302], но они не могут ставить вопрос о соответствии данных решений Договору и международным договорам в рамках Союза, и также не могут обращаться в суд. Данный вопрос также выпадает из круга подсудности национальных судов, тем самым теряют возможность защиты своих прав в судебном порядке. Частота обращений физических лиц в суд говорит о том, что это одно из волнующих проблем. Судебная защита прав является важным элементом, которое, предусмотрено во Всеобщей декларации прав человека, в других международных актах, а также они закреплены в законодательстве государств-участников. Исходя из вышеизложенного, на повестку дня выходит вопрос о предоставлении права физическим лицам обращаться в Суд ЕАЭС.

Международный опыт и практика Европейского союза показывает, что это необходимая мера, которая должна присутствовать в интеграционных

объединениях. Особенно это касается физических лиц, которые выступают сторонами в международных экономических правоотношениях.

Также надо учесть, что на эффективность законодательства Союза влияет проблема, связанная со статусом судей Суда.

Суд уполномочен рассматривать дела, связанные с заявлениями субъектов экономической деятельности на Комиссию, а также межгосударственные споры в рамках ЕАЭС [304]. Противоречия при толковании и применении норм права ЕАЭС решаются посредством института консультативных заключений, который выступает как незаменимый инструмент [305].

Судьям Суда ЕАЭС должна быть обеспечена независимость в ходе осуществления ими международного правосудия, для объективного и беспристрастного рассмотрения ими дел. Законодательством ЕАЭС предоставляются особые условия для работы судьям Суда ЕАЭС (Приложение № 32 к Договору о ЕАЭС). Но статус должностных лиц и персонала аппарата суда определены только в главе III Статута Суда.

Законодательство, регулирующее деятельность органов Союза, показывает разные подходы относительно статуса сотрудников. Если обратимся к практике правового регулирования аналогичной сферы, то мы наблюдаем, что в процессе международного правосудия не только защищают статус судебных органов как самостоятельного института, но судей как носителей судебной власти, которые осуществляют свои полномочия в соответствии с международными договорами.

Международный опыт показывает, что в международных договорах специально выделяют отдельные разделы регулирующие статус судей [306].

В государства-участниках ЕАЭС законы, регулирующие статус судей местных судов, были приняты в разное время и функционируют давно. В Российской Федерации, закон регулирующий статус судей, принят еще в 1992 году [307], в Республике Беларусь статус судей действует в виде кодекса с 2006 года [308], в Республике Казахстан порядок регулирования судебной

системы и статуса судей принят в виде конституционного закона в 2000 году [309], в Республике Армения действует закон о статусе судей с 1998 года [310] и в Кыргызской Республике в новой редакции в 2021 году принят конституционный закон о статусе судей [311]. Во время функционирования ЕврАзЭС предпринимались попытки подписать международный договор о статусе судей, но, к сожалению, данная работа не было доведена до логического завершения, в виду того, что он прекратил свое существование. Эта идея до сих пор существует, и в законодательстве ЕАЭС должен быть устранен этот пробел, который будет укреплять правовой статус судей в период их работы, так и после их ухода из работы.

Обеспечение беспристрастности и независимости суда может быть достигнуто только в том случае, если действующим судьям будут установлены соответствующие гарантии при исполнении ими возложенных обязанностей. Надо признать, что ЕАЭС – это организм, деятельность которого зависит от безупречной работы каждого из его органов, и каждый из них должен быть наделен полномочиями в части обжалования решений вышестоящих органов, то есть действия или бездействия Комиссии должны быть обжалованы в Суде ЕАЭС.

Например, судебным прецедентом стало дело, связанное с обжалованием решения Комиссии, по правилам конкуренции на трансграничном рынке, и в связи с этим рассмотрением исков ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» и его дочернего ООО «ВИЗ-Сталь» от 26 сентября 2017 года. Так, на основе обращения Суд отказал в принятии заявлений хозяйствующих субъектов к производству, полагаясь на предложения об отмене соответствующего решения Комиссии Правительства Российской Федерации к Межправительственному совету [312]. Статьи 12 и 16 Договора о ЕАЭС допускают возможность Высшему Совету и Межправительственному Совету по предложению государства-члена право отменить или изменить решение Коллегии Комиссии, и это послужило правовой основой для запроса Правительства Российской Федерации.

Таким образом, кроме Суда ЕАЭС контрольными функциями в отношении решений Комиссии обладают Высший Совет и Межправительственный Совет, которые в перекрестном режиме являются административной системой контроля. В законодательстве ЕАЭС не урегулированы положения, при которых отменяются или изменяются решения Комиссии Высшим Советом или Межправительственным Советом, не установлены временные рамки повторного рассмотрения данных вопросов.

Из этого следует сделать вывод о том, ВЕАЭС и Межправительственный совет обладают высшими полномочиями, и что их решения в соответствии с пунктом 2 статьи 13 и пунктом 2 статьи 17 Договора о ЕАЭС принимаются консенсусом, а решения Комиссии могут быть приостановлены на неопределенный срок.

Если обратимся к практике работы Комиссии, то одно из ее решений приостановлено с 10 августа 2015 года и до сих пор стоит в режиме заморозки [313]. Решения, связанные с жалобой ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» и ООО «ВИЗ-Сталь», с 31 октября 2017 года также ожидают своего времени [314]. Подобная процедура рассмотрения обращений не создает условия для развития права ЕАЭС. Государства-участники ЕАЭС оставили за собой право последней инстанции рассмотрения жалоб и обращений, и это, безусловно, является их волей как учредителей международной организации. Но, как показывает опыт, эти правовые упущения могут быть дополнены с помощью внесения соответствующих поправок в документы, которые регулируют деятельность Комиссии.

Возникают дискуссии относительно регламента о Комиссии, где предлагается дополнить нормой о том, что ВЕАЭС и Межправсовет могут рассмотреть отмену решения Коллегии Комиссии на следующем заседании. В случае если ВЕАЭС и Межправсовет не примут соответствующего решения, оно откладывается на следующие сроки [315, с. 5]. Однозначно, такой порядок дел не будет сказываться положительно на развитии интеграционных процессов.

Также возникает вопрос о полномочиях ВЕАЭС и Межправсовета относительно пересмотра актов. Так, статья 2 Договора о ЕАЭС четко определяет, что решение – это акт, принимаемый органами Союза, содержащий положения нормативно-правового характера. Нормативность правового акта проявляется в возможности его неоднократного применения и, который, направлен на регулирование действий неопределенного круга лиц в соответствии с теорией права.

Из анализа Договора о ЕАЭС следует, что не только решения ЕЭК обладают нормативными свойствами и распространяются на неограниченный круг лиц, но и отдельные акты Комиссии персонального значения и однократного применения.

В сфере конкуренции и при установлении индивидуальных антидемпинговых пошлин ЕЭК принимает не только решения нормативного характера, но и акты персонального плана [315]. Из этого следует, что нарушается баланс между частными и государственными интересами, потому что данное обращение рассматривается не по воле заявителя, а по инициативе государства-участника ЕАЭС. Правовое регулирование без учета принятых международных соглашений может привести к нарушениям в работе межгосударственных институтов и принижает их роль в международной деятельности. На сегодняшний день полномочия Комиссии требуют своего пересмотра не только в сторону ее расширения, но и в сторону повышения ответственности и оперативности в ходе его практической работы [317, с. 1–22].

Можно согласиться с теми мнениями, где предлагается внести изменения в Договор о ЕАЭС, касающиеся названий актов, которые не являются нормативными документами. Это создаст условия их классификации при работе с ними на всех уровнях. Этим актам дать такое название как «постановление», что синхронизируется с законодательством государств-участников [317], и с практикой существующих интеграционных объединений [318].

Процессуальные нормы создают необходимые условия для функционирования Суда. Так, в соответствии со статьей 56 и пунктом 2 статьи 76 Регламента Суда ЕАЭС [320], практика показывает, что одним из ограничений, с которыми сталкивается Суд является безусловное обязательство суда прекратить производство в случае отзыва запроса или отзыва запроса о разъяснении лицом, участвующим в деле. Никто не имеет права препятствовать лицу, участвующему в деле, отказаться от своей просьбы или отозвать просьбу о разъяснении.

Регламент Суда, регулирующий порядок прекращения производства в случае отказа истца от своих показаний соотносится с общей практикой юстиции (nemo judex sine Actore – нет судьи без истца). Уместным является тот факт, когда отклоняется ходатайство об оспаривании акта ненормативного характера, но дело обстоит иначе, когда это касается актов нормативного и правового характера.

Из этого следует, что норма, разработанная в отношении отдельного индивида, автоматически может быть применена ко всем субъектам правоотношений в указанной сфере. В этой ситуации мы считаем, что безоговорочное принятие судом отказа от иска не способствует достижению целей правовой определенности, законности и защиты прав и законных интересов других лиц, а также препятствует выполнению судом своей функции по обеспечению единообразного применения права Союза государствами-членами и органами Союза. Независимо от тех или иных обстоятельств Суд обязан провести собственное расследование на предмет нарушения прав заявителей и общественных интересов в подобных случаях, то есть суд прекращает производство или продолжает на основании законодательства ЕАЭС.

Например, административное законодательство Российской Федерации (статья 213 (10) Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации) имеет свой подход по данному вопросу. В нем говорится, что отказ лица, обратившегося в суд с ходатайством об отказе в удовлетворении

его ходатайства, не является основанием для отказа, не влечет за собой обязанности суда прекратить производство по административному делу об оспаривании нормативного правового акта. В дополнении к этому статья 214 указанного Кодекса отмечает, что юридическое лицо имеет право прекратить административную процедуру, связанную с оспариванием нормативного правового акта, если лицо, обратившееся к юридическому лицу, отказалось от своего требования и никакие общественные интересы не препятствуют принятию этого отказа [321].

При обжаловании решений Комиссии нормативного характера обнаруживаются нарушения общественных интересов. Так, статья 76 Регламента Суда ЕАЭС отмечает, что заявитель по делу имеет право на разъяснение отзыва его ходатайства в любое время до того, как суд примет консультативный запрос, и соответствующего обязательства суда прекратить производство. Возникает противоречивая ситуация, когда отзыв ходатайства заявителем препятствует выполнению Судом задач, возложенных на него законодательством ЕАЭС, хотя Суд имеет возможность установить общественную заинтересованность при вынесении консультативного заключения. Возможно, при таких случаях теряется концептуальный подход единообразного применения права ЕАЭС. Здесь законодатель принял во внимание прежнюю практику Суда ЕврАзЭС, а также доктринальные подходы и опыт Суда Европейского союза, что для соблюдения экономической целесообразности процедуры необходимо установить определенную «точку невозврата», за пределы которой невозможно выйти.

Таким образом, Суд ЕАЭС, который является одним из главных органов ЕАЭС наряду с ВЕАЭС, Межправительственным советом и ЕЭК, играет важную роль в интеграционном процессе. Юридическое сообщество теоретиков и практиков особое внимание уделяет формированию и функционированию Суда ЕАЭС. Институциональная основа и практика Суда ЕАЭС по-прежнему являются предметом дискуссий и критического анализа.

Как отмечалось ранее, Суд ЕАЭС, по сути, отличается от коллегии Суда ЕврАзЭС по субъектам правоотношений и подсудности дел.

Принципиальными отличиями Суда ЕАЭС от Суда ЕврАзЭС являются:

– ЕЭК как регулирующий орган организации не может обращаться в суд по вопросам, касающимся государств-участников, которые нарушили обязательства, предусмотренные правом ЕАЭС;

– жалобы, поступившие от судов государств-участников, рассматриваются без предварительного изучения;

– вместо предварительного запроса была принята процедура уточнения;

– трудовые правоотношения рассматриваются в порядке консультативного заключения.

Указанные нормы определяют пределы компетенции Суда ЕАЭС, но несмотря на это, совершенствование права ЕАЭС осуществляется посредством судебной практики в рамках действующих полномочий Суда. Договор о ЕАЭС – это ключевой документ, создающий равные условия для всех участников интеграционного объединения, на которые ориентируются и государства-участники, и органы Союза при реализации возложенных на них обязанностей. Здесь уместно обратиться к положениям Статута Суда ЕАЭС, определяющим юрисдикцию суда. В соответствии с главой VI Статута суд рассматривает споры, возникающие в результате применения договора, международных договоров внутри союза и решений органов союза, либо государствами-членами союза, либо по просьбе союза. В Статуте Суда ЕАЭС нет ограничений на право государств обжаловать действия другого государства-участника ЕАЭС.

Как показывает статистика Суда ЕАЭС, в своем большинстве рассматриваются дела, касающиеся соответствия актов и действий органов, особенно, Комиссии Договору о ЕАЭС и другим международным договорам.

В качестве заявителей выступают не только представители народного хозяйства, работающие в государствах-участниках ЕАЭС, но и компании из третьих государств (например, публичное акционерное общество «Арселор

Миттал Кривой Рог», Украина). Это наглядное свидетельство доверия к Суду как компетентному органу судебной защиты прав и законных интересов субъектов хозяйствования в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предусмотренной международными договорами. Если практика Суда ЕАЭС постепенно будет обогащаться делами с участием представителей иностранных государств, по итогам которых будут приниматься обоснованные решения, то само собой будут исчезать сомнения относительно работоспособности ключевого органа Союза – Суда ЕАЭС.

Совершенствование законодательства Союза предполагает обогащение судебной практики и постоянный анализ судебной статистики, исключая при этом субъективный подход. Они являются показателем развития нормативно-правовых отношений в ЕАЭС. Исходя из этих обстоятельств надо выверить и сбалансировать оценки и подходы, а также поднимать вопросы расширения полномочий суда и других органов ЕАЭС.

За годы существования организация накопила определенный опыт, которая представляет огромную ценность. Но, как показывает практика, слепое копирование зарубежных правовых институтов не всегда дает нужных результатов, для этого нужно предварительное изучение применимости тех условий, которые могут совпадать с интересами национальных особенностей среди государств-участников ЕАЭС.

По мнению большинства специалистов, консультативная функция Суда ЕАЭС она востребована, и Суд имеет определенный опыт ее эффективного применения. Теперь, если обратим внимание на специфику Суда ЕАЭС как суда интеграционного объединения, то его деятельность направлена на создание условий по унификации законодательства путем обеспечения единообразного применения договоров и международных актов. Суд ЕАЭС, рассматривая споры и вынося консультативные заключения, формирует право ЕАЭС. В таких условиях Суд ЕАЭС как орган международного правосудия должен создавать свою доктрину о приоритетности права ЕАЭС, а также утверждать правовые позиции по вопросам, имеющим принципиальное

значение для практической деятельности, по вопросам предоставления таможенных льгот, антидемпинговых расследований, определения признаков запрещенной продукции, «вертикальных соглашений», методов таможенной классификации и др.

Суд ЕАЭС как судебный орган международной организации получает критические замечания, связанные с его деятельностью. Медлительность, пассивность и формализм в принятии решений – это основные замечания. Чтобы не повторить судьбу прежних международных судебных органов, которые функционировали на пространстве СНГ, Суду ЕАЭС предстоит реагировать на все эти выпады и делать выводы в практическом плане.

Именно в процессе работы Суда ЕАЭС вырабатываются позиции, которые выносятся в форме судебного акта – консультативного заключения. Как раз-таки они дополняют пробелы и разъясняют положения законодательства ЕАЭС. Из этого процесса формируется основная цель Суда: обеспечить единообразное применение государствами-членами и органами Союза Договора о ЕАЭС, международных договоров и решений органов ЕАЭС.

Также вопросы, по которым Суд Союза готовит консультативные заключения, в соответствии с положениями Договора от 29 мая 2014 года, международными договорами в рамках Союза, статутом Суда, в зависимости от характера запросов, всегда являются прерогативой Суда ЕАЭС. В таких обстоятельствах потенциал национальных судов может быть использован как первичный уровень правосудия в ЕАЭС.

Юрисдикция как национальная, так и международная, строго действует только в рамках полномочий, зафиксированных в нормативно-правовых актах. Статут Суда ЕАЭС четко определил и закрепил его юрисдикцию в приложении № 2 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 года. Как и любой судебный орган, Суд прежде всего – это консервативный орган, действующий строго в установленной юрисдикции, и может по своему усмотрению проявлять судебную активность в угоду каким-либо интересам сторон. Мы

наблюдаем, что Суд ЕАЭС на данном этапе своего становления в полной мере выполняет возложенные на него Статутом задачи и функции, то есть выносит решения по спорным вопросам и готовит консультативные заключения, в итоге все это воздействует на развитие законодательства Союза. Иначе говоря, судебная практика оказывает положительное влияние на развитие и совершенствование законодательства Союза. Например, по мнению Л.Оппенгейма и Г.Лаутерпахта, «...решения международных судов не являются прямым источником права при разрешении международных споров. Фактически, они оказывают значительное влияние как беспристрастный и тщательно сбалансированный отчет авторитетных юристов о законе в свете текущих и возникающих перед ними проблем» [322, с. 50].

Судебные решения, другие действия или бездействия однозначно должны быть осуществлены на законных основаниях, не выходить за рамки правового поля. Не допускать отрицательного влияния экономических, политических и психологических тенденций, которые присущи любым правоотношениям. Для успешной деятельности нового судебного органа интеграционного объединения требуются определенное время и наращивание практического опыта работы. Каждое мнение или позиция по совершенствованию деятельности Суда Союза заслуживает внимания и изучения [323].

В целях совершенствования деятельности Суда ЕАЭС отдельными авторами предлагается внести в Приложение 2 к Договору о ЕАЭС «Статут Суда ЕАЭС» положения о том, что государства-участники могут отнести к компетенции суда и иные споры, разрешение которых Судом прямо предусмотрено Договором, например, споры, связанные с рассмотрением экологических проблем, международными договорами в рамках Союза с третьей стороной или иными международными договорами между государствами-членами, которое будет способствовать эффективному рассмотрению экологических споров Судом ЕАЭС в пределах своих полномочий [324, с. 143].

Таким образом, Суд ЕАЭС находится на стадии становления. В то же время мы наблюдаем за тем, что изменяется структура ЕАЭС, также расширяется и международно-договорная база, которая становится все более разносторонней. Начинается работа по унификации законодательства, и одним из первых был принят Таможенный кодекс ЕАЭС, который проходит «обкатку» на пространстве ЕАЭС.

Возвращаясь к правовому регулированию в ЕАЭС, отметим, что преодоление проблемы с исполнением судебных решений возможно несколькими способами. В первую очередь, целесообразным представляется внесение изменений в Статут, предоставляющих Суду самостоятельное полномочие по признанию решений Комиссии или их отдельных положений ничтожными. В случае сохранения действующего подхода, при котором выбор формы и способа исполнения решения осуществляется сторонами спора, на Суд возложена функция по проверке полноты и добросовестности исполнения, а Высшему совету принадлежит право окончательного решения вопроса о приведении судебного акта в исполнение, обоснованным является дополнение Регламента нормами, посвященными порядку разрешения Судом ходатайства о принятии мер по исполнению решения. Полагаем, что в Регламент необходимо включить положения, предусматривающие, что по результатам рассмотрения соответствующего ходатайства выносится постановление о направлении обращения о неисполнении решения Суда в Высший совет, содержащее выводы о полноте и добросовестности исполнения судебного акта.

Суд ЕАЭС станет одним из ключевых органов Союза только при условии того, что как быстро придет понимание важности принимаемых ими решений для евразийской интеграции, которые реализуются в рамках установленных полномочий. Последовательность и сбалансированность расширения юрисдикции Суда будут создавать условия для повышения эффективности международного правосудия в ЕАЭС [325, с. 156]. Суд ЕАЭС должен получить возможность полноценно исполнять функции суда интеграционного

объединения с учетом сложившейся практики и изменений как в законодательстве государств-участников ЕАЭС, так и в праве ЕАЭС.

Заключение по третьей главе

По итогам исследования по данной главе сформулированы следующие **выводы:**

1. Таким образом, основу развития региональной интеграции составляют принципы и нормы, которые являются ядром современного международного права и, прежде всего, международные договоры, обеспечивающие эффективное взаимодействие национальных правовых систем. Проблемы соотношения права ЕАЭС и внутригосударственного права государств-участников Договора о ЕАЭС необходимо рассматривать с исторической точки зрения, так как Кыргызская Республика и другие участники ЕАЭС совместно проходили разные этапы интеграции, вначале как союзные республики, а потом как суверенные участники интеграционных объединений. Принятие и развитие конституций государств-участников ЕАЭС, которые имеют одинаковые подходы в деле признания международных договоров, дали толчок к изучению вопросов соотношения международно-правовых норм и национального законодательства. Государства-участники ЕАЭС постоянно работают над вопросом соотношения права ЕАЭС и национального права путем унификации законодательства и приведения его в единые стандарты, в первую очередь это касается норм, затрагивающих их национальные интересы.

2. Место и роль источников права является принципиальным и в процессе их толкования и применения, необходимо следовать установленной иерархии источников права ЕАЭС, которое предусмотрено Договором о ЕАЭС. Достигнутые договоренности по сближению законодательства государств-участников в контексте Договора о ЕАЭС приводит к унификации законодательства, которое устанавливает сходные условия правового регулирования в различных областях. Государства как основные субъекты

международного права остаются суверенными, а добровольность их участия в деятельности международных интеграционных объединений соотносится с их национальными интересами. Унификация законодательства – это сложный процесс, который происходит на основе толкования и разъяснения права соответствующими органами и, в конечном итоге, принятием совместных межгосударственных решений. Анализ соответствующего законодательства (например, банковское, налоговое) государств-участников ЕАЭС показывает разные подходы и взгляды и возникает необходимость выработки общих подходов, которая способствовала бы нахождению единых подходов нормативно-правового регулирования в той или иной сфере.

3. Суд ЕАЭС как судебный орган нового интеграционного объединения стоит на этапе своего становления и развития. Функционирование Суда ЕАЭС является фактором успешной правовой интеграции в рамках ЕАЭС. Для расширения полномочий Суда ЕАЭС предлагается дополнить *подпункт 1) пункта 39 Статута Суда абзацем следующего характера: «о соответствии решения Высшего Совета и Межправительственного совета или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза».* Это норма позволит методично формировать право ЕАЭС с учетом правовой интеграции и развития государств-участников ЕАЭС. Единообразное применение законодательства в рамках ЕАЭС зависит от Суда ЕАЭС как самостоятельного органа ЕАЭС, так и от судей Суда ЕАЭС, которые персонально принимают решения и отправляют международное правосудие. В процессе деятельности Суда ЕАЭС вырабатывается собственная модель рассмотрения спорных ситуаций сторон, толкования норм и подготовки консультативного заключения на основе международных договоров и актов, принимаемых органами ЕАЭС. Исходя из этого ускорится работа по взаимодействию права ЕАЭС и национального законодательства государств-участников.

ГЛАВА 4. ТЕНДЕНЦИЯ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

4.1. Принятие Таможенного кодекса Евразийского экономического союза как новый этап унификация законодательства государств-участников Евразийского экономического союза

Современные государства характеризуются глубокой интеграцией как на глобальном, так и на региональном уровнях, порождают взаимоотношения на различных направлениях, в том числе в торгово-экономической сфере. Эти отношения регулируются на основе нормативно-правовых актов. С точки зрения международно-правовой науки, их можно подразделить на два блока: внутригосударственные и международно-правовые отношения. Таким образом, с каждым годом усиливается взаимосвязь между государствами, которая формирует международные торгово-экономические отношения.

Исследования в области межгосударственных отношений играют сегодня особенно важную роль. В этой области появляются различные типы организаций в сферах экономики, культуры, обороны и других. Это в полной мере относится к понятию «межгосударственный правовой механизм». Необходимо отметить важность верховенства права в построении нового мирового порядка. Многосторонняя деятельность государства в современном мире требует правового регулирования. Международное право оказывает все большее влияние на национальные правовые системы. Примером этого является членство Кыргызской Республики во Всемирной торговой организации (далее – ВТО), которое требует от государства унификации многих традиционных стандартов в едином правовом источнике. С другой стороны, для эффективного взаимодействия между государствами они

должны интегрироваться в более крупные межгосударственные объединения. В связи с этим М.Н. Марченко подчеркивает «функцию сотрудничества и укрепления связей со странами СНГ» [326, с. 207].

Таким образом, с момента распада СССР и провозглашения Кыргызстана суверенным государством идет процесс выработки национальной внешней и внутренней политики страны. Правовая политика Кыргызской Республики является частью этого процесса и заключается, на наш взгляд, в формировании и совершенствовании правовой системы в соответствии с современными критериями верховенства права и создании эффективного механизма правового регулирования [327].

Международные экономические отношения, в свою очередь, находят свое практическое выражение в международных торговых, валютных, финансовых, инвестиционных и других связях, то есть в перемещении различных видов ресурсов через таможенные границы государств. Для Кыргызской Республики в последние десятилетия актуальными стали вопросы перемещения товаров через таможенные границы соседних стран. Представители бизнеса постоянно сталкиваются с неудобствами, связанными с логистикой. Одним из путей выхода из этой ситуации стало полноправное участие в деятельности ЕАЭС, и на этой основе был запущен процесс унификации законодательства Кыргызской Республики, в частности таможенного законодательства, которое создает общие условия для государств-участников.

Таможня играет ключевую роль в развитии международных экономических отношений. Действительно, именно этот орган способствует быстрому перемещению товаров, рабочей силы или, наоборот, создает препятствия на таможенной границе государств-членов интеграционных объединений.

Как признают эксперты, несмотря на более чем 30-летнее существование новых независимых государств, институциональный потенциал по-прежнему недостаточен, эффективность и администрирование процедур не соответствуют требованиям в пунктах пропуска, расположенных на участке

внешней границы ЕАЭС, который принадлежит Кыргызской Республике, что не обеспечивает качественную работу по вопросам экономической безопасности.

Принимая во внимание недостатки и принятую стратегию развития таможенной службы Кыргызской Республики на 2011–2013 годы [328], в рамках которой были реализованы реформы и меры по модернизации, эффективность работы таможенных органов в пунктах пропуска недостаточно гарантирована.

Существующие административные барьеры, сложность, множественность мер контроля и несвязанность оперативных процессов органов государственного контроля в пунктах пересечения границы не позволяют эффективно использовать имеющееся техническое оборудование и возможности инфраструктуры, что усложняет процедуры внешней торговли.

Уже в новой Концепции развития таможенной службы Кыргызской Республики на 2022–2024 годы [329] были разработаны новые подходы в таможенной сфере, которая обусловлена с учетом стратегических направлений реализации актуальной повестки ЕАЭС до 2025 года, утвержденной решением ВЕАЭС от 11 декабря 2020 года № 12 [330].

В указанной концепции были учтены положения, которые содержатся в Международной конвенции о гармонизации и упрощении таможенных процедур (Киотская конвенция), а также инструментарии, разработанные и внедренные на площадке Всемирной таможенной организации (далее – ВТамО) для международного таможенного регулирования.

Таможенный кодекс ЕАЭС стал первым документом, который направлен на унификацию законодательства по преодолению препятствий и барьеров торгово-экономических связей между государствами-участниками ЕАЭС. Так, статья 1 ТК ЕАЭС определяет, что в ЕАЭС осуществляется единое таможенное регулирование, включающее в себя установление порядка и условий перемещения товаров через таможенную границу Союза, их нахождения и использования на таможенной территории Союза или за ее

пределами, порядка совершения таможенных операций, связанных с прибытием товаров на таможенную территорию Союза, их убытием с таможенной территории Союза, временным хранением товаров, их таможенным декларированием и выпуском иных таможенных операций, порядка уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин и проведения таможенного контроля, а также регламентацию властных отношений между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и распоряжения товарами на таможенной территории ЕАЭС или за ее пределами. Другими словами, таможенные правоотношения в ЕАЭС осуществляются не эпизодично, а основательно, с учетом специфики этой отрасли.

Таможенный кодекс входит в право ЕАЭС, и оно регулирует таможенные правоотношения в соответствии с международными договорами, действующими в этой сфере, в том числе Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Правоотношения, которые возникают в разных сферах государственной деятельности требуют выработки определенных принципов, например, в данной области это принципы равноправия лиц при перемещении товаров через таможенную границу Союза, четкости, ясности и последовательности совершения таможенных операций, гласности в разработке и применении международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и их унификации и гармонизации с нормами международного права, а также на применении современных методов таможенного контроля и максимальном использовании информационных технологий в деятельности таможенных органов.

Для плавного перехода регулирования взаимоотношений в новом объединении было принята оговорка о том, что неурегулированные международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования взаимоотношениями государств-участников ЕАЭС, до урегулирования соответствующих правоотношений такими международными договорами и

актами регулируются законодательством государств-участников ЕАЭС о таможенном регулировании.

Таким образом, Таможенный кодекс ЕАЭС состоит из 9 разделов, которые включают в себя 465 статей, а также 2 приложения. Таможенный кодекс ЕАЭС заменил принятый в 2009 году Таможенный кодекс Таможенного союза, в который на момент подписания входили Россия, Казахстан и Белоруссия. Для сравнения надо отметить, что основными недостатками предыдущего ТК ТС было то, что, во-первых, большинство полномочий таможенных органов передавалось на национальный уровень, а это порождало различия в проведении таможенных процедур и механизмах взимания платежей; а во-вторых, кроме самого ТК ТС в рамках ЕАЭС действовали более 20 международных соглашений, положения которых иногда содержали в себе ряд противоречий. Поэтому разработка нового кодекса и его подписание должны решить назревшие проблемы и упростить таможенные процедуры на территории ЕАЭС. Как и любой документ, Таможенный кодекс ЕАЭС в дальнейшем должен стать платформой, который будет изменяться с учетом предложений и дополнений со стороны его участников. Постепенно, таможенные органы должны организовать свою работу на основе прозрачности и подотчетности перед общественностью. В этом направлении предлагается, привлекать к этой работе ученых и экспертов для разработки научно-обоснованных решений.

Единообразие правоприменительной деятельности имеет важное значение, для установления стабильного и гармоничного управления торгово-экономическими процессами.

Таможенные органы ЕАЭС как субъекты правовых отношений оказывают друг другу административную поддержку. Различается понятия «обязательства стороны» и «права стороны» при рассмотрении процесса правовой реализации механизма взаимной административной помощи между таможенными органами государств-членов ЕАЭС. Взаимная ответственность участников отношений предполагает определенные взыскания в отношении

нарушителей. Диспозитивность норм в таможенной сфере не способствует повышению ответственности сторон. Так, наступает необходимость внедрения обязательных норм для повышения исполнительской дисциплины сторон.

В принципе существуют нормы, которые являются нормативными и обязательными для исполнения. Статья 122 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС) определяет, что «таможенная проверка проводится таможенными органами в целях проверки соблюдения лицами требований, установленных таможенным законодательством Таможенного союза и законодательством государств-членов Таможенного союза. Таможенная проверка проводится таможенным органом государства-члена Таможенного союза в отношении проверяемых лиц, созданных и зарегистрированных в соответствии с законодательством этого государства-члена таможенного союза» [331]. Исходя из этого, таможенные органы государств-членов ЕАЭС иерархически не зависят друг от друга. В их действиях остается независимость и самостоятельность в принятии тех или иных решений.

Таможенные органы государств-участников ЕАЭС при взаимной переписке и получении директивных документов не берут на себя обязательства его исполнить. Исходя из этого, исполнение распоряжения следует отнести, скорее, к праву ответившей стороны, но праву, имеющему четкую регламентацию реализации, предусмотренную «Соглашением об административной помощи и взаимном сотрудничестве таможенных органов государств-членов Таможенного союза» от 21 мая 2010 г., который вступил в силу 12 августа 2015 г. Соглашение дает возможность не следовать инструкциям, которые включены в запрос направляющей стороны. В соответствии со статьей 8 Соглашения, отказ в предоставлении информации по запросу возможен только в следующих случаях:

1) приложение не соответствует требованиям, указанным в пункте 6 соглашения;

2) запрашивающий таможенный орган не предоставил требуемую информацию в течение двух месяцев с даты направления запрашивающему таможенному органу запроса о предоставлении дополнительной информации, необходимой для исполнения запроса;

3) исполнение запроса может нанести ущерб национальному суверенитету или безопасности, противоречить законодательству государства-члена Таможенного союза или международным соглашениям государства-члена Таможенного союза с таможенным органом, в который был направлен запрос;

4) запрос объективно не может быть удовлетворен по причинам, не зависящим от запрашиваемого таможенного органа;

5) запрашиваемый таможенный орган не считает основания, указанные в запросе в соответствии с пунктом 2 статьи 5 Соглашения, достаточными для удовлетворения запроса.

Из этого следует, что перечень оснований для отказа дает понять, что запросы не остаются без удовлетворения. Практически отказ не осуществляется, если отсутствуют конкретные факты и основания, а также указанные причины отказа не совпадают с списком указанном в Соглашении. Сторона, которая отвечает на запрос в полной мере должна следовать нормам Соглашения и ответить в той форме, которое установлено в Соглашении [332].

Единый подход к вопросу взаимного признания и равной юридической силы решений, принимаемых таможенными органами государств-членов ЕАЭС на таможенной территории ЕАЭС, важен для применения взаимной административной поддержки между таможенными органами государств-членов ЕАЭС.

Взаимное признание и равенство правовых последствий решений, принимаемых таможенными органами государств-участников ЕАЭС на таможенной территории ЕАЭС, определяет, что:

а) территория государств-участников ЕАЭС – это единая таможенная территория;

б) таможенные органы работают территории государств-участников ЕАЭС;

в) таможенные органы принимают решения и могут действовать на территории каждого из государств-участников ЕАЭС на законной основе.

Статья 125 ТК ТС устанавливает условия, при которых решения таможенных органов взаимно признаются и имеют одинаковую юридическую силу на таможенной территории Таможенного союза. Эти решения включают решения, принятые в ходе таможенных операций в отношении следующих товаров:

– ввезенные на таможенную территорию Таможенного союза или вывезенные с этой территории;

– под таможенным контролем;

– перемещаемые через таможенную территорию Таможенного союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита;

– временно сохраненный;

– а также при прохождении таможенного контроля.

Взаимное признание этих решений допускается в случаях, определенных таможенным законодательством Таможенного союза.

Судебная практика в ЕАЭС имеет прецедент, где в одном из его решений указывается на то, что таможенное регулирование относится к сфере единой политики в соответствии со статьей 32 Договора о ЕАЭС, что в области таможенного регулирования для всех государств-членов Союза, где действуют одинаковые правила, установленные на межгосударственном уровне, отклонение от которых, в том числе со ссылкой на нормы национального права, недопустимо [333]. Свобода движения товаров и функционирования единого внутреннего рынка, является главной целью установленных правил в Договоре, и оно обеспечивается в ЕАЭС особыми механизмами, которые предполагают соблюдение принципа взаимного доверия во взаимодействиях таможенных органов государств-членов. Единое таможенное регулирование осуществляется в Союзе на основе определенных стандартов (статья 25

Договора), которое отражено в подпунктах 1) и 5) пункта 1 статьи 25 Договора, где отмечается, что в рамках Таможенного союза государств-членов функционирует внутренний рынок товаров и осуществляется свободное перемещение товаров между территориями государств-членов. Закрепленное в статье 125 ТК ТС взаимное признание актов – это процессуальное правило, обеспечивающее действие материально-правовой нормы о свободе движения товаров применительно к государствам-членам Таможенного союза.

Принцип взаимного признания решений позволяет осуществлять свободное движение товаров в рамках ЕАЭС, что ведет к достижению цели функционирования единого внутреннего рынка Союза. Под понятие решения, которое должно признаваться органами власти другого государства, подпадает оформляющее определенную таможенную процедуру разрешение, правомерно выданное органами власти в рамках своей компетенции, имеющее определенную документальную форму. В свою очередь, распространение законной силы административного акта на территорию другого государства означает экстерриториальное действие решений органов власти на основе принципа признания решений. В соответствии с этим принципом решения административных органов должны применяться без изменений, недопустимо принимать новые обязательные решения в государстве назначения товара, если товар был легализован в другом государстве. Считается количественным ограничениям в торговле товарами в Таможенном союзе, если непризнание акта органов одного из государств-членов Союза, и оно приравнивается как необоснованное. Аналогичные меры применяется и в практике других таможенных союзов, например, в Европейском союзе: запрещаются любые национальные меры, способные прямо или косвенно, фактически или потенциально воспрепятствовать торговле товарами, законно произведенными в любом из государств-членов ЕС.

В соответствии со статьей 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов Таможенного союза [334],

решения таможенных органов взаимно признаются и имеют одинаковую юридическую силу на таможенной территории Таможенного союза:

1) принятые в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза при совершении таможенных операций в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза или вывозимых за ее пределы, находящихся под таможенным контролем, перемещаемых через таможенную территорию Таможенного союза в рамках таможенной процедуры таможенного транзита, временно хранящихся;

2) принятые в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза при проведении таможенного контроля.

Взаимная административная помощь между таможенными органами государств-членов ЕАЭС и административное сотрудничество – это схожие категории, но это не одно и то же. Разделяющей чертой между ними выступают частные и общественные интересы, которые четко проявляются в правоприменительной практике. В частности, положения статьи 125 ТК ТС применяются только к решениям, принимаемым таможенными органами государств-членов ЕЭП в рамках взаимной административной помощи. Взаимная административная помощь и другие действия, связанные с сотрудничеством между таможенными органами государств-членов Таможенного союза, подпадают под более широкое понятие «административное сотрудничество».

Статья 125 Таможенного кодекса ТС «Взаимное признание решений, принятых таможенными органами» включена в главу 17 ТК ТС «Взаимная административная помощь таможенных органов». Глава 17 ТК ТС регулирует как правовой инструмент единообразные общественные отношения с конкретным объектом правового регулирования, а именно взаимную административную помощь.

Административная помощь регулируется исключительно статьей 125 ТК ТС, которое, непосредственно связана с его оказанием.

Важно отметить, что в соответствии со статьей 68 Договора государства-участники должны оказывать друг другу помощь в обеспечении эффективного сотрудничества между компетентными органами по различным вопросам. Для обеспечения эффективности сотрудничества, в том числе для обмена информацией, компетентные органы государств-членов заключают соглашения. Административные барьеры и бюрократические проволочки устраняются между таможенными органами государств-участников ЕАЭС и создаются все предпосылки для плодотворного сотрудничества при условии выполнения вышеуказанной нормы.

Как видно из самой нормы, административное сотрудничество предполагает взаимный обмен информацией между заинтересованными сторонами, создаются механизмы для предотвращения нарушений со стороны участников.

Целью административного сотрудничества является создание практической системы защиты прав получателей услуг из одного государства-члена, когда эти услуги предоставляются поставщиком из другого государства-члена; соблюдение налоговых и других обязательств поставщиками и получателями услуг; устранение недобросовестной коммерческой практики; гарантирование достоверности статистических данных об объеме услуг, предоставляемых государствами-членами.

Таким образом, в настоящее время договорно-правовая база Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также Таможенный кодекс Таможенного союза включают в себя 30 международных договоров, 9 из которых уже утратили свою актуальность и были отменены по состоянию на 1 января 2015 года. Нормы 16 международных договоров были пересмотрены и включены в новый проект кодекса в измененном виде. Только международные договоры, которые затрагивают таможенные вопросы, но непосредственно не регулируют таможенные правоотношения, теперь останутся отдельными международными договорами. Несколько документов такого типа уже были опубликованы. К ним относятся соглашения, касающиеся работы единого

совета таможенных служб государств-членов Таможенного союза, деятельности таможенных представительств; соглашения, определяющие особенности привлечения физических лиц к административной и уголовной ответственности, а также оказания правовой помощи и сотрудничества между таможенными органами государств-членов Таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях [335].

На основе длительного периода взаимодействия в таможенной сфере, а также с изменениями в законодательстве Кыргызской Республики и других государств-членов Союза было принято решение унифицировать существующий нормативный правовой акт – Таможенный кодекс Союза, регулирующий отношения, связанные с перемещением товаров через границу Таможенного союза, – и разработать совершенно новый кодекс, который направлен на упрощение таможенного оборота, улучшение его условий и создание благоприятной единой таможенной территории.

Подготовка к созданию нового таможенного кодекса была, в первую очередь, связана с подписанием Договора о ЕАЭС [336], в котором говорится, что таможенное регулирование в Союзе осуществляется «в соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС и, до его вступления в силу, в соответствии с Таможенным кодексом Российской Федерации, международных договоров Таможенного союза и других, регулирующих правоотношения в области таможенного дела». ЕЭК работала над подготовкой проекта единого Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, отвечающего всем стандартам и требованиям в области таможенного взаимодействия [337].

При разработке нового Таможенного кодекса перед специалистами стояла важная задача: сократить количество справочных стандартов. Большинство этих ссылок связано с тем фактом, что другие отрасли законодательства государств-учредителей Таможенного союза – Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации (налоговое, валютное, административное, банковское, законодательство об электронных документах) – не унифицированы, и их стандарты важно соблюдать при таможенном

регулировании. После введения Таможенного кодекса ЕАЭС все государства начали приводить свое национальное таможенное законодательство в соответствие с новым унифицированным таможенным законодательством ЕАЭС.

Для модернизации таможенного законодательства эксперты ЕЭК изучали лучшие практики таможенного администрирования и правоприменения, международный опыт, а также стандарты организации таможенного дела, разработанные ВТО, Азиатско-Тихоокеанским сообществом, а также другими международными организациями и интеграционными объединениями.

Разработка проекта Таможенного кодекса ЕАЭС заняла определенное время и в него были включены передовые инструменты таможенного регулирования, такие как, например, постаудит – таможня, система управления рисками, институт уполномоченных экономических операторов, «единое окно», предварительная информация и другие. Все они служат формированию единого таможенного пространства с едиными нормами и правилами.

Надо отметить, что параллельно с принятием Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11 апреля 2017 года (далее – ТК ЕАЭС) [338] прекратили действовать Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года, а также ряд международных соглашений, регулировавших таможенные правоотношения и заключенных на этапе Таможенного союза (Приложение 2 и Приложение 3 к Договору о ТК ЕАЭС). Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС вступил в силу с 1 января 2018 года.

Таким образом, с момента принятия ТК ЕАЭС происходит ревизия прежних соглашений в таможенной сфере, и остались несколько международных соглашений как отдельные международные договора, которые касаются таможенных вопросов, но непосредственно не регулируют таможенные правоотношения. Эти соглашения касаются работы объединенного комитета таможенных служб, деятельности представительств таможенных служб и особенностей привлечения физических лиц к

административной и уголовной ответственности. При подготовке проекта Таможенного кодекса ЕАЭС также были учтены результаты процесса согласования проектов шести международных договоров, будь то договоры с независимым объектом регулирования или договоры, вносящие изменения в действующий Таможенный кодекс и другие международные договоры, регулирующие правоотношения в области таможенного дела.

Например, Закон Кыргызской Республики «О таможенном регулировании» от 24 апреля 2019 года № 52 [339] основан на Конституции Кыргызской Республики и регулирует таможенные правоотношения, не урегулированные Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, международными договорами и актами в области таможенного регулирования, а также таможенные правоотношения регулируются ТК ЕАЭС в соответствии с законодательством Кыргызской Республики.

Кроме того, в соответствии со статьей 1 ТК ЕАЭС, в Евразийском экономическом союзе будут действовать «единые таможенные правила, включая установление порядка и условий перемещения товаров через таможенную границу Союза, их нахождения и использования на таможенной территории или за ее пределами Союза, порядок совершения таможенных операций, связанных с прибытием товаров на таможенную территорию Союза, их вывозом с таможенной территории Союза, временным хранением товаров, их таможенная декларация и их таможенные пошлины...» [340].

Таможенное регулирование в Союзе стало применяться в соответствии с международными договорами, регулирующими таможенные правоотношения, которые составляют право Союза, а также Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Так, в самом ТК ЕАЭС указано, что в случае возникновения противоречий между ТК ЕАЭС и другими международными договорами, регулирующими таможенные правоотношения, которые составляют право Союза, таможенные правоотношения, которые не регулируются международными договорами и актами в области таможенного

регулирования, регулируются законодательством государства-участника Союза в области таможенного регулирования (пункт 5, статьи 1 ТК ЕАЭС).

Таким образом, сформировалась система источников таможенного регулирования в ЕАЭС, которая имеет следующую структуру: международно-правовые акты, межгосударственные акты и национальные нормативные акты. Механизм нормативно-правового регулирования таможенных отношений включает в себя две взаимозависимые и подчиненные подсистемы: таможенное законодательство Таможенного союза и национальное законодательство по таможенному делу государств-членов. Таможенное законодательство Таможенного союза имеет приоритетную юридическую силу по сравнению с национальным законодательством в области таможенного дела и применяется на всей единой таможенной территории Таможенного союза.

Кроме того, представлены международные договоры стран-участниц ЕАЭС, регулирующие таможенные отношения в рамках этого Союза. К данной категории относятся международные договоры, регулирующие порядок перемещения товаров через таможенные границы Союза; сторонами этих договоров являются государства-участники ЕАЭС [341, с. 23].

По мнению ряда авторов, международные договоры, являющиеся актами таможенного законодательства, можно разделить на следующие подгруппы. В первую подгруппу входят международные договоры, действующие в рамках Евразийского экономического сообщества (далее ЕврАзЭС) и принятые до образования Таможенного союза. Вторая подгруппа состоит из международных договоров, принятых после создания Таможенного союза и направленных на завершение формирования его правовой базы. Третий уровень системы актов, регулирующих отношения в рамках ЕАЭС, состоит из нормативных правовых актов, принятых исполнительным органом ЕАЭС – Евразийской экономической комиссией. Данные нормативные правовые акты унификационного регулятора регулируют таможенные отношения в Евразийском экономическом союзе и приняты в полном соответствии с

нормативными правовыми актами, составляющими две предыдущие части таможенного законодательства Союза. Все решения Евразийской экономической комиссии в обязательном порядке публикуются на официальном сайте ЕЭК в режиме онлайн. В пределах своих полномочий ЕЭК принимает решения, обязательные для исполнения государствами-членами ЕАЭС, и рекомендации, не имеющие обязательной силы.

Нормативные правовые акты таможенного законодательства ЕАЭС также могут быть отнесены к актам национального уровня регулирования, который включает в себя национальное законодательство по таможенному делу стран-участниц ЕАЭС. Национальный закон о таможенном регулировании государства-участника ЕАЭС должен соответствовать таможенному законодательству Евразийского экономического союза, и оно не может самостоятельно применять таможенные правила. Это вытекает из таможенного законодательства ЕАЭС и не может ему противоречить. Вопросы таможенного регулирования, подпадающие под действие национального законодательства, делегируются законодательным органам государства-члена непосредственно через ТК ЕАЭС.

Для дальнейшей работы по совершенствованию таможенного законодательства органы ЕАЭС и государства-участники начали разрабатывать документы концептуального характера с учетом сложившихся реалий. Стратегические направления развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года (далее – Стратегия 2025) были утверждены Решением ВЕАЭС от 11 декабря 2020 года № 12, и оно стало ключевым документом стратегического планирования ЕАЭС на ближайшую перспективу [342].

Так, главы государств-участников ЕАЭС принимая во внимание четкое исполнение Договора о ЕАЭС и Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза от 6 декабря 2018 года всеми сторонами приняли вышеуказанное решение [343]. В обосновании принятого решения было отмечено, что ЕАЭС имеет огромный интеграционный потенциал как для государств-участников, так и для третьих

сторон, оно становится частью мировой экономики, которому предстоит последовательная работа по совершенствованию его институтов.

Значение Стратегии – 2025 заключается в том, что оно включает в себя условия для развития экономик государств-участников на основе программ и проектов, разработанных совместными усилиями.

Цели, указанные в Стратегии, могут быть достигнуты следующими мерами:

– взаимной поддержкой по нормативно-правовому регулированию макроэкономической деятельности;

– совместной работой по выработке норм инвестиционного, научно-технического и производственного потенциала ЕАЭС;

– разработкой общепринятых правовых норм (унифицированных) по импорту и экспорту товаров в рамках ЕАЭС.

ЕАЭС как экономический союз нового формата представляет огромный интерес на постсоветском пространстве, не только для государств-участников, но и для государств, которые представляют весь евразийский регион [344, с. 340]. Как новый субъект международно-правовых и международных экономических отношений ЕАЭС ищет свое место в этой системе, и для упрочнения его положения необходимо им предложить новые формы взаимоотношений, особенно правового регулирования и унификации законодательства государств-участников.

В дискуссиях о таможенном регулировании в рамках ЕАЭС отмечается отсутствие координации в разработке таможенно-тарифной политики государств-членов ЕАЭС с момента его создания. Продвижение интеграционных процессов осуществляется через механизм создания унифицированных таможенных правил при условии его «позитивной интеграции», когда будут учитываться интересы государств-членов ЕАЭС [345, с. 4].

Главными трудностями в осуществлении торговой политики в государствах-участниках ЕАЭС являются барьеры в таможенной сфере, но

также появились новые препятствия в свободной торговли внутри ЕАЭС в нынешних условиях, и это технические требования в разных отраслях экономики (санитарные, ветеринарные и т.д.) [346, с. 29]. Появление технических стандартов – это вынужденная мера, которая будет постоянно присутствовать в интеграционных объединениях, и она проявляется в управленческой деятельности государств-участников для защиты национального рынка товаров [347, с. 10].

В ходе деятельности Совета глав государств-участников ЕАЭС было отмечено, что отдельные вопросы концептуального характера относительно функционирования ЕАЭС остаются нереализованными, вследствие этого требуется ускорить процессы развития институтов ЕАЭС. В связи с этим, например, 6 декабря 2018 году была принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, которая определила ключевые направления дальнейшего развития интеграционных процессов ЕАЭС, включая «раскрытие потенциала интеграции для людей, повышение их благосостояния и качества жизни» [348].

Поставленные задачи в Стратегии 2025 направлены на долгосрочную перспективу, на то, чтобы сделать ЕАЭС привлекательным объединением по всем аспектам взаимодействия, а также открыть возможности для вступления новых членов, таких как, например, Республика Узбекистан и Республика Куба, которые в настоящее время являются наблюдателями в ЕАЭС.

Например, Президент Кыргызской Республики, выступая по случаю председательства Кыргызской Республики в органах ЕАЭС в 2022 году отмечал об актуальности задач, поставленных в Стратегии 2025 которые, могут быть реализованы на основе тесного взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами ЕАЭС.

В этом отношении Кыргызская Республика имеет ясную позицию, и она направлена на то, чтобы всемерно укреплять и углублять сотрудничество между всеми государствами-участниками ЕАЭС [349].

Стратегия 2025 как промежуточный документ подводит итоги пройденного этапа и ставит задачи на основе полученного опыта. Предлагаемые меры и механизмы позволят совместными усилиями преодолеть возникшие трудности в формировании единого экономического пространства. В нем обозначена задача расширения направлений взаимовыгодного сотрудничества, укрепления международной правосубъектности ЕАЭС и его место в международном пространстве, а также определение системы ответственности государств-участников ЕАЭС и должностных лиц ЕЭК в отношении соблюдения законодательства ЕАЭС и исполнения актов органов ЕАЭС.

Торгово-экономические барьеры возникают тогда, когда представители уполномоченных органов недостаточно владеют информацией и данными при осуществлении ими таможенного контроля, и не должным образом исполняют принятые в рамках ЕАЭС нормативно-правовые акты, которые создают возможность единообразного их применения.

К сожалению, полностью устранить торгово-экономические барьеры практически невозможно, но государства-участники ЕАЭС с полным пониманием «духа закона» должны стремиться к достижению условий, приближенных к тому, что будет обеспечено эффективное и единообразное таможенное регулирование на внешнем контуре Таможенного союза – и это не технический вопрос, а одно из важнейших условий интеграции.

Данная проблема отмечалось не раз представителями государств-участников ЕАЭС. Так, в одном из выступлений Президент Республики Казахстан в Мажилисе (Парламент) подтвердил существование проблемы в таможенных правоотношениях в ЕАЭС, и отметил, что «значительный потенциал для увеличения поступлений в бюджет заключается в наведении порядка на таможне, особенно на границе с Китаем. Беспорядок там хорошо известен. Автомобили не досматриваются, налоги и пошлины не уплачиваются. Разница в зеркальной статистике с КНР достигает несколько миллардов долларов США» [350].

С таким мнением соглашаются многие, и оно проявляется в ходе осуществления недобросовестного таможенного контроля, когда происходит огромная разница в торговых отношениях в государства-участниках ЕАЭС. Подобные явления в разных сферах экономического сотрудничества сводят на нет усилия, направленные на укрепление интеграционного объединения. Из этого следует, что роль таможенных органов в создании общего рынка государств-участников неоценимая, их деятельность направлена не только на защиту национальных интересов, но и на достижения целей и задач ЕАЭС.

В аналитических документах ЕЭК приводятся выводы по устранению барьеров и максимального сокращения изъятий и ограничений на свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы на внутреннем рынке ЕАЭС, эффективности функционирования товарных рынков, а также совершенствование таможенного регулирования в рамках ЕАЭС.

Принципиальным стало одобрение Высшим экономическим советом ЕАЭС Соглашения о применении в ЕАЭС навигационных пломб для отслеживания перевозок, подписанного 19 апреля 2022 года [351], которое имело долгую историю разработки. Как ожидается, воплощение этого соглашения в жизнь окажет принципиальное влияние на «отбеливание» рынков и выравнивание условий внешней и взаимной торговли в ЕАЭС.

Соглашение направлено на минимизацию мер государственного контроля при перевозках товаров (как при транзите, так и в рамках взаимной торговли) и обеспечение их законного оборота [352].

Также Соглашением определен порядок применения навигационных пломб, и он применяется в случаях, когда отслеживаются транспорт, товары, сами участники перевозки грузов и товаров (национальные операторы, контролирующие органы).

Отслеживание с использованием навигационных пломб будет применяться в отношении товаров, перемещаемых автомобильным и железнодорожным транспортом в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, а также в отношении санкционных товаров,

алкогольной продукции, табака и табачных изделий, перевозимых в рамках взаимной торговли. В будущем, в случае необходимости и при наличии инициативы государств-членов, предусмотрена возможность применения отслеживания в отношении иных товаров, которые будут определены Евразийской экономической комиссией.

Указанное Соглашение допускает внесение изменений в перечень товаров, которые не будут отслеживаться, например, к ним относятся животные, сыпучие грузы и другие.

Также было предусмотрено заключение национальными операторами отдельного соглашения, в котором будет предусмотрено урегулирование взаимоотношений между ними.

Участники объединения договорились об особенностях применения гарантии исполнения обязательства по уплате таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых и компенсационных сборов при перевозке (отгрузке) товаров в таможенном режиме таможенного транзита. Данные договореннности были заключены в соответствии с пунктом 3.1.8 Стратегии – 2025 и направлены на развитие единой системы транзита товаров в ЕАЭС.

Унификация таможенного законодательства требует постоянного согласования между участниками таможенного союза общих условий и стандартов, которое происходит в ходе деятельности общесоюзных органов. Так, принято решение коллегии ЕЭК от 9 ноября 2021 года № 145 в соответствии с пунктом 3.1.2 Стратегии – 2025, где были утверждены типовые требования к обустройству и техническому оснащению элементов таможенной инфраструктуры, расположенных в местах перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, системой радиационного контроля [353].

К технической документации и техническим условиям для возводимых объектов предъявляются жесткие требования (здания, сооружения, помещения, открытые пространства), оснащенных техническими средствами таможенного контроля, инженерными, информационными, телекоммуникационными и вспомогательными средствами (элементами

таможенной инфраструктуры), расположенных в местах перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС и система радиационного контроля [354].

Также с момента принятия ТК ЕАЭС не останавливается работа по его совершенствованию, с учетом всех обстоятельств, которые складываются вокруг этого документа. В этом деле активную позицию занимает ЕЭК, которая, по сути, должна в оперативном режиме проводить обсуждение поправок в ТК ЕАЭС.

Как и принято, при ЕЭК действует рабочая группа по совершенствованию таможенного регулирования, которая анализирует и обобщает предложения, поступающие от государств-участников ЕАЭС. По последним данным только за 2022 год поступило более 300 предложений. Таможенный кодекс ЕАЭС как жизненно важный документ требует постоянного ухода и работы по внесению изменений и дополнений к нему должны вноситься поэтапно, с учетом мнения разных сторон.

Болезненно сказываются на таможенном администрировании действия, когда в оперативном порядке вносятся поправки в Таможенный кодекс ЕАЭС. Примером может служить интернет-торговля товарами, по которой государства-участники пока не выработали единые правила, и это создает условия для искажения данных в торговых отношениях, которое приводит к потерям поступлений в бюджет государств-участников ЕАЭС.

Другой ключевой задачей в этой области является обеспечение единого стандарта таможенных операций, таможенного контроля, обмена информацией, унификации и внедрения систем управления рисками в ЕАЭС – пункт 3.2 Стратегии – 2025.

Постановление Совета ЕЭК от 2 декабря 2021 года № 23 «О плане мероприятий («дорожной карте»), направленных на создание условий для обеспечения свободного перемещения товаров ЕАЭС с территории государства-участника ЕАЭС, не имеющего общей границы с государством-членом, в территорию другого государства-члена, проходящая через

территории государств, не являющихся членами Евразийского экономического союза.

При рассмотрении этого пункта государства-участники и ЕЭК не смогли согласовать конкретную формулировку, которая раскрывала бы содержание стандарта, и за последние годы не удалось внести ясность в этот вопрос.

Также не решенной, на наш взгляд, остается задача по определению нормы и показателей таможенного администрирования (таможенных операций и таможенного контроля), которые могли бы объективно характеризовать ситуацию в странах-участниках, что не позволяет реализовать на практике работу по выравниванию условий внешней и взаимной торговли в странах ЕАЭС.

Так, при проведении таможенного контроля таможенные органы, независимо от гражданства, должны соблюдать стандарты в ЕАЭС и следовать единому комплексу мер и регулировать свою деятельность в соответствии с системой управления рисками, чтобы обеспечить равную «контрольную нагрузку» при досмотре партий товаров с одинаковым уровнем риска. Данная мера создает благоприятные условия участникам внешнеэкономической деятельности, которые добросовестно выполняют перевозку товаров на основе достоверных деклараций, а также снижает им лишние временные и финансовые затраты. Перемещение товаров будет происходить прозрачно и гарантировано.

Стандарты, принятые в ЕАЭС, а также действующие в международном сообществе торговые правила имеют свою систему общепринятых показателей. К ним относятся:

– сроки выполнения таможенных операций в контрольно-пропускных пунктах;

– автоматизация условий помещении товаров под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления и экспорта;

– объемы отгрузки товаров, подлежащих государственному контролю;

– финансовые затраты при пересечении таможенной границы;

– бюрократические издержки (таможенная декларация, накладные и др.);

– ошибки таможенного контроля при составлении таможенных документов и другие.

Упрощение и ускорение таможенных процедур, которые должны быть реализованы без нарушения таможенного законодательства, с одной стороны, и с другой – эффективное и результативное выявление и пресечение правонарушений осуществляется с помощью единых стандартов в таможенной сфере, которые решают вопросы, возникающие в процессе таможенного администрирования.

Эффективность таможенного администрирования в ЕАЭС постепенно совершенствуется, и оно направлено на улучшение показателей, которые характеризуют достижения определенных стандартов в процессе таможенного администрирования.

Таким образом, специалисты предполагают, что, основываясь на целевых рекомендациях ВТамО, ключевые показатели для оценки эффективности и качества таможенного администрирования следует сгруппировать по следующим направлениям:

1) оказание содействия законной и справедливой международной торговле путем упрощения и унификации таможенных процедур;

2) обеспечение прозрачности таможенной процедуры и предсказуемости действий таможенных органов;

3) защита интересов, связанных с национальной безопасностью (торговля оружием, наркоторговля, контрабанды диких животных и растений и др.);

4) повышение уровня работы таможенных органов государств-участников ЕАЭС.

Современные подходы таможенного администрирования основываются на принципе оптимального упрощения и ускорения таможенных операций для сторон внешнеэкономической деятельности, которые соблюдают все таможенные требования и правила, определяющие импорт-экспорт товаров. В

то же время усиливается жесткий контроль за недобросовестными участниками торгового оборота.

Одно из решений данного вопроса заключается в том, что надо создавать механизмы налогового и таможенного администрирования на единой основе, применении инновационных технологий и передовых решений, например, путем создания «единого окна», цифровизации и другие.

Кроме того, практика применения механизма «единого окна» очень эффективна для ускорения процессов таможенного оформления и создания комфортных условий для взаимодействия государства и бизнеса [355, с. 7].

По мнению специалистов, повышению эффективности работы таможенных органов способствует цифровизация процессов управления и таможенного администрирования. Так, с 2018 года в структуре таможенных органов государств-участников появилось 16 центров удаленного декларирования и 8 электронных таможен, что, как ожидается, в перспективе приведет к полному переходу на электронное декларирование [356, с. 252]. Надо отметить, что многие из отмеченных преимуществ в этой области еще не проявились должным образом.

Для решения вопросов в таможенной сфере и для практической реализации Стратегии – 2025 в направлении совершенствования таможенного администрирования был создан специализированный орган – Объединенный Совет таможенных служб государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ОКТС), который действует на основании Договора об Объединенной коллегии таможенных служб государств-членов Таможенного союза от 22 июня 2011 года. ОКТС дает четкое представление о возможностях таможенного союза.

Задачи ОКТС - это:

– налаживание тесных контактов между таможенными органами государств-участников;

– разработка международных правил и норм в таможенной сфере;

– единообразное исполнение действующих, международных договоров, регулирующих таможенные отношения;

– исполнение функций на таможенной территории ЕАЭС, направленных на усиление контроля и проверки;

– выработка единой таможенной политики и его исполнение в рамках ЕАЭС.

ОКТС – это вспомогательный орган по укреплению сотрудничества в таможенной сфере, имеющий цели и задачи, которые совпадают со Стратегией – 2025.

ОКТС активно проводит работы по модернизиции действующей нормативно-правовой базы ЕАЭС и обеспечивает единые порядки таможенного администрирования. Уникальность этого института заключается в том, что он имеет значительные резервы, которые могут быть использованы для развития ЕАЭС.

В целях создания единообразного исполнения таможенных директив приказами таможенных органов государств-участников дублируются решения ОКТС, и тем самым создаются условия по унификации законодательства, которое отражено в статье 9 Договора о создании ОКТС. В то же время в этом договоре не оговариваются определенные механизмы для полного выполнения решений, принятых ОКТС, такие как мониторинг и взаимный контроль за выполнением, механизм урегулирования споров, унификация санкций в случае невыполнения и т. д.

В таких условиях главным, на наш взгляд, представляется то, что необходимо создавать взаимные контрольные механизмы, которые будут отслеживать исполнение принятых решений сторонами. Таможенные риски, которые составляют главную нагрузку в принятии управленческих решений в таможенной сфере нуждаются в постоянном контроле.

Решения подготавливаются рабочей группой ОКТС по развитию системы управления рисками в государствах-членах ЕАЭС, которая официально действует с конца 2011 года.

С 2011 года функционирует система управления рисками в государствах-участниках таможенного союза, которая обслуживается рабочей группой ОКТС. Основные задачи данной рабочей группы состоят в том, чтобы совершенствовать систему управления рисками в государствах-членах ЕАЭС, а также над унификацией подходов к ее применению. Предстоит колоссальная работа по выявлению рисков во внешнеэкономической деятельности государств-участников ЕАЭС.

Исходя из сложившихся обстоятельств необходимо, внести изменения и дополнения в Договор о ОКТС которые, с одной стороны, стимулировали бы страны-участницы к принятию более активных решений по унификации и стандартизации таможенного администрирования и, с другой стороны, обеспечили бы создание эффективных механизмов мониторинга и контроля совместных решения.

Деятельность ОКТС нуждается в переводе на постоянную основу, то есть необходимо сформировать секретариат ОКТС, который будет улучшать работу ОКТС создавая условия систематического и эффективного функционирования. ОКТС показывает свою значимость с первых дней своей деятельности и способствует тесному взаимодействию таможенных органов государств-участников. Внедрение современных технологий в процесс таможенного контроля придает еще больший толчок развития ОКТС в современных условиях [357, с. 117].

В Договор о ОКТС за все время его существования было внесена только одна поправка в 2019 году, и это было связано с тем, что был принят Таможенный кодекс ЕАЭС. Изменения в большей степени касались вопроса, связанного с приведением в соответствие терминологии, содержащейся в этих документах. В будущем предстоит работа по унификации этих документов для развития таможенного администрирования в интересах евразийской интеграции путем создания совместной комиссии. Потенциал совместной комиссии как межгосударственного инструмента организации взаимодействия таможенных администраций государств ЕАЭС будет использован для

принятия решений в области таможенного дела, обязательных для исполнения на всем евразийском пространстве [358].

Однако необходимо не только институционально развивать ОКТС: также нужно вести работу по улучшению и расширению взаимодействия между ОКТС (с точки зрения правоприменения и координации таможенных служб) и ЕЭК (с точки зрения нормотворчества). Эффективное взаимодействие в такой форме позволит, с одной стороны, своевременно и эффективно адаптировать правовую базу к новым вызовам и, с другой стороны, установить единообразную практику правоприменения в рамках ЕАЭС.

Государства-участники ЕАЭС, и другие участники таможенных правоотношений признают, что должно быть активное сотрудничество между этими двумя организациями. Например, ВЕАЭС на своих заседаниях (3 июня 2019 года и 7 октября 2019 года) не раз свидетельствовал о том, что важно создавать единообразную практику таможенного администрирования и повышать взаимное доверие таможенных служб к результатам таможенного контроля путем совместного таможенного контроля таможенными службами государств-членов ЕАЭС, в том числе с участием таможенных органов государств-членов ЕАЭС и представителей ЕЭК. Была создана рабочая группа для обеспечения единообразной практики таможенного администрирования и организации скоординированного таможенного контроля. По итогам совместных переговоров представитель ЕАЭС (член коллегии (министр) таможенного сотрудничества ЕЭК) получил право участвовать на заседаниях ОКТС с правом голоса по спорным вопросам между таможенными органами государств-участников ЕАЭС, а также должностные лица и сотрудники ЕЭК получили право участия в заседаниях, проводимых под руководством ОКТС.

Сотрудничество между двумя международными организациями включает в себя комплекс мероприятий, которые требуют активных действий, направленных на синхронизацию совместной работы.

В задачах по реализации Стратегии 2025 года основным пространством сотрудничества является, реализация потенциала совместной интеграции

ОКТС и ЕЭК. Стратегия 2025 добавила к своим основным задачам наращивание совместного интеграционного потенциала между ЕЭК и ОКТС.

Две интеграционные структуры станут движущей силой в процессе совершенствования механизмов и тесного сотрудничества государств-участников ЕАЭС и принятии принципиальных решений для создания общего таможенного пространства. От результативности принятых решений зависит авторитет ЕАЭС как действительно интеграционного объединения с общими целями и задачи.

Также надо отметить, что одним из направлений деятельности, предусмотренной в Стратегии 2025 года, являются совершенствование Таможенного кодекса ЕАЭС и разработка и внедрение единого стандарта таможенного администрирования в государствах-участниках ЕАЭС.

Таможенное администрирование в рамках Стратегии 2025 предполагает активно использовать единый институт в ЕАЭС (аналогичных институтов в других сферах регулирования и интеграции нет) – Объединенный совет таможенных служб государств-членов ЕАЭС.

Для достижения единых стандартов в сфере таможенного администрирования важно выработать контрольные показатели таможенных органов, и они станут показателем работы в данной области.

Таким образом, рассмотрев вопросы унификации и систему актов, регулирующих таможенные отношения в рамках ЕАЭС, можно сделать вывод, что Таможенный кодекс ЕАЭС является базовым актом, регулирующим таможенные отношения в рамках Союза. Это связано с тем, что таможенные правила теперь будут в основном применяться на уровне Союза, в то время как национальный уровень будет ограничен техническими аспектами. Так, структура таможенных органов и ряд технологических элементов их внутреннего функционирования, которые являются национальными прерогативами, никогда не будут регулироваться на уровне Союза. Итак, на наш взгляд, в процессе применения таможенного законодательства ЕАЭС возникают различные проблемы. К основным можно отнести то, что

отсутствуют единообразные подходы в разработке нормативно-правовых актов и его толкование, а также разные понимания и правоприменения в государствах-участниках.

Исходя из этого мы можем сделать вывод о том, что взаимодействие таможенных структур государств-участников ЕАЭС в части выработки единых норм и правил, а также разработки правовых механизмов административного сотрудничества должна происходить на взаимовыгодной основе. Методичная и последовательная работа органов ЕАЭС, в частности ЕЭК, направлена на долгосрочную перспективу для принятия единых решений и действий.

4.2. Унификация законодательства в государствах-участниках ЕАЭС в условиях цифровизации

Интеграционные процессы в ЕАЭС сопровождаются реализацией цифровой повестки, и они сопряжены с глобальными движениями в сфере цифровой трансформации [359].

В современных условиях, прежде всего, предстоит определиться с целями цифровых инициатив в ЕАЭС, связанных с его стратегическими ориентирами для экономики государств-участников ЕАЭС при условии подключения к этим процессам третьих государств. Предстоит в полной мере сделать анализ цифровой трансформации, которая начинает охватывать все отрасли взаимодействия участников интеграционного объединения, такие как, например, цифровая модернизация механизмов управления, цифровая трансформация производственных и интеграционных процессов, развитие цифровой инфраструктуры, формирование цифрового рынка ЕАЭС, разработка нормативных правовых актов, направленные на преобразования цифрового пространства и унификацию законодательства государств-участников ЕАЭС в этом направлении.

Все государства-участники ЕАЭС находятся на начальном этапе формирования «цифровой повестки», в таких обстоятельствах им предстоят взаимная помощь и поддержка, а также обмен опытом по положительным результатам. Проектная работа цифровой трансформации в ЕАЭС требует следующих подходов:

– координация передовых проектов по цифровой трансформации на межгосударственной и национальных уровнях;

– создание условий применения на практике новых проектов цифровой трансформации и их поддержка;

– выработка евразийской модели цифрового развития, с использованием возможностей различных институтов (Евразийский Центр цифровой трансформации, Институт стандартизации ЕАЭС и др.).

Нынешний период тесного взаимодействия государств как субъектов международного публичного права характеризуется как экономическая, политическая, культурная интеграция и унификация, и оно является особенностью современного мира. Международная кооперация стала одним из актуальных направлений сотрудничества, и изготовленная продукция свободно перемещается по таможенным границам различных государств. Это порождает стремление участников экономической цепочки переходить на единые стандарты и нормативные правила. Возникают управляющие структуры в межгосударственных отношениях по формированию информационных баз данных и их потоков и т.д. [360].

Институт государства в теоретическом и практическом аспектах, по мнению профессора М.Т. Баймаханова, переживает коренные изменения, и это происходит после «получения полной независимости и суверенитета государства: проводят глубокие преобразования во всех сферах жизни, принимают меры по повышению творческой роли исходящих от них организационно-управленческих, регулятивных и воздействующих процессов. Да и в мировом масштабе обстановка стала иной, и от государств требуется кардинальный пересмотр используемых подходов и решений. Естественно, назрела теоретическая и практическая надобность в существенной корректировке наших представлений о функциях государства, а следовательно, о выполняемой им ныне роли внутри страны и на международной арене» [361, с. 342].

В современных условиях государства по-разному справляются с исполнением своих функций во внутригосударственной и международной сферах. К сожалению, отдельные государства, теряют способность управлять обществом и государством, и начинают представлять угрозу для остальных субъектов международного права [362]. Государственная власть должна

организовать государственное управление для достижения эффективных результатов в целом. На национальном и международном уровнях учеными достигается понимание того, что роль государств повышается, и реализация функций государств должна сопровождаться выработкой единых подходов и взглядов на вызовы современности.

Так, одним из вызовов современности стала цифровизация, которая создает возможности, используя цифровые технологии модернизировать экономику ЕАЭС и, в целом, внедрять передовые методы и средства управления государством и обществом. На реальной основе при использовании цифровых технологий происходит сближение государств несмотря на географическую отдаленность, и открываются перспективы коренного изменения во всех сферах жизнедеятельности государств, разумеется, все это происходит на конкурентной основе в региональном и глобальном масштабах. Технологические преобразования, происходящие в мире, ставят задачи перед ответственными работниками государств-участников такого плана, чтобы не допустить отставания от этих процессов и использовать благоприятные возможности на благо граждан ЕАЭС. Для создания новых рабочих мест и развития активности бизнес-структур в полной мере надо открывать новые направления сотрудничества, а также внедрять и использовать сетевые инфраструктуры, общие цифровые платформы и новые цифровые решения. Приоритетными направлениями формирования цифрового пространства в ЕАЭС являются такие области, как внедрение цифровых инициатив, создание цифровой инфраструктуры и платформ цифрового взаимодействия; оцифровка основных секторов экономики и региональных рынков. На первый план выходит нормативно-правовое регулирование цифровых решений на общих основаниях путем государственно-частного партнерства для воплощения в жизнь перспективных проектов, а также организации сотрудничества между всеми заинтересованными сторонами в цифровых экосистемах.

Таким образом, цифровая повестка дня – это нынешняя реальность и от нее уже никуда не деться. При формировании цифрового пространства ЕАЭС усиливаются риски, когда из региона идет «утечка мозгов», возрастают конкурентоспособность производимых товаров и услуг, а также цифровой суверенитет государств-участников ЕАЭС.

Вопросы цифрового развития также были включены в стратегические документы, такие как Цифровая повестка ЕАЭС на период до 2025 года. В нее включены следующие рекомендации:

– создание институциональной и нормативно-правовой основы цифровой политики. На межгосударственном и национальном уровнях необходимо разделить зоны ответственности [363];

– финансирование цифровой стратегии ЕАЭС, которая направлена на долгосрочную перспективу и требует определенных усилий;

– открытие образовательных курсов и программ на всех уровнях (детские сады, школы, колледжи, вузы) по повышению цифровой грамотности граждан. Необходимо создать условия для постоянного укрепления навыков в цифровых технологиях. Также особое внимание требуется уделить доступу к интернету и внедрению мер по обеспечению безопасности в цифровой среде.

Вышеуказанные рекомендации должны осуществляться на постоянной и поэтапной основе исходя из потребностей на межгосударственном и национальном уровнях, на условиях приоритетности и значимости для углубления интеграции в ЕАЭС. В процессы цифрового взаимодействия должны быть вовлечены все заинтересованные стороны, включая государственные, частные и иные лица. Очевидно то, что цифровые технологии коренным образом изменят экономический и социальный ландшафт ЕАЭС при активном его внедрении и без оглядки в разные стороны, поскольку каждый участник цифровой повестки является первым в применении разных подходов цифрового решения задач. Цифровая трансформация в ЕАЭС при эффективном ее применении создаст условия для

экономического роста, успешной конкурентоспособности и повышения уровня жизни населения.

Создание благоприятной правовой и регулятивной среды для реализации цифровой стратегии имеет важное значение для ее успеха и приведет к ощутимым цифровым дивидендам. ЕЭК в 2016 году подготовила необходимую нормативно-правовую базу по мерам доверия в условиях цифровой трансформации, которая обеспечивает национальное признание электронных подписей при обмене электронными документами юридического характера, а также защиты информации при взаимодействии государств-членов ЕАЭС в рамках систем по обмену информацией.

Нормативно-правовые документы, программы и решения, принимаемые в отношении цифрового развития, быстро теряют свою актуальность и нуждаются в постоянном обновлении и пересмотре с учетом новых реалий. Так, например, в государствах-участниках ЕАЭС на законодательном уровне регулируется защита персональных данных. Отдельные государства усиливают работу в этом направлении, и это объясняется тем, что цифровые технологии проникают во все сферы жизнедеятельности, создавая риски по нарушению прав граждан путем недобросовестного использования и хранения полученных персональных данных.

На одном из первых мест находится телекоммуникационная отрасль, которая нуждается в унификации нормативно-правовой базы для формирования единого рынка телекоммуникационных услуг в ЕАЭС. Подобный шаг однозначно приведет к снятию барьеров, и эта отрасль получит все предпосылки развития. Но надо учитывать тот момент, что унификация законодательства должна предусматривать выработку единых норм, правил и стандартов для упрощения процедур взаимодействия между субъектами на региональном уровне, устранение препятствий для перемещения людских ресурсов, товаров, услуг, данных и капитала, а также правил открытой и честной конкуренции внутри Союза. Эти правила должны поддерживаться соответствующими учреждениями для обеспечения их соблюдения. Кроме

того, укрепление доверия потребует унификации законодательства о защите персональных данных, в частности о трансграничной передаче персональных данных в пределах ЕАЭС. Чтобы обеспечить безопасность новой цифровой экосистемы, необходимо будет создать соответствующие институциональные структуры. Важно создать общие правила игры, когда речь заходит о цифровых инновациях, путем принятия соответствующих международных технических стандартов для цифрового оборудования и цифровых услуг.

Надо признать, что с началом процессов глобализации в мире были также запущены процессы сближения правовых систем государств, которые направлены на объединение и интеграцию человечества, сопровождающиеся улучшением качества жизни и благосостояния человечества, ускорением экономического и политического развития стран, интенсификацией обмена технологическими, научными и культурными достижениями между различными странами и народами, то есть на основе «тотальной унификации» [364, с. 170].

Профессор М.Н. Марченко выделяет следующие тенденции глобального сотрудничества в области права:

а) право становиться универсальным и унифицированным;

б) общественные отношения регулируются на основе общих принципов права;

в) в правовой системе государств судебный прецедент выходит на первый план;

г) права человека расширяются и углубляются [365, с. 508].

В Кыргызской Республике также наблюдается ситуация, когда во главу угла ставится вопрос о положении граждан в обществе, а также их благосостояние [366], и она заложена в долгосрочные стратегические цели государства с учетом международных обязательств [367]. Таким образом, цифровая трансформация получила конкретную форму в виде отдельной концепции, где определены структура, система управления и основы процесса цифровизации государства.

Кыргызская Республика исходит из того, что цифровизация является необходимой составляющей не только для процесса интеграции государств-участников ЕАЭС друг с другом, но и включения страны в масштабные процессы планетарной цифровой трансформации. Для этого на национальном уровне реализуется программа цифровой трансформации «Таза Коом». Ее цель – построить цифровую инфраструктуру мирового уровня на основе зеленых технологий и чистой энергии, превратив Кыргызстан в региональный центр цифрового Шелкового пути для цифрового бизнеса и цифровых инноваций. При этом не только Кыргызстан ощущает интеграционные эффекты от участия в интеграционном объединении, но и сам Союз стал получать ряд бесспорных дивидендов. Активно развивающееся международное сотрудничество Союза открывает для Кыргызстана дополнительные возможности [368].

В Кыргызской Республике целенаправленная работа по цифровой трансформации началась с 2019 года, и были приняты ряд стратегических документов [369].

Так, в Кыргызской Республике в пилотном режиме с 15 октября по 31 декабря 2016 года начала внедряться Система электронного межведомственного взаимодействия «Тундук» (далее – СЭМВ «Тундук») для пилотирования электронных услуг и обмена данными в электронном формате между информационными системами министерств, административных ведомств и их подведомственных подразделений, а также государственных предприятий Кыргызской Республики [370]. Было образовано отдельное Министерство цифрового развития Кыргызской Республики, и для технической поддержки цифровых процессов при нем было сформировано государственное учреждение «Тундук». В основополагающих документах целью нового учреждения стало обеспечение технической координации при внедрении системы электронного управления в Кыргызской Республике и электронного взаимодействия между государственными органами, органами местного самоуправления, государственными учреждениями и

предприятиями, а также юридическими и физическими лицами, в том числе при предоставлении государственных и муниципальных услуг в электронном формате [371].

С момента внедрения цифровых технологий в государственном управлении на всех уровнях происходят изменения в плане прозрачности принятия решений и принципиально нового подхода к задачам, которые стоят перед государственными органами. СЭМВ «Тундук» позволяет перевести большинство государственных услуг, оказываемых соответствующими министерствами и ведомствами на цифровой формат, что оказывает благотворное влияние на запросы граждан Кыргызской Республики. Повышается оперативность, своевременность и доступность получения государственных услуг заинтересованными сторонами.

Целями не выступают заимствованные решения технологического и инновационного плана, наоборот, целью должно быть внедрение этих передовых технологий для повышения производительности и конкурентоспособности субъектов экономики. Применение цифровых технологий может стать перспективным для таких отраслей экономики Кыргызской Республики, как, например, туристическая, горнодобывающая, связь и другие отрасли. В таких случаях, необходимо использовать потенциал ЕАЭС и ВТО как интеграционных объединений для сравнительного анализа законодательства, а также обмена опыта по применению их возможностей и механизмов по внедрению новых правил, норм и технологий.

В целом, опыт других государств показывает, что должна идти повсеместная цифровая трансформация, и оно должно руководствоваться следующими принципами:

– государство – это платформа для цифровой трансформации;

– цифровые процессы должны происходить по умолчанию и должен быть всеобщий охват;

– оказание цифровых услуг с использованием мобильных устройств и приложений.

Должен быть обеспечен достаточный уровень кибербезопасности для защиты интересов государства, общества и граждан, которые реализуются с учетом изменений в данной сфере.

В таких условиях, на первый план выходит обеспечение безопасности в цифровом пространстве как для государства, в лице его органов, так и для граждан [372] и гарантии защиты для граждан информации личного характера [373].

Цифровая трансформация нуждается в разработке и внедрении концептуальных документов, которые должны быть реализованы путем применения механизмов планирования и нормативно-правового регулирования. Вовлеченность в процессы цифровизации предполагает участие в них всех сторон, включая государственные учреждения, юридические и физические лица, также и нерезидентов.

С созданием парка высоких технологий (ПВТ) открывается площадка для постоянного диалога налаживания партнерства между сторонами [374], тем самым государство стимулирует развитие цифрового бизнеса и обмен цифровыми услугами. ПВТ аккумулирует в себе новшества и становится центром инноваций, где сосредотачиваются цифровые технологии по развитию цифровых компетенций в партнерстве с ведущими вузами, компаниями и т.д.

В настоящее время перед государствами-участниками ЕАЭС стоит задача по наращиванию потенциала в сфере цифровой трансформации, чтобы не отстать от передовой общемировой тенденции в данной области.

Для Кыргызской Республики в среднесрочной перспективе предстоит создание благоприятных условий технологического и инновационного прорыва на основе следующих факторов:

1) подготовка специалистов для развития цифровых платформ и цифровой трансформации общества и государства;

2) синхронизация стратегических документов цифровой повестки Кыргызской Республики с государствами-участниками ЕАЭС, ближнего и

дальнего зарубежья, путем подписания международных договоров и соглашений;

3) устранение барьеров в развитии цифровых технологий для создания государства нового формата.

Правовая политика и нормативно-правовая база государств-участников ЕАЭС, касающиеся стимулирования инноваций, развития инфраструктуры в цифровой экономике, развитие нормативно-правовых актов в сфере цифровых технологий должны совершенствоваться с учетом постоянного анализа и обобщения соответствующего законодательства.

Успешная цифровая трансформация достигается путем выявления и устранения существующих правовых пробелов, а также разработки нормативно-правовых документов и обеспечения ее внедрения.

При подготовке нормативно-правовых документов в сфере цифровой трансформации затрагиваются многие сферы и поднимаются вопросы защиты прав интеллектуальной собственности, защиты иностранных инвестиций, стимулирование инноваций, поддержка частных идей и инициатив и другие.

Также цифровая трансформация предполагает создание унифицированного законодательства для успешной интеграции государств-членов ЕАЭС. Широкое вовлечение участников, включая государственные организации, неправительственные учреждения, средства массовой информации и граждан – один из главных факторов его результативности. Человеческий ресурс также является немаловажным, и от него требуется постоянное совершенствование навыков и наличие полной информации в сфере цифрового развития [375].

Эффективность, инклюзивность и безопасность цифровых технологий возможны только тогда, когда будет обеспечена технологическая совместимость цифровых инфраструктур, платформ и решений в государстве и обществе.

В ЕАЭС активная работа по подготовке правовых основ формирования единого цифрового пространства началась в 2016 году. На основе решения

Совета ЕЭК 17 марта 2016 года была создана рабочая группа по разработке предложений по созданию цифрового пространства ЕАЭС [376].

Государственная политика в сфере цифровизации в государствах-участниках ЕАЭС различается и имеет разные подходы в ее реализации. Например, в Республике Армения концептуальными документами являются Стратегия электронного правительства и Программа Правительства Республики Армения на 2017–2022 годы [377].

Цифровые технологии и процессы бросают вызов правительствам ЕАЭС и требуют объединения усилий по применению цифровых решений и технологий с использованием новых инструментов – «большие данные», «искусственный интеллект», «умный менеджмент» и др. Так, в законодательство Армении (Гражданский кодекс Республики Армения, Закон Республики Армения «О применении контрольно-кассовых аппаратов», Закон Республики Армения «О торговле и услугах», Закон Республики Армения «О защите прав потребителей» и другие) [378] вносятся изменения и дополнения по широкому использованию электронной коммерции. В гражданском законодательстве Республики Армения определены особенности безопасности электронных коммуникаций, положения сетей электронной связи, касающиеся оферты и акцепта, которое создают возможность заключения договоров с помощью электронной подписи, которая имеет ту же юридическую силу, что и договор, заключенный в письменной форме.

Республика Беларусь усиливает работу по цифровой трансформации с широким внедрением цифровых технологий в процессы управления государства и общества. Правовому регулированию подвергаются институты и инструменты развития информационного общества, порядок реализации мероприятий в области информатизации, предоставления государственных услуг в электронном виде через национальную автоматизированную информационную систему, а также обеспечение защиты информации. Был принят ряд документов, которые способствовали развития цифровой трансформации в государстве (указ Президента Республики Беларусь от 8

ноября 2011 года № 515 «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2011 года № 1074 «О предоставлении электронных услуг и выполнении государственных функций в электронном виде через национальную автоматизированную информационную систему», постановление Совета Министров Республики Беларусь № 138 от 10 февраля 2012 года «Об основных электронных услугах» и ряд других) [379].

Ключевым документом цифровизации в Республике Казахстан является государственная программа «Цифровой Казахстан» [380], которая направлена на использование цифровых технологий для повышения качества жизни населения и полной цифровой трансформации общества. Так, реализации государственной программы «Цифровой Казахстан» предполагает принятие «умных решений», а также внедрение «умных городов» на основе единых подходов внедрения цифровых технологий.

Указом Президента Российской Федерации «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [381] утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. В ней приоритетное место отводится государствам-участникам ЕАЭС для укрепления стратегического сотрудничества по развитию торгово-экономических отношений.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» направлена на развитие цифровой экономики в России. Исходя из приоритетности развития платформ, технологий и институциональной и инфраструктурной среды, программа определила следующие цели:

– формирование нормативно-правовой базы, обеспечение человеческими ресурсами, подготовка исследовательских навыков и технологических резервов;

– создание информационной инфраструктуры, обеспечение информационной безопасности.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» была разработана с учетом цифровой повестки дня ЕАЭС до 2025 года и координирует развитие цифровой трансформации в государстве [382].

Как и в любом государстве и международной организации ключевую роль играют исполнительные органы. В ЕАЭС это обязанность возложена на ЕЭК, которая состоит из Совета ЕЭК, Комиссии и Департаментов. В пункте 34 Приложения № 1 (Положение о Евразийской экономической комиссии) к Договору о Евразийском экономическом союзе оговорено, что Коллегия Комиссии является исполнительным органом Комиссии, состоит из членов Коллегии, один из которых является Председателем Коллегии Комиссии. Коллегия Комиссии формируется из представителей государств-членов исходя из принципа равного представительства государств-членов, а также численный состав Коллегии Комиссии и распределение обязанностей между членами Коллегии Комиссии определяется ВЕАЭС.

ЕЭК – это коллегиальный орган, в состав которого в настоящее время входят десять представителей от государств-участников ЕАЭС.

По сути, нынешний расклад логичен тем, что от каждого государства имеются по два представителя в ранге министров, которые по квоте распределяются равномерно между государствами-участниками. Но, как видно из опыта других международных организаций, появилась необходимость формировать подобные органы по нечетному числу членов. Поскольку любой коллегиальный орган принимает решение путем голосования, такой подход важен для компромиссного принятия решений.

В целях унификации законодательства в сфере цифрового управления и цифровых технологий требуются совместные действия государств-участников ЕАЭС. Это направление является для всех совершенно новой отрасли, где без больших усилий можно сформировать единые подходы для сотрудничества.

Так, по итогам исследования мы приходим к выводу о том, что появилась необходимость ввести в состав Коллегии Комиссии *министра по цифровому развитию ЕЭК*. Это будет по счету одиннадцатый член Комиссии, с

конкретными задачи, которые будут реализованы на пространстве ЕАЭС (Приложение 1).

Таким образом, цифровая трансформация – это совершение правовой трансформации в цифровой сфере, то есть активное проведение унификации законодательства ЕАЭС в целом, и государств-участников в отдельности. Каждое государство-участник ЕАЭС при реализации концепции цифровой трансформации – «Цифровое государство» проводит свою политику, разработанную на основе собственного опыта. Предстоит решить задачу, связанную с управлением процессами цифровизации и наделение органов исполнительной власти полномочиями использовать инновационные подходы и передовые модели цифровых решений.

4.3. Сравнительный анализ унификации законодательства Европейского союза и Евразийского экономического союза

Развитие регионализма в мировой экономике и политике в последние десятилетия характеризовалось двумя тенденциями. С одной стороны, увеличились число и масштабы региональных организаций, региональные организации возникают в разных частях мира и играют все более важную роль. С другой стороны, неоднородность государств, которые создают региональные организации и присоединяются к ним, не соответствует неоднородности структуры самих организаций. И наоборот, региональные организации явно склонны адаптироваться к общему этапу, характеризующему институциональный формат и последовательность процессов интеграции.

ЕАЭС является еще одним примером того, что можно было бы определить, как «нормативный евроцентризм». Очевидно, что ЕАЭС не достиг уровня интеграции и единого Европейского союза, но заметна работа по примеру Европейского сообщества (далее – Сообщество) формировать общие институты ЕАЭС, и никто не может оспаривать этот факт.

Таким образом, чтобы понять взаимодействие между ЕС и ЕАЭС, нам необходимо изучить не только прямое взаимодействие между организациями, а также конкуренцию между ЕС и ЕАЭС в их части соседства, но и идеологические связи между двумя организациями.

Само собой разумеется, что отсутствие полноценного диалога между ЕС и ЕАЭС обусловлено различными факторами. Существенные противоречия в целях ЕАЭС и ЕС, вероятно, сыграют большую роль в препятствовании дальнейшего диалогу между ЕС и ЕАЭС [383].

Сравнительная литература по ЕС и ЕАЭС присутствует во всех дисциплинах (экономика, политология и юриспруденция). Это неудивительно, поскольку, несмотря на достижения в научных изданиях по сравнительному

регионализму, ЕС по-прежнему часто используется в качестве эталона для оценки и сравнения региональных организаций. Одним из способов приблизиться к сравнению между ЕС и ЕАЭС является рассмотрение экономических основ (структура экономики, неоднородность членов, уровни экономического развития) и политических целей государств-членов и ЕАЭС, а также интеграционной программы и последовательности интеграционных шагов.

ЕАЭС, как и ЕС, начинается с интеграции торговой зоны и создания таможенного союза; затем он переходит к либерализации передвижения людей и капитала, а затем к созданию более продвинутых форм региональной интеграции, с этой точки зрения, сравнивается Договор о ЕАЭС с Римским договором 1957 года [384, с. 79]. Другие региональные организации часто отклоняются от этой последовательности шагов, первоначально использованной ЕС.

Два института ЕАЭС, для которых институциональное сходство наиболее очевидно, – это Коллегия Евразийской экономической комиссии и Суд ЕАЭС. Конструкция Комиссии с отдельными «министерствами» и крупной наднациональной бюрократией, само название института как бы заимствованы из опыта ЕС. В то же время Суд ЕАЭС, похоже, вдохновлен Европейским Судом юстиции, как с точки зрения его общего подхода, так и предполагаемой юридической практики.

Отметим, что Суд Европейского сообщества (далее – Суд ЕС) обладает широкой и разносторонней компетенцией, открывающей перед ним большие возможности практического влияния на функционирование и развитие ЕС. Суд ЕС деятельно и довольно последовательно отстаивает в своей практике идеи превалирования общего интереса ЕС над индивидуальными потребностями государств-членов, разграничения компетенции между органами ЕС и национальными правительствами, необратимости результатов делегирования полномочий органам ЕС и уступки государствами-членами части своего суверенитета [385]. Несмотря на свою природу, как

правоприменительного органа, Суд ЕС имеет большое влияние на законодательную и исполнительную власти внутри ЕС.

Например, практика Суда ЕС оказала значительное влияние на эволюцию общественных институтов и развитие общего рынка товаров, рабочей силы, услуг и капитала во всем регионе. Суд ЕС сыграл важную роль в укреплении правового статуса органов ЕС. Во многом благодаря судебной практике Сообщества было узаконено исключительное право ЕС, действовать от имени государств-членов в определенных областях внутренней и внешней политики. Его функции имели фундаментальное значение для правового обеспечения экономической интеграции государств-членов.

Таким образом, Суд ЕС подчеркнул: «Концепция общего рынка... подразумевает устранение всех препятствий для торговли внутри Сообщества с целью объединения национальных рынков в единый рынок, что приведет к максимально приближенным условиям, настолько, насколько это возможно на едином рынке. Устранение этих препятствий заняло видное место в работе Суда ЕС». Так, если Суд ЕС посчитает, что государство-член ЕС нарушило свои обязательства, исходящие из учредительных договоров, то Суд может обязать данное государство принять все «необходимые меры» для выполнения решения Суда ЕС [386, с. 30–45].

Законодательство Сообщества, с одной стороны, и национальное законодательство – с другой, представляют собой два различных правовых порядка. Однако они отнюдь не изолированы друг от друга, а тесно связаны. Эти два правовых порядка во многих отношениях взаимозависимы и дополняют друг друга. Эта взаимозависимость берет свое начало в том факте, что законодательство Сообщества развивалось под непосредственным влиянием национального законодательства государств-членов. Но практические потребности играли еще более важную роль. Для реализации законодательства Сообщества часто необходимо использовать национальные механизмы, включая принятие имплементационного законодательства, судебные решения национальных судов и другие пути.

Развитие права Сообщества основано на двух принципах, которые сложились как в теории, так и на практике. Во-первых, был установлен примат права Сообщества над национальным законодательством. Во-вторых, был принят принцип прямого действия законодательства Сообщества. На практике это означает, что субъекты могут полагаться на законодательство Сообщества и добиваться его применения судами государств-членов. Опыт показал, что признание этих принципов государствами-членами сыграло очень важную роль в установлении и стабилизации права Сообщества как автономного правопорядка. Различия, существовавшие между правовыми системами государств-членов, не ослабили единства и эффективности правопорядка Сообщества.

Полное и точное включение в национальное законодательство адресованных ему директив Сообщества было провозглашено в Маастрихтском договоре в качестве важнейшего условия сплоченности и единства европейского строительства. К договору прилагалась декларация о применении законодательства Сообщества. Это определяет, что методы применения положений законодательства Сообщества должны определяться каждым государством-членом с учетом его институтов, его правовой системы и других специфических для него обстоятельств. Однако в любом случае, в соответствии со статьей 249 Договора о ЕС, которая оставляет за институтами Сообщества право принимать нормативные акты, директивы и решения, важным условием надлежащего функционирования Сообщества является то, что меры, принимаемые различными государствами-членами, гарантируют, что «законодательство» Сообщества применяется с соблюдением такой же эффективности и строгости, как и их национальные законы [387].

Важно отметить, что формирование европейского правового пространства требует конвергенции национальных правовых систем. Такая возможность оправдана как растущей взаимосвязью и взаимозависимостью стран в глобальном масштабе, так и, в частности, структурными преобразованиями, происходящими в социальной жизни восточноевропейских

стран. Опыт формирования ЕС наглядно демонстрирует важность сближения правовых систем государств-членов, но торопить такой процесс нельзя. Выбор областей и направлений, отражающих потребности в интеграции, которые являются не воображаемыми, а действительно неотложными, в сочетании с прогрессивностью и согласованностью необходимых этапов развития, являются важнейшими условиями успеха. Преимущества этого сценария, как мы видим, заключаются в том, что европейское правовое пространство не дается сверху в виде готовой, но иностранной модели, а в основном развивается на национальной почве.

Функционирование ЕАЭС сильно зависит от единых стандартов и правил: по сути, это прежде всего регулирующий институт. При дискуссии по этому вопросу, рассмотрение регионализма как «общей нормативно-правовой базы» является неотъемлемой чертой европейской модели регионализма (которая, по-видимому, является ЕАЭС без обсуждения), в то время как другие модели регионализма часто полагаются на проектный подход и делают упор на финансировании общей инфраструктуры.

Это описание, как упоминалось выше, не следует воспринимать как доказательство полной идентичности ЕАЭС с ЕС. Таким образом, хотя общая интеграционная повестка дня ЕАЭС, по-видимому, находится под влиянием опыта ЕС, глубина интеграции в ЕАЭС несопоставима с интеграцией в ЕС и вряд ли достигнет уровня ЕС. Институты ЕАЭС, хотя и напоминают институты ЕС, значительно менее автономны и больше напоминают ЕС по форме, чем на практике.

Сотрудничество в других областях (унификация законодательства, макроэкономическая политика, антимонопольная политика и т. д.), ссылаясь на опыт ЕС, носит скорее декларативный характер, чем реальный. Легализация интеграционной модели ЕАЭС также может быть поставлена под сомнение, если принять во внимание фундаментальную распространенность неформальных правил и взаимоотношений в постсоветских странах. Постсоветский регионализм крайне ограничен, и нет реальных данных о его

масштабах. Не существует формальных правил или неформальных практик, которые доминировали бы в процессе принятия решений в ЕАЭС.

Однако, даже с учетом этой серии осторожных замечаний, указывающих на то, что ЕАЭС и ЕС являются очень разными образованиями, необходимо признать два момента.

Во-первых, сходства становятся более многочисленными, если смотреть на формальный институциональный уровень, а не на реальную практику. Это очень типично для большинства примеров «создания общей картины»: на уровне формальных институтов это работает гораздо лучше, чем на уровне неформальных институтов.

Во-вторых, организация и те, кто работал над его формированием преследуют одну цель – это подражание Европейскому союзу в своем деятельности по внешним признаком сходства по форме и по стилю работы по всем направлениям.

Так, нетарифное регулирование ЕАЭС практически совпадает с принятой в ЕС моделью и реализуется по его образу. Например, по количеству стандартов, установленные обязательные требования к производимой или поставляемой продукции необходимые условия к их безопасности производства и поставок совпадают как по количеству, так и по содержанию (30 требований, в ЕС они называются директивы, а в ЕАЭС технические регламенты) [388, с. 81].

Таким образом, технические регламенты, принятые в ЕАЭС были приняты с учетом опыта директив, действующих в ЕС. В области охраны труда были приняты около 6000 евразийских стандартов, идентичных с европейским. С текстовой точки зрения, они очень похожи либо на стандарты, разработанные для тех же целей тремя техническими организациями – Европейским комитетом по стандартизации (CEN), Европейским комитетом стандартизации по электротехнике (CENELEC) и Европейским институтом телекоммуникационных стандартов (ETSI). Важно отметить, что Европейская комиссия уделяет особое внимание содержанию согласованных стандартов,

так как они являются частью законодательства ЕС, хотя разработаны независимыми частными организациями и их использование остается на добровольной основе. Комиссия обязана тщательно следить за процессом разработки гармонизированных стандартов и что они соответствуют требованиям, изложенным в гармонизированном законодательстве Союза, чтобы гарантировать, что гармонизированные стандарты полностью соответствуют применимому законодательству [389].

В целях доступа к интеграционному пространству существует процедура оценки соответствия спецификаций основным требованиям: как и в ЕС технические стандарты ЕАЭС применяются производителями на добровольной основе. В ЕАЭС почти полностью совпадает система санитарного и фитосанитарного контроля с существующей системой ЕС. Также ЕАЭС наделен контрольными функциями по оценке соответствия пищевых продуктов евразийским стандартам при пересечении таможенной границы ЕАЭС, а также в случае их перемещения из одного государства-члена ЕАЭС в другое. На уровне государств, они уполномочены осуществлять надзор и конфискацию продуктов несоответствующих требованиям. Аналогичность стандартов и технических правил регулирующих потоки товаров и продукции способствует формированию основ совместного взаимодействия, а также дальнейшего совершенствования правового регулирования платформ технических стандартов. Совместная работа двух интеграционных объединений будет создавать все предпосылки для достижения целей по интенсивному сотрудничеству и налаживанию взаимовыгодного партнерства.

Надо признать, что идеи и подходы, которые возникли и работают в ЕС, являются универсальными, и имеют большое значение для ЕАЭС как нового объединения на пути его становления. Также одним из схожих элементов между ЕАЭС и ЕС является требование, когда для государства-члена запрещается принимать дополнительные требования в качестве обязательных, если они превышают уровень, установленный в технических регламентах.

Иначе говоря, для доступа к единому евразийскому рынку достаточно только соблюдение общих правил ЕАЭС. Для отдельных производителей существуют дополнительные преимущества, которые будут способствовать продвижению их товаров. Для производителей, которые выпускают товары массового потребления, созданы условия, не ущемляющие их права, они гарантированно смогут продавать свою продукцию в любой точке единого рынка. В обоих интеграционных объединениях вышеуказанный запрет является ключевым элементом в устранении технических барьеров в торговле.

Для беспрепятственной организации новых торговых потоков мешают процедуры по оценке их соответствия. Во избежание взаимных проверок необходимо заключать международные соглашения о взаимном признании оценок соответствия, проводимых специализированными и аккредитованными лабораториями. Такие меры будут способствовать свободному доступу товаров и продукции на конкретные рынки без дополнительных проверок в государствах, где они будут реализоваться. Подобное международные договора по снятию торговых барьеров практикуются, в частности, существуют подобные соглашения ЕС с США, Канадой, Японией и Швейцарией. Участники соглашения принимая во внимание свои собственные технические регламенты и стандарты доверяют заключениям соответствующих организаций, аккредитованных проводить оценку соответствия и их независимой политики государств. Например, в ЕС признана деятельность специализированных лабораторий по оценке фармацевтической продукции в Израиле.

В сфере медицинских изделий и фармацевтических препаратов, государства ЕС настойчиво предлагают проводить дополнительные проверки. Подобные идеи высказываются и представителями ЕАЭС. В то же время не должны недооценивать евразийский потенциал. За годы своего существования ЕЭК проводит активную работу со странами ЕС по налаживанию сотрудничества путем подписания двусторонних оглашений. ЕЭК как регулирующий орган ЕАЭС выполняет функцию посредника для

установления контактов со странами участниками ЕАЭС. Выработанная модель интеграции, используемая в ЕАЭС, способствует закреплению основы взаимовыгодного сотрудничества на основе честной конкуренции в приоритетных направлениях экономики. Евразийская стратегия в области конкуренции должна соответствовать европейской модели и должны быть минимизированы меры чрезмерной государственной поддержки в условиях честной конкуренции, которой также должны следовать обе стороны.

Установление честной конкуренции поднимает значение решений ЕЭК на международном уровне, в частности в отношениях с ЕС, и установление с ними точек соприкосновения, а также выработка правил по соблюдению взаимных интересов, устранению искусственных механизмов, замедляющих евразийскую интеграцию. Государства-участники ЕАЭС стремятся установить контакт для расширения диалога по работе интеграционных технологий. Взаимная выгода от подписания и расширения торгово-экономических соглашений между ЕАЭС и ЕС очевидна, и представители ЕЭК готовы приступить к таким действиям, но нынешняя ситуация в глобальном и региональном плане диктуют свои условия, и эти проекты между ЕАЭС и ЕС откладываются в долгий ящик.

За последние годы институты ЕАЭС показывают итоги своей деятельности на примере организации и проведения крупных форумов и конференций. Все участники интеграционного проекта делают выводы в пользу интеграции. Они убеждаются в том, что конкуренция внутри ЕАЭС стимулирует экономику государств-участников, появляются уникальные возможности получения выгоды для всех сторон, увеличиваются производственные мощности, доступ к внешним рынкам, повышается качество товаров и услуг и снижаются цены.

Диалог между ЕАЭС и ЕС необходим и будет выстраиваться по следующим направлениям:

– взаимное доверие к заключениям независимых организаций по технической стандартизации;

– подписание соглашений по устранению технических барьеров в торговле;

– установление честной конкуренции;

– создание принципиально новых механизмов сотрудничества между двумя интеграционными объединениями, ЕАЭС и ЕС.

В этом контексте на первый план выходит выработка единых норм и правил. В подобных случаях унификация означает процесс, посредством которого два или более различных правовых положения или системы вытесняются одним положением или системой: оно создает идентичность правовых положений или систем [390, с. 391]. Унификацию законов можно описать как процесс, посредством которого противоречащие друг другу нормы двух или более правовых систем заменяются одной нормой, применимой к правовой сделке. Основание для унификации законов является добровольным или навязанным принятием судебного решения [391, с. 14-26].

Практическим примером унификации законов, как мы уже отмечали, является ЕС. Таким образом, это попытка заменить две или более правовые системы единой системой. Сложная и надежная правовая структура формируется путем символического взаимодействия национального законодательства, международных соглашений и актов Европейского союза. Различия между договорами государств-членов увеличивают препятствия для функционирования внутреннего рынка и приводят к искажениям конкуренции [392, с. 173]. Из-за незнания правовых принципов, применимых к деловым отношениям, и неспособности оценить риски гармонизация стандартов международного частного права недостаточна для облегчения трансграничной торговли.

Как отмечают ученые, в «мире интегрированного права» существуют и развиваются в настоящее время и реальные интегрированные структуры. Одна из разновидностей таких интегрированных структур – это формирование регионального общего права [393, с. 131].

Примером такого регионального юридического образования является общее право Европейского сообщества. Это позволяет констатировать, в частности, факт формирования общего европейского права. Примером может служить Гражданский кодекс Нидерландов, разработанный на основе общего континентального европейского права.

Наиболее существенное в практическом отношении заключается здесь в том, что в общем праве все больше пробивает себе дорогу тенденция пользоваться услугами законодателя для унификации более рационального использования и упрощения права [394, с. 406].

Таким образом, классическим примером международного интеграционного объединения в XX веке является Европейский союз. С возникновением и развитием Европейского союза начало формироваться новое явление – законодательство Европейского союза. Разностороннее развитие права ЕС не мешает развитию национального права государств-участников ЕС. Наоборот, эволюция законодательства ЕС способствует внедрению в национальное законодательство государств-участников ЕС единых стандартов по многим отраслям права [395, с. 2].

Профессор Ж. Карбонье говорит о том, что «свод национального права включает в себя свод законов, поступающих откуда-либо еще, и не как совокупность фиксированных норм, а как живой свод правил, который продолжает создавать право» [396, с. 36]. По оценкам экспертов количество правовых норм разработанных на уровне ЕС в начале XXI века составляло в каждом из государств-членов ЕС уже до 80 % национального законодательства [397, с. 102].

Опыт ЕС показал, что на практике усилия по объединению достигаются различными механизмами. Так, одним из них выступает унификация законодательства, которое в ЕС понимается как степень достижения единообразия стандартов, а под методом унификации – используемые инструменты (акты) [398, с. 144].

Главным методом унификации выступает прямой метод, направленный на создании единообразных норм права. Унифицированные правила как единообразные нормы принимаются государствами в рамках международных договоров для их применения в конкретных случаях и достижения определенных целей [399, с. 26]. Единообразие норм права в ЕС достигается путем принятия регламентов, которые становятся основным их инструментом [400].

При разработке национального законодательства также используется косвенный метод унификации права, который основан на обязательстве государств следовать определенным принципам правового регулирования [401, с. 57].

Унификация международных договоров как один из методов унификации законодательства занимает особое место. Данный метод стал основой для создания и функционирования Европейского союза и был непременным условием в процессах интеграции независимых государств. Например, Договор об учреждении Европейской ассоциации угля и стали 1951 года, Лиссабонский договор о внесении поправок в Договор о Европейском союзе и Закон о договоре об учреждении Европейского сообщества 2007 года и т.д. сыграли ключевую роль в достижении целей «единого рынка» [402].

Так, в ЕС унификация права и законодательства происходит на таких условиях, когда национальное законодательство государств-участников ЕС подчиняется праву ЕС.

Отдельные международные договоры государств-участников ЕС не взаимодействуют с законодательством ЕС, то есть они не являются самостоятельными в исполнении. Здесь имеются в виду международные договоры, подписанные в рамках конкретной международной организации. В этом контексте большой интерес представляют нормативные-правовые акты Европейского парламента, Европейской комиссии, которые создают единообразные стандарты и влияют на развитие законодательства в Европейском союзе [403].

В Договоре о функционировании Европейского союза основной акцент сделан в отношении правового статуса физических лиц, которые представляют особые международные договорные отношения [404].

В статье 20 вышеуказанного Договора определяется гражданство Европейского союза [405]. Национальное гражданство не теряет своей актуальности, но оно дополнено гражданством ЕС. Исходя из этого, граждане ЕС получают дополнительные возможности, которые предусмотрены международными договорами. К ним относятся следующие:

1) граждане ЕС имеют право на свободное передвижение и проживание на территории государств-участников;

2) граждане ЕС наделены политическими правами, то есть обладают правом участия на выборах на уровне Европейского парламента и на местном уровне (муниципалитеты) в государствах, где они проживают наравне с местными гражданами;

3) граждане ЕС обладают защитой (дипломатической и консульской) за пределами ЕС любого государства-члена на тех же условиях, что и граждане этого государства на территории государства, не являющегося членом ЕС;

4) граждане ЕС наделены правом обращения в органы ЕС на родном языке и получать ответы на эти обращения.

Свобода передвижения граждан ЕС регулируется Конвенцией об имплементации Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 года, которая отменили контроль на внутренних границах государств-участников данного соглашения [406].

Эти соглашения на практике показывают результат своей эффективности и важности. Таким образом, в теоретическом и практическом аспектах реализуются классические механизмы, действующие в экономических союзах государств, где на законодательном уровне регулируются и соблюдаются его основные принципы – свобода передвижения капитала, рабочей силы, услуг и товаров.

Если перейти к проблемам унификации законодательства в рамках ЕАЭС, то документы, анализ правоприменительной практики государств-членов ЕАЭС при реализации Договора о ЕАЭС [407] выявляют ряд проблем, связанных со свободой передвижения граждан, ищущих работу в рамках ЕАЭС.

В настоящее время в ЕАЭС существуют следующие проблемы:

1) при страховании иностранных работников (мигрантов) создаются неравные условия их предоставления для граждан государств-участников ЕАЭС;

2) дискриминационные условия при предоставлении медицинских услуг, отсутствуют унификация правил оказания медицинской помощи для граждан государств- членов интеграционного объединения и членам семей;

3) государства-участники ЕАЭС не ведут миграционный учет трудовых мигрантов, работающих на основе трудовых договоров или договоров гражданско-правового характера и т. д. [408]

Разрабатываемые документы органами ЕАЭС не всегда сочетаются с реальностью, которая происходит на практике, и они становятся пробелами в законодательстве ЕАЭС.

Также необходимо признать проблемы эффективности органов ЕАЭС. Например, Суд ЕС обладает широкими полномочиями по сравнению Судом ЕАЭС по вопросам исполнительности решений. Так, Суд ЕС привлекает к ответственности те государства, которые игнорируют решения институтов. В таких случаях государства получают административные взыскания в виде штрафов. Суд ЕАЭС не уполномочен принимать подобные решения. К сожалению, отсутствие правовых механизмов и гарантий исполнительности решений Суда ЕАЭС не способствует развитию экономической интеграции в ЕАЭС и не отвечает целям объединения. Из опыта других интеграционных объединений следует, что необходимо внедрять действенные правовые механизмы, чтобы Суд ЕАЭС мог создавать прецеденты для обеспечения правовых гарантий всем заинтересованным сторонам [409].

В заключение можно отметить, что сравнительный анализ унификации законодательства государств-членов ЕС и ЕАЭС показывает разный уровень развития двух интеграционных объединений.

Европейский союз и Евразийский экономический союз появились на разных этапах и в разных условиях, но имеют схожие основания по структуре и системе их функционирования элементы. За время своего существования ЕС как международная организация, а также государства-участники накопили богатый опыт унификации законодательства, которое служит их общим интересам. ЕАЭС как новое интеграционное объединение начинает свой путь и наращивает сотрудничество по укреплению интеграционного объединения. Предстоит огромная работа по разработке единых механизмов на основе международных договоров, принятых в рамках ЕАЭС. Равноправность и уважение интересов всех участников интеграционного объединения должны быть на первом месте.

Заключение по четвертой главе

Проведенное в главе исследование позволяет сформулировать следующие **выводы:**

1. Таможенный кодекс ЕАЭС стал одним из первых унифицированных законодательных стандартов в рамках ЕАЭС, который вступил в силу с 1 января 2018 года на всей территории государств-членов ЕАЭС. Унификации законодательства предполагает постоянную работу над вызовами, возникающими на их пути, а также совместные усилия по преодолению и разрешению трудностей с учетом международной практики. Государства-участники ЕАЭС, включая Кыргызскую Республику, должны укреплять свой потенциал и стремиться к быстрому решению всех вопросов, возникающих в процессе интеграции. ЕАЭС должен постепенно превратиться в привлекательную региональную организацию экономической интеграции с единой нормативно-правовой базой. Главными направлениями деятельности,

предусмотренной в стратегических документах, являются совершенствование Таможенного кодекса ЕАЭС и разработка и внедрение единого стандарта таможенного администрирования в государствах-участниках ЕАЭС.

2. Все государства-участники ЕАЭС находятся на начальном этапе формирования «цифровой повестки», в таких обстоятельствах им предстоят взаимная помощь и поддержка, а также обмен опытом по положительным результатам. Так, диссертантом предлагается *ввести в состав Комиссии нового члена Коллегии министра по цифровому развитию ЕЭК*, который будет регулировать процессы цифровизации и создавать единые подходы и темпы цифровизации в государствах-участниках ЕАЭС. В этом контексте важно сближение законодательства государств-участников ЕАЭС и создание условий для унификации нормативно-правовых документов в заинтересованных сферах. Также цифровая трансформация нуждается в разработке и внедрении концептуальных документов и должна быть реализована путем применения механизмов планирования и нормативно-правового регулирования. Эффективность, инклюзивность и безопасность цифровых технологий возможны только тогда, когда будет обеспечена технологическая совместимость цифровых инфраструктур, платформ и решений в государстве и обществе.

3. Унификация международных договоров как один из методов унификации законодательства стала основой для создания и функционирования Европейского союза и была непременным условием в процессах интеграции независимых государств. ЕС и ЕАЭС являются политико-правовыми и экономическими структурами, имеющими одинаковые цели по последовательности интеграционных шагов на пути реализации интеграционной программы. Оба интеграционных объединения начинали с интеграции торговой зоны и создания таможенного союза, далее они перешли к либерализации передвижения рабочей силы и капитала, а затем – к формированию более тесного партнерства на основе основополагающих договоров. Сравнительный анализ унификации законодательства государств-

участников ЕС и ЕАЭС показывает разноуровневый характер развития двух интеграционных объединений. В первом случае ЕС имеет довольно долгую историю развития и богатого опыта унификации нормативных документов для общего применения, когда ЕАЭС находится на стартовой площадке своего интеграционного генезиса. В таких условиях государства-участники ЕАЭС должны показать себя последовательными строителями тесных интеграционных взаимоотношений, создавая взаимовыгодные условия на основе унифицированных норм.

ГЛАВА 5. КЫРГЫЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА КАК УЧАСТНИК ДОГОВОРА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

5.1. Особенности унификации законодательства Кыргызской Республики в деятельности Евразийского экономического союза

В последние десятилетия принципиальным событием в реализации правовой политики Кыргызстана в сфере международного регионального экономического сотрудничества являются присоединение и активная работа Кыргызской Республики в составе ЕАЭС – межгосударственной региональной организации, правовая политика которой направлена на формирование законодательства ЕАЭС на принципах уважения особенностей политического устройства государств-участников, обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов.

Современное развитие государства и права указывает нам на то, что суверенные государства, участвуя в межгосударственных объединениях сталкиваются с вопросами самостоятельности в проведении своей внутренней и внешней политики. Хотя уже сложно представить «изолированные» независимые государства, находящиеся вне каких-то интеграционных объединений. В такой ситуации отдельные субъекты международного публичного права, не без исключения, каким-то образом пытаются выживать по отдельности. В этом контексте важно рассмотреть процесс формирования ЕАЭС как межгосударственного органа.

Исследование истории международно-правового развития ЕАЭС, позволяет сделать выводы о том, что для дальнейшей работы по углублению интеграционных процессов и унификации законодательства государств-

участников ЕАЭС, с учетом пройденного опыта идет планомерная работа, которая отвечает интересам государств-участников ЕАЭС.

Так, первоначальным историческим примером служит Советский Союз. Законотворческая деятельность СССР позволила совместить централизованные союзные принципы в регулировании общественных отношений с разработкой республиканских законов. Таким образом, компетенция Верховного Совета СССР в отношении основополагающих принципов законодательства всего Союза и союзных республик в той или иной отрасли государственной жизни предполагает принятие республиками собственных законов и кодексов, которые конкретизируют и развивают положения основополагающих принципов с учетом местных особенностей [410, с. 162].

В СССР гармонически сочетались преимущества демократически централизованного государства с широкой самостоятельностью и инициативой каждой нации в рамках своей национальной государственности, иначе говоря, союзное государство было построено на основе принципа демократического централизма, наилучшим образом сочетающего общность всех народов и республик с их интернациональными интересами, обеспечивающего свободное и равноправное развитие всех наций, всех республик, их расцвет и постепенное сближение [411, с. 170].

Так, в 1995 году Россия, Беларусь и Казахстан подписали Соглашение о Таможенном союзе [412], которое предполагало начало этапа углубления интеграции между странами: устранение препятствий на пути свободного экономического взаимодействия между хозяйствующими субъектами сторон, обеспечение свободного товарообмена и добросовестной конкуренции. Однако на фоне доминирования центробежных процессов в то время на постсоветском пространстве, данное соглашение далее не нашло своей реализации на практике. Данное событие принято называть «Евразийский интеграционный фальстарт» [413, с. 23].

Далее, на основе Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях 1996 года (совместно с Кыргызской Республикой), страны подписали Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 года [414]. Данный договор обязывал государства-участники Таможенного союза довести дело до конца, то есть создать принципиально новое объединение по свободному экономическому сотрудничеству, не только в сфере таможенных правоотношений, но и в постепенном формировании условий для свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в государства-участниках.

Так, главы государств Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан и Кыргызской Республики 10 октября 2000 года в Астане подписали Договор об образовании Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС). Анализ международного договора показывает, что большинство вопросов в нем остались нерешенными, но цели оставались неизменными: «... Евразийское экономическое сообщество создано для эффективного содействия процессу формирования Таможенного союза и единого экономического пространства договаривающимися сторонами...». Однако следует отметить, что это интеграционное объединение обладало международной правосубъектностью (статья 11 Договора). В договоре ничего не было прописано относительно развития межгосударственных принципов, при этом все институты действовали на основе межправительственного подхода (статьи 4–8 данного договора) [415].

Несмотря на все предпринятые усилия сторон, интеграция застопорилась на этапе «продвижение процесса формирования Таможенного союза» вплоть до конца первой декады 2000-х годов. Конечно, стоит упомянуть, что в 2006 году в рамках ЕврАзЭС был создан Евразийский банк развития (далее ЕБР) [416] (Кыргызская Республика присоединилась к деятельности ЕБР в 2011 году), однако каких-либо конкретных мер по запуску Таможенного союза на практике также предпринято не было.

Однако глобальный финансово-экономический кризис 2007–2009 годов придал мощный импульс евразийской интеграции и, в частности, созданию Таможенного союза. Падение цен на экспортируемое сырье, снижение ВВП государств-членов и девальвация национальных валют в конечном итоге вынудили членов Евразийского экономического сообщества принять конкретные меры. Важно отметить начало работы Комиссии Таможенного союза (при поддержке Секретариата ЕврАзЭС), которая, по сути, стала прототипом Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). В контексте этого института Таможенного союза можно говорить о формировании межгосударственных принципов, поскольку Комиссия Таможенного союза выполняла координационные и контрольные функции на данном этапе интеграции (2007–2012 годы).

Как и требовалось, прежде чем присоединиться к Таможенному союзу предшествовала работа по изучению данного вопроса и широкого обсуждения со всеми заинтересованными сторонами внутри страны. Проводилась специальная работа со стороны Правительства Кыргызской Республики для проведения предварительного анализа договорно-правовой базы Таможенного союза, ее сопоставления с национальным законодательством. Упор был сделан на открытость обсуждения этого вопроса внутри Кыргызстана, а также перспектив членства государства в евразийском интеграционном проекте. Как было изначально предусмотрено, государства Таможенного союза были и остаются важнейшими торгово-экономическими партнерами Кыргызской Республики.

После оформления и запуска Таможенного союза можно констатировать интеграционный прорыв в рамках сложившегося «Евразийского ядра». Так, 18 ноября 2011 года главы государств России, Беларуси и Казахстана подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции [417]. На основе этой декларации была открыта возможность формирования Единого экономического пространства (далее ЕЭП), способствующая созданию «общего рынка» для обеспечения свободы передвижения товаров, услуг,

капитала и рабочей силы. Кроме того, в декларации было закреплено намерение сторон договора завершить к 1 января 2015 года кодификацию международных договоров, составляющих правовую базу Таможенного союза и единого экономического пространства, и на этой основе создать Евразийский экономический союз. Таким образом, процесс присоединения Кыргызской Республики к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации был запущен еще в 2011 году.

С 1 января 2012 года ЕЭП начало действовать на практике, а также вступили в силу 17 соглашений, составляющих основу ЕЭП. Эти соглашения регулируют ряд ключевых тем экономической интеграции, таких как координация макроэкономической политики, вопросы трудовой миграции, принципы и правила конкуренции и т.д.

Таким образом, соглашения о ЕЭП дополнили стандарты Таможенного союза и создали нормативную базу для функционирования общего рынка. Позже они были расширены и кодифицированы в Договоре о Евразийском экономическом союзе (Договор о ЕАЭС) и приложениях к нему.

Важно отметить, что именно на этом этапе углубления евразийской интеграции появился первый межгосударственный орган – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), – обладающий компетенциями исполнительного органа нового интеграционного объединения. Этот орган также был закреплен юридически в Декларации о Евразийской экономической интеграции 2011 года и непосредственно приступил к работе 2 февраля 2012 года. ЕЭК стала платформой для развития ЕЭП, а также центром аккумулирования идей по развитию интеграции, унификации договорно-правовой базы ЕЭК и ЕЭП и подготовки необходимых международных договоров ЕАЭС.

Таким образом, ЕврАзЭС стал своеобразной «дорожной картой» на пути к ЕАЭС, поскольку именно на его ресурсах функционировали Объединенный экономический совет, а затем и ЕЭП, которые вместе привели евразийскую

тройку к новому этапу углубления интеграции – Экономическому союзу [418, с. 5]. ЕЭК стал центральным межгосударственным органом системы институтов ЕАЭС, наделенным рядом компетенций и полномочий в экономической сфере и демонстрирующим не только глубину евразийской интеграции, но и определенную перспективу в стремлении к наращиванию интеграции.

Участие Кыргызской Республики в ЕАЭС стало непреложным фактом, и оно было продолжением его участия в интеграционных проектах на пространстве СНГ, соответствует национальным интересам и ориентирован на повышение конкурентоспособности национальной экономики и улучшение благосостояния граждан, в том числе работающих за пределами государств СНГ [419, с. 11].

Первоначально о своих намерениях Кыргызская Республика объявила 12 апреля 2011 года, начался процесс присоединения к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. В связи с этим было принято Решение Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 19 мая 2011 года № 558 «О присоединении Кыргызской Республики к Таможенному союзу в рамках ЕврАзЭС», секретариатам Интеграционного комитета ЕврАзЭС и Комиссии Таможенного союза поручено изучить данный вопрос и подготовить соответствующие предложения.

Решением Межгосударственного совета ЕврАзЭС от 19 октября 2011 года был создан рабочий штаб, который должен был проводить работу по интеграции Кыргызской Республики к Таможенному союзу.

В течение 2012 года были проведены 4 заседания (12 мая 2012 года, 13 июня 2012 года, 10 августа 2012 года и 12 ноября 2012 года) по обсуждению вопросов по условиям вступления Кыргызстана и его участие в деятельности интеграционного объединения.

Пятое заседание 27–30 марта 2013 года было посвящено детальной подготовке проекта плана действий («дорожной карты») по присоединению

Кыргызской Республики к Таможенному союзу Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации в соответствии с решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 октября 2012 года № 82.

Председатель исполнительного органа ЕЭК и первый заместитель Премьер-министра Кыргызской Республики 31 мая 2013 года в городе Минске подписали Меморандум об углублении сотрудничества между Евразийской экономической комиссией и Кыргызской Республикой [420]. В соответствии с этим меморандумом кыргызской стороне было предоставлено право участвовать в заседаниях Высшего Евразийского экономического совета, Совета и Бюро Евразийской экономической комиссии, а также был назначен представитель Кыргызской Республики при Евразийской экономической комиссии.

В 2013 году проводилась работа по присоединению Кыргызстана в Союз и в целом в том году было проведено несколько заседаний рабочих групп. Так, 6 июня 2013 года в Москве состоялось 6-е заседание рабочей группы. На этой встрече были обсуждены позиции сторон по проекту «дорожной карты» и определены дальнейшие направления работы по основополагающим документам.

15 августа 2013 года в Москве состоялось 7-е заседание рабочей группы по присоединению Кыргызской Республики к Таможенному союзу. На заседании был рассмотрен проект «дорожной карты» по присоединению Кыргызской Республики к Таможенному союзу.

23 октября 2013 года в городе Минске состоялось 8-е заседание рабочей группы, на котором участники совещания, по существу, одобрили проект «дорожной карты», и данное событие стало поворотным в деле по вступлению Кыргызстана в Таможенный союз.

Далее, при участии представителей Кыргызстана в заседании Совета Евразийской экономической комиссии был одобрен проект «дорожной карты» для утверждения на уровне глав государств Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 19 ноября 2013 года № 72.

Кыргызская Республика предложила свои условия для вступления в ЕАЭС и передала Евразийской экономической комиссии свои комментарии и предложения на «дорожную карту», рассмотренного в ноябре 2013 года Советом Евразийской экономической комиссии. Для согласования позиций сторон было проведено 9-е заседание рабочей группы 3 апреля 2014 года в Бишкеке, где участники пришли к компромиссным решениям. На 10-м заседании рабочей группы, которое состоялось 12 мая 2014 года в Москве, был полностью одобрен окончательный вариант проекта «дорожной карты».

Как показывает опыт интеграции Кыргызской Республики в ЕАЭС изначально был утвержден план действий («дорожная карта») по присоединению Кыргызской Республики к Таможенному союзу, который был согласован на заседании Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, состоявшемся 29 мая 2014 года в городе Астане, и было принято решение Высшего Евразийского экономического совета № 74 от 29 мая 2014 года [421], а также Декларация глав государств Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. В заявлении глав государств было поддержано намерение Кыргызской Республики присоединиться к единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации и стать полноправным членом Евразийского экономического союза.

Важно отметить, что «дорожная карта» не является нормативным документом, хотя он стал ориентиром, где было предусмотрено, с одной стороны, унификация национального законодательства Кыргызской Республики с договорно-правовой базой Таможенного союза и, с другой стороны, приведение таможенной инфраструктуры Кыргызской Республики в соответствие с требованиями Таможенного союза. Из этого следует, что подобные документы, не обладая юридической силой нормативного правового акта, порождают правовые последствия, такие как обязательства сторон по исполнению принятых на себя обязательств.

Следующим шагом стало то, что в июне 2014 года, после совместного заявления глав государств ЕАЭС от 29 мая 2014 года, началась работа по присоединению Кыргызской Республики к единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации с учетом формирования Евразийского экономического союза.

В момент вхождения Кыргызской Республики в ЕАЭС был принят ряд документов принципиального характера как для нового члена, так и для ЕАЭС. Например, решением Совета Евразийской экономической комиссии от 23 июня 2014 года № 42 ранее существовавший рабочий штаб был преобразован в рабочий орган по присоединению Кыргызской Республики к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, с учетом формирования Евразийского экономического союза и его состав был обновлен и расширен. Рабочей группе Советом Евразийской экономической комиссии было поручено подготовить план действий («дорожную карту») по присоединению Кыргызской Республики к Единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации с учетом формирования нового Евразийского экономического союза.

Таким образом, на опыте присоединения Кыргызской Республики и Республики Армения в ЕАЭС было отработана «схема» принятие нового члена в ЕАЭС. В ускоренном темпе, в течение одного года рабочей группой в соответствии с дорожной картой, предложенной ЕЭК была завершена процедура по вступлению вновь принятого члена в новую организацию (это 11-е заседание – 7 июля 2014 года, город Москва и 12-е заседание – 11 августа 2014 года, г. Бишкек). 13-е заседание рабочей группы, которое было проведено 25 августа 2014 года подвело итоги по реализации дорожной карты, и на нем пришли к выводу о том, что все пункты дорожной карты по принятию нового члена выполнены.

Одной из заключительных процедур стало то, что «дорожная карта» была утверждена на заседании ВЕАЭС на уровне глав государств, которое состоялось в Минске 10 октября 2014 года, и решением № 75, а также декларацией глав Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации была принята. В заявлении тогда было поддержано намерение Кыргызской Республики стать полноправным членом ЕАЭС.

По сути, это была поэтапная работа, которая показывает классический подход к принятию нового члена в международную организацию. Так, «дорожная карта» определяла комплекс мер, которые должны быть приняты Кыргызской Республикой в сотрудничестве с Евразийской экономической комиссией и странами «тройки» для присоединения Кыргызской Республики к договорно-правовой базе единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.

Кыргызстан совместно с ЕЭК в сотрудничестве со сторонами приступил к активной работе по реализации двух «дорожных карт» с целью их скорейшей реализации. Надо отдать должное тому, что кыргызская сторона вела очень активную и тщательную работу по подготовке необходимой нормативно-правовой базы для присоединения к ЕАЭС, учитывая при этом общественное мнение, одновременно проводя с противниками интеграции соответствующую разъяснительную работу. Таким образом, в конце 2014 года велась работа по подготовке Договора о присоединении Кыргызской Республики к Договору о ЕАЭС. Кыргызская Республика выразили свое намерение подписать договор о присоединении до конца 2014 года.

Знаковым стало событие, когда 23 декабря 2014 года в Москве был подписан Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 года. По решению Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года Евразийской экономической комиссии совместно с правительствами государств-членов ЕАЭС и Кыргызской Республики было поручено обеспечить подготовку и подписание протоколов к Договору о присоединении, определяющих особенности

переходного периода для Кыргызстана, к 1 марта 2015 года, со вступлением в силу Договора о присоединении и протоколов в одном пакете не позднее 8 мая 2015 года [422].

Кыргызская Республика стала пятым членом Евразийского экономического союза, когда 12 августа 2015 года Договор о присоединении Кыргызской Республику в ЕАЭС вступил в юридическую силу.

Договор о ЕАЭС как новое явление в межгосударственных отношениях, особенно на постсоветском пространстве становится документом исторического значения. Государства-участники, несмотря на все трудности, которые возникают в процессе их совместной работы, намерены дальше углублять сотрудничество по тем направлениям, которые предусмотрены в учредительных договорах. Надо признать, что деятельность ЕАЭС носит больше всего экономический уклон, хотя не исключается в будущем он станет прототипом нынешнего Европейского союза на пространстве Евразии. Для этого предстоит пройти несколько этапов по более тесному сближению не только экономик, но самое главное – сближение правовых систем, законодательства, которое будет прочно скреплять те достижения в рамках совместной деятельности. Все больше новых сфер и направлений будут унифицированы в соответствии с достигнутыми соглашениями.

Как предусмотрено в переходных положениях Договора о ЕАЭС, государства-участники имеют право в одностороннем порядке предоставлять торговые преференции третьей стороне, несмотря на положения статьи 35 Договора, на основе международного договора этого государства-члена с такой третьей стороной или международного договора, участниками которого являются все государства-участники, заключенные до 1 января 2015 года. Признание общепризнанных норм и принципов международного публичного права частью правовой системы Кыргызстана проложило путь к участию в деятельности международного сообщества и активному участию в разрешении международных проблем [423, с. 28].

Примеры других интеграционных групп показывают, что тщательная унификация нормативно-правовой базы может значительно увеличить эти потоки, о чем свидетельствует опыт Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и Европейского союза. Соглашение НАФТА, вступившее в силу в январе 1994 года, включало 900-страничный раздел о гармонизации правовой базы, в соответствии с которым все страны-участницы были обязаны унифицировать свое национальное законодательство [424, с. 41–52]. В Мексике доля прямых иностранных инвестиций в ВВП увеличилась с 1,1 % в 1980–1985 годах до 1,2 % – в 1985–1993 годах и достигла 3,0 % – в 1994–2001 годах [425]. Не так давно те же тенденции можно было наблюдать в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), целью которой являются развитие сотрудничества между странами и поддержка интеграции в экономической, политической, образовательной, социокультурной областях, сфере безопасности и обороны [426].

Так, например, на инвестиционные потоки между государствами Центральной Азии может положительно повлиять уверенность в приверженности открытости и стабильности, которую обеспечила бы унификация нормативно-правовой базы. Основанная на региональной интеграции унификация национального инвестиционного законодательства и передовой международной практики поможет укрепить доверие инвесторов. Удастся избежать дорогостоящей «гонки на выживание», в которую вовлечены страны, пытаясь стимулировать инвестиции в отсутствие гармонизации стимулов. Гармонизация инвестиционного климата, в то время как реформа регулирования может принести большие выгоды региону, координация требует времени и усилий и не должна приводить к отсрочке реформ в разных странах. По-прежнему существует значительный потенциал для улучшения инвестиционного климата в большинстве стран Центральной Азии, которые, следовательно, должны продолжать свои внутренние реформы, параллельно работая над гармонизацией изменений во всем регионе [427].

Таким образом, ЕАЭС как новый субъект межгосударственного сотрудничества образован для того, чтобы государства-участники могли реализовать свой внутренний экономический и интеграционный потенциал, главной его целью является создания условий и формирования общих рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы – движущей силы евразийского проекта. Основным вопросом повестки дня ЕАЭС сегодня являются постепенная «унификация и отмена нетарифных барьеров (далее НТБ) в торговле товарами и услугами, ликвидация изъятий из единого рынка, устранение противоречий в законодательстве государств-участниц и реализация единой и скоординированной экономической политики» [428]. Так, международная региональная кооперация возможна при условии, что они, то есть международные региональные организации, не должны иметь сложные бюрократические структуры, должно быть постепенное продвижение интеграционных процессов среди участников, а также необходимо учитывать уровень развития партнеров по организации [429, с. 435].

К сожалению, пока существующие барьеры служат разделителем взаимных потоков товаров и услуг между странами ЕАЭС, препятствуя развитию и сотрудничеству промышленности и экономики, а также снижая эффективность общего рынка.

Кыргызская Республика переживает аналогичные изменения, включая нововведения в законодательную базу, техническое регулирование и модернизацию таможенной сферы во взаимной торговле. В то же время некоторые нерешенные вопросы и проблемы для Кыргызстана, как и для всего интеграционного объединения на начальном этапе его развития, требуют особого подхода.

Проблемы взаимной торговли между странами ЕАЭС также кроются в существующих различиях между секторами экономики. Например, Кыргызстан и Армения являются сельскохозяйственными государствами, в то время как Беларусь, Казахстан и Россия являются промышленными странами. Сельское хозяйство, гидроэнергетика, горнодобывающая промышленность и

металлургия являются основными секторами экономики Армении и Кыргызстана. Торговый оборот между государствами-участниками ЕАЭС имеет большие трудности, из-за того, что они взаимодополняют друг друга. Несмотря на снятие тарифных ограничений во взаимной торговле, нетарифные ограничения еще остаются основным препятствием для расширения торговли, несмотря на положения ЕАЭС, тем самым препятствуя выходу на рынок новых товаров и перемещению иностранных товаров и торговых потоков между партнерами по интеграции. Что касается развития экспорта, то также имеются трудности республики, главным образом в отношении доступа к финансированию экспортных операций и бизнеса; эффективности производственной деятельности предприятий; человеческих ресурсов; стимулирования экспорта; инфраструктуры качества; транспортно-логистической инфраструктуры; продвижения на внешних рынках.

Устранение этих проблем повысит конкурентоспособность товаров и расширит экспортные возможности для ключевых секторов экономики республики. Меры технического регулирования являются основным инструментом вывода отечественной продукции на мировой рынок.

Соглашение ВТО о технических барьерах в торговле обязывает Кыргызстан как участника ВТО переходить к добровольной стандартизации, а также разработкой и установлением требований безопасности в технических регламентах, установлением форм оценки соответствия, отвечающих требованиям рынка, снижением административных барьеров и т.д. [430]. В таких случаях соотношение технических нормативных стандартов ВТО и ЕАЭС с законодательством Кыргызстана становится трудно реализуемым и неэффективным.

Как мы ранее отмечали, в будущем предстоит включать в Договор о ЕАЭС новые направления, например, вопросы, связанные с налоговой, бюджетной и денежно-кредитной политикой. Налогово-бюджетная политика и денежно-кредитная поддержка внешнеэкономических операций оказывают фундаментальное влияние на внешнеторговые операции.

Исследование показывает, что унификация законодательства в рамках ЕАЭС должна быть поэтапной и планомерной, то есть работа должна проходить на всех уровнях. Если структурно подойти к этому вопросу в первую очередь необходимо изучить развитие институциональных основ Союза. Основные органы ЕАЭС, такие как ВЕАЭС, Межправительственный совет, Суд ЕАЭС и ЕЭК за годы своего существования показали свою эффективность в практической деятельности. Ими проводилась работа по формированию права ЕАЭС. В этих условиях необходимо подвести промежуточные итоги по достижению целей Союза, которые были предусмотрены в Договоре о ЕАЭС.

Зеркальным исследованием должны стать сами государства, а также юридические и физические лица, которые непосредственно на себя испытывают изменения по итогам функционирования ЕАЭС. К сожалению, наблюдается большое количество препятствий во взаимной торговле, проблемы с транзитом товаров, доступом на внутренние рынки, «негласный запрет» на импорт конкретных товаров. В развитии интеграционных процессов, помимо вышеперечисленных проблем, существует комплекс проблем методологического и стратегического характера (согласованность и синхронность национальных интересов государств-членов интеграционного объединения; согласованность и синхронность в работе национальных экономических систем). При взаимных обменах государствами-членами последовательность в обмене статистической информацией также необходима для полной оценки выгод от участия. Следует также отметить несогласованность статистических данных по показателям импорта и экспорта стран ЕАЭС.

Унификация законодательства в государствах-участниках ЕАЭС осуществляется через большие трудности, которые в большинстве случаев объясняется тем, что стороны игнорируют договоренности в рамках Союза. Это мы видим, в тех условиях, когда встречаются разные подходы, например, в методах учета товаров статистическими органами являются одним из

факторов по расхождению данных по неточности и ненадежности учета товаров статистическими службами; а также импорт и экспорт контрабандных товаров. Принятая коллегией ЕЭК решение «Методология ведения статистики взаимной торговли товарами государств-членов Евразийского экономического союза» [431], согласно которой устанавливаются единые методологические подходы к статистике, соответствующие международному стандарту «Статистика международной торговли товарами: понятия и определения», сопоставимость официальной статистической информации государств-членов о товарах, перемещаемых между государствами-членами в рамках взаимной торговли.

Статистические данные государств-участников ЕАЭС применяют разные методологии во внешней торговле, применяя следующие подходы:

1) оценка стоимости товаров;

2) сроки учета товаров в импортных и экспортных операциях;

3) распределение товаров на различные категории (классификация товаров);

4) регистрация собственности с применением пороговых значений в статистике;

5) учет товаров с применением различных методологий;

6) искажение информации в документациях;

7) информация, содержащаяся в специальных органах.

Таким образом, чтобы решить, как показывает жизнь, перечисленные задачи без использования определенных инструментов, участникам интеграционного проекта придется долгое время разбираться с их последствиями.

Необходимо обратить внимание на следующие области взаимодействия:

1) всемерная поддержка предприятиям, которые задействованы в сфере экспорта и импорта товаров (т.е. соблюдение мировых стандартов качества; организация современных производственных мощностей по

соблюдения технических регламентов; консалтинг, информация и организация);

2) обеспечение признания государствами-участниками результатов испытаний продукции, получения сертификатов соответствия и знаков в аккредитованных лабораториях, подтверждающих безопасность товаров на основе усиления уровня унификации документов по техническому регулированию в рамках ЕАЭС;

3) для участников внешнеэкономической деятельности, налоговых органов и отслеживания товаров необходимо формирование цифровых систем идентификации;

4) национальные статистические органы стран ЕАЭС должны повысить качество и обеспечить отражение статистических данных о взаимной торговле;

5) унификация методологии и договорно-правовых документов по статистике государств-участников ЕАЭС и Департамента статистики ЕЭК

С усилением глобализационных процессов в мире государства усиливают взаимодействие во всех сферах в том числе, и в правовом регулировании межгосударственных отношений, которое непосредственно отражается во внутреннем праве государств в форме унифицированных норм.

Исходя из вышеизложенного, под унификацией следует понимать состояние законодательства разных государств в определенной области и соответствующие меры по их адаптации. Что касается законодательной функции, то она заключается в сведении в единую форму их структуры, их состава и их отдельных положений. Полная унификация и стандартизация законодательства разных стран невозможны по различным политическим, социально-экономическим, историческим, географическим, культурным и другим причинам. Например, даже в СССР не было единого уголовного кодекса, а были основы уголовного законодательства, на основе которых

были приняты уголовные кодексы союзных республик с учетом их особенностей.

На территории постсоветских государств сегодня необходимо изучать генезис законодательной системы. Распад СССР способствовал образованию нового независимого и демократического государства, такого как Кыргызская Республика, которая в полной мере начала коренные реформы в социально-экономической и правовой сферах. Сегодня Кыргызская Республика находится на переходном этапе своего развития, на пути к демократическому, правовому и социальному государству с реальной рыночной экономикой.

Так, бесспорным событием является то, что развитие законодательной системы Кыргызстана началось с принятия первой Конституции Кыргызской Республики 5 мая 1993 года [432].

Мы поддерживаем сторонников идеи о том, что законодательные акты должны разрабатываться на основе научно-обоснованной методологии. Многолетняя советская практика разработки законов на основе документов, присылаемых из центра, лишала республиканские органы возможности участвовать в оригинальном законодательном процессе. Это объясняет, почему даже сегодня нередко можно увидеть, как модельные законы стран СНГ или законы некоторых соседних государств, которые имеют мало общего с нашими реалиями, служат иногда основой для разработки законов Кыргызстана. Трудно не согласится с таким мнением, но в последнее время появилась тенденция самостоятельной разработки законопроектов. Это и показала работа Конституционного совещания [433], на котором был выработан проект Конституции Кыргызской Республики и вынесен на референдум 11 апреля 2021 года. В ходе работы Конституционного совещания был учтен опыт прошлого и настоящего, а также предпринята попытка внедрения в основной закон государства международного опыта с учетом совместимости его к условиям жизни современного общества.

Надо отметить, что влияние международного права на систему законодательства представляет собой вторую позитивную тенденцию Кыргызской Республики, которая проявляется в форме унификации законодательства.

Так, внешнеполитические действия Кыргызской Республики направлены на установление взаимовыгодных связей со всеми без исключения государствами и международными организациями, действующими по всем направлениям (международная безопасность, международная торговля, инвестиции, таможенное регулирование и другие) [434].

Также одним из важных направлений деятельности в обществе является сфера образования и науки. Как известно, образование и наука способствуют более свободному перемещению трудовых ресурсов в ЕАЭС путем унификации законодательства и регламентов, что, в свою очередь, приведет к созданию уникального рынка труда на территории ЕАЭС. Одной из гарантий для квалифицированных трудовых-мигрантов, которую содержит Договор о ЕАЭС является признание их дипломов о высшем образовании. Существенным прорывом в последнее время стало подписание Соглашения о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах-членах ЕАЭС [435], в котором ключевым моментом стала унификационная норма о том, что документы об ученой степени признаются соответствующими в государстве трудоустройства без проведения национальных процедур признания (статьи 4 и 5 Соглашения).

Так, некоторыми международными организациями проводится работа по формированию единого международного стандарта правового статуса ученых, хотя сравнительный анализ показывает отличия в подходах в разных государствах. Для дальнейшей унификации необходимо выработать единую терминологию и нормативную базу. Примером служит направленный на унификацию научного статуса Болонский процесс, который еще не достиг ожидаемого единообразия [436].

Для беспрепятственного осуществления трудовой деятельности гражданам государств-участников ЕАЭС создаются упрощенные условия без процедуры признания дипломов о высшем образовании установленного образца, выданные учебными заведениями государств-участников. Однако работники, подающие заявление для осуществления юридической, преподавательской, медицинской или фармацевтической деятельности в другом государстве-члене, могут быть признаны в соответствии с законодательством государства трудоустройства. Они должны пройти процедуру признания документов об обучении, установленную законодательством государства трудоустройства. Поскольку образование является одним из основных факторов, проведение воспитательной работы с работниками ЕАЭС, решение проблем в сфере образования являются важными направлениями сотрудничества между государствами-участниками ЕАЭС, в сфере занятости, способствующими адаптации работников и их семей в социально-культурной сфере.

Несмотря на условия, предоставляемые трудящимся в государствах-участниках ЕАЭС, не наблюдается поток работников, которые принимались бы на позиции, например, в высшие учебные заведения в качестве профессорско-преподавательского состава. На наш взгляд, вопрос не в самом Договоре о ЕАЭС (раздел 26), а в создании условий для тесного сотрудничества между вузами. Находим важным дополнить вышеуказанный раздел Договора о ЕАЭС дополнительной статьей 98-1 *«Гарантиях деятельности трудящихся государств-членов»* (Приложение 2). Принятые меры создадут необходимые условия для уверенной деятельности трудящихся, когда они будут выезжать за пределы своей страны.

Также важным направлением сотрудничества в рамках ЕАЭС является сфера налогообложения. Так, например, подоходный налог и косвенные налоги составляют основную часть доходов государственного бюджета. При сравнении объектов налогообложения они имеют сходные положения по налоговой базы, налогового администрирования и т.д. Для физических и

юридических лиц как резидентов, так и нерезидентов государств-участников ЕАЭС, занимающихся экономической деятельностью на пространстве ЕАЭС, установлены нормы налогообложения косвенными налогами для товаров, ввозимых извне на общих основаниях. Расхождения в налоговой системе, которые влияют на взаимную торговлю, заключаются главным образом в неравенстве налоговых ставок, например, ставок налога на добавленную стоимость, ставок акцизов на товары, различных перечнях товаров, облагаемых акцизным сбором и, прежде всего, в количестве и сумме предоставляемых льгот. Для сглаживания разных подходов и создания единых условий для ведения предпринимательской деятельности в Едином экономическом пространстве, Договором о ЕАЭС и нормативными правовыми актами, включенными в законодательство Союза, вырабатываются механизмы, которые сглаживают острые углы и способствуют взиманию косвенных налогов, устраняющие неблагоприятные условия, вытекающие из вышеупомянутых различий между налоговым регулированием и законодательством государств-участников [437].

Итогом работы в этом направлении стало:

– перенос контрольных мероприятий и таможенного оформления на внешние границы государств-участников ЕАЭС;

– во взаимной торговле государств-участников ЕАЭС выработаны и действуют единые положения налогового администрирования;

– во внутренней торговле государств устраняются барьеры, возникающие в налоговой сфере, убираются ограничения и привилегии для отдельных государств-участников ЕАЭС;

– для трудовых мигрантов государств-участников ЕАЭС создаются условия общего налогообложения (национальный режим) от их доходов;

– взаимный обмен данными между налоговыми органами государств-участников ЕАЭС в онлайн-режиме для эффективного налогового администрирования и отслеживания действий субъектов по оплате косвенных налогов в бюджеты государств-участников ЕАЭС.

Всем государствам-участникам ЕАЭС предстоит работа по определению основных направлений унификации налогового законодательства исходя из действующей системы налоговых правоотношений, которая будет способствовать устранению негативных факторов во взаимодействии национальных налоговых систем.

Совместная работа ЕЭК и государств-участников ЕАЭС по регулированию косвенных налогов даст возможность устранению двойного налогообложения унификации общих подходов в разработке и внедрение норм и правил по конкретным направлениям деятельности (акцизные сборы, ставки акцизов и другие). Предстоит также работа по сравнительному анализу налогового законодательства государств-участников ЕАЭС в части его изменений и дополнений, недостатков и преимуществ, сходства и различия [438].

На примере законодательства о транспортных перевозках грузов и пассажиров в Кыргызской Республике, которое регулируется Законом Кыргызской Республики «О транспорте» от 8 июля 1998 года, можно проанализировать, как проводится унификация законодательства в данной сфере.

Так, в Гражданском кодексе Кыргызской Республики в разделе «Совершенствование транспортного законодательства» предусмотрены лишь 17 статей, которые регулируют общие положения о перевозках, а развернутые нормы содержатся в уставах и инструкциях о транспортных правоотношениях [439, с. 38]. Нормативные правовые акты, регулирующие транспортные взаимоотношения, отстают от требований времени. Устав автомобильного транспорта, принятый еще во времена Киргизской ССР утратил свою силу [439]. Законы «Об автомобильном транспорте», «О транспортно-экспедиционной деятельности» нуждаются в доработке, и на их основе необходимо разработать новые правила перевозок автомобильным транспортом Кыргызской Республики.

Законодательство Кыргызской Республики коренным образом должно быть обновлено с учетом внутренних особенностей (автомобильные дороги республиканского и международного значения в большей части осложнены горным рельефом, что создает огромные риски их использования и эксплуатации), изменений в этой сфере в государствах-участниках ЕАЭС, а также это один важных видов транспорта, на долю которого приходится около 90 % перевозки как грузов, так и пассажиров. Для повышения безопасного использования транспорта в республике, ЕЭК было рекомендовано принять законы «О безопасности транспортных средств» и «О безопасности транспортных процессов». Данные рекомендации должны быть реализованы, так как они прямым образом влияют и на международные перевозки, которые осуществляются на основе международных транспортных конвенций, содержащих единые стандарты, единообразно определяющие условия международной перевозки грузов. В этих конвенциях предусмотрены такие условия, как принятие товаров к перевозке и их доставки в пункт назначения, ответственность перевозчика, разрешение споров между сторонами по вопросам перевозок на основе единых стандартов и норм. Немаловажную роль в таких ситуациях играют положения национального законодательства по регулированию противоречий международных договоров и внутригосударственных норм. Надо отметить, что договор международной перевозки имеет особенность применения соответствующих норм материального права в ходе его исполнения.

По данному вопросу представители Кыргызской Республики не стоят на стороне, и одной из активных организаций, которая проводит работу по присоединению к международным транспортным конвенциям, является «Кыргызинтранс» [441]. Ключевыми его документами являются Конвенция о договоре международной автотранспортной перевозки грузов (КДПГ) от 1956 года [442]; Таможенной конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП от 1975 года [443]; Таможенная конвенция ООН о временном ввозе дорожных транспортных средств для коммерческих целей от

18 мая 1956 года [444]; Международная конвенция о согласовании условий проведения контроля грузов на границе 1982 года [445] и др.

Надо отметить, что распад СССР привело к разрыву ранее установленных торгово-экономических отношений между бывшими союзными республиками. Кыргызстан также страдал от дезинтеграционных процессов, и предпринимал шаги по восстановлению прежних связей. Одним из таких попыток стало Соглашение о создании Единого экономического пространства между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан, подписанным 10 января 1994 года в городе Ташкенте, и решение о присоединении Кыргызской Республики к этому Соглашению на правах равноправного члена, подписанного 16 января 1994 года в городе Бишкек. Так, с целью определения механизма реализации статьи 4 вышеупомянутого Соглашения о взаимной отмене таможенного досмотра багажа и ручной клади граждан, таможни пошлины, последовательного снижения налогов, сборов и других ограничений, упрощения таможенных процедур, гармонизации таможенного законодательства, унификации форм документации для ведения таможенной статистики Правительство Кыргызской Республики приняло решение заключить между Государственной таможенной службы при Министерстве финансов Кыргызской Республики с Государственным налоговым комитетом Республики Узбекистан и Главным таможенным управлением Министерства финансов Республики Казахстан соответствующие соглашения и на их основании до 1 февраля 1994 года пересмотреть ведомственные нормативные документы, то есть упрощение таможенного оформления, беспошлинное перемещение товаров через таможенную границу Республики Казахстан и Республики Узбекистан, а также отмена таможенного досмотра багажа с 1 февраля 1994 года и ручной клади граждан [446]. Данное Соглашение показывает, что новые независимые республики постоянно стремились к интеграции в экономике и предпринимали попытки к разработке унифицированных международно-правовых документов, которые способствовали бы тесному взаимодействию заинтересованных сторон.

В современных условиях возрождение ранее утраченных контактов и укрепление взаимовыгодного сотрудничества на постсоветском пространстве получает новый импульс. Разработка и принятие новых правил и норм торгово-экономического взаимодействия предполагает параллельно сопровождать их унифицированными нормативно-правовыми документами, которые бы устраивало бы всех участников хозяйственной деятельности. В этом плане ЕАЭС предпринимает усилия по всем направлениям, и одно из решений – это систематическое обучение и разъяснение, что позволит отечественным экспортерам избежать значительных потерь, которые они несут сегодня, отправляя продукцию в страны ЕАЭС без надлежащей регистрации или отсутствия необходимых сопроводительных документов. Со стороны предпринимателей также должно быть «движение навстречу», также поиск актуальной информации и потребность в повышении квалификации. Несоблюдение новых торговых требований на рынке ЕАЭС и попытки поставлять продукцию без соответствующих сертификатов при отсутствии маркировки на упаковках или в просроченных документах приведут к убыткам. К сожалению, многие предприниматели из Кыргызстана, которые везут в страны ЕАЭС сельхозпродукцию сталкиваются с такими проблемами, и во многих случаях они вынуждены везти свои товары обратно из-за незнания новых правил и стандартов.

Но в последнее время появилась положительная динамика: и крупный, и средний бизнес адаптировались к новым реалиям и к новым условиям ЕАЭС, обучаясь и выделяя для этого необходимые ресурсы. В довольно трудном положении продолжает оставаться, в большинстве, малый бизнес. Для него очень трудно постоянно адаптироваться к новым условиям ведения торговли и логистики товаров.

Мы видим, что следующим этапом станет переход от общеобразовательных аспектов интеграции к специфической консультационной поддержке бизнеса, в первую очередь, индивидуальных

предпринимателей, для решения важных вопросов по отправке товаров на рынок ЕАЭС.

Участие Кыргызстана в ЕАЭС в первом периоде вынудило, с рисками для государственного бюджета, пойти в целом в направлении радикальной либерализации налоговой политики для поддержки бизнеса на этапе вхождения Кыргызстана в интеграцию с ЕАЭС.

Одной из принципиальных норм права ЕАЭС является допустимость применения санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер. Как предусмотрено в Договоре о ЕАЭС, в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, а также ветеринарно-санитарной, карантинной фитосанитарной безопасности в рамках Союза проводится согласованная политика в сфере применения санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер (пункт 2, статьи 56 Договора о ЕАЭС). Но исключением из этого стало правило, где указано, что каждое из государств-членов имеет право разрабатывать и вводить временные санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры (пункт 4, статьи 56 Договора о ЕАЭС). На практике это норма стала отчасти применяться правительствами государств-участников для защиты отечественного рынка от «конкурентов» из стран Союза. Такое положение дел не способствует созданию единого рынка товаров, тем более препятствует свободе передвижения товаров и грузов внутри ЕАЭС. Так, например, эквивалентность системы ветеринарного надзора (контроля), существенно влияет на рост местных предприятий в Регистре предприятий ЕАЭС. Это означает, что в ближайшее время стоит ожидать увеличения поставок продукции животного происхождения из Кыргызской Республики в страны ЕАЭС. Также существует острая необходимость в усилении работы надзорных органов Кыргызской Республики по наведению порядка на внутреннем рынке страны в части надзора за безопасностью продукции, поставляемой из стран ЕАЭС, а также по контрмерам и защите отечественного производителя. Кроме того, как мы

видим огромные выгоды, которые Кыргызстан получает от создания рынка труда, в том числе признание документов об образовании и социальных гарантиях, право оказывать медицинскую помощь гражданам Кыргызстана, которые там работают. Но дальнейшие действия должны быть направлены на создание внутри страны привлекательных условий для создания новых рабочих мест. В целом возможности, предоставляемые Кыргызстану при интеграции с ЕАЭС, должны быть максимально эффективно спроектированы на региональном уровне. В ЕАЭС основным показателем оценки экономического состояния регионов является валовый региональный продукт (далее ВРП) на душу населения в разрезе регионов.

Целенаправленно осуществляется процесс унификации межгосударственных правил ЕАЭС с национальным законодательством государства. Уровень компетенции государственных органов в переговорах по защите интересов страны на уровне ЕЭК значительно повышается. Основным достижением интеграции стало улучшение положения трудовых мигрантов в Российской Федерации и других государствах-членах ЕАЭС и преимущества входящих денежных переводов от трудовых мигрантов. Также можно ожидать соответствующих интеграционных эффектов Кыргызстана: от формирования единого энергетического рынка; выгоды от продвижения цифровой повестки ЕАЭС, создание к 2025 году единого рынка услуг и капитала.

За последние годы участники интеграционного объединения признают, что пришло время разработать общепризнанные (унифицированные) нормативно-правовые акты ЕАЭС по основным свободам (свободы передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы), которые станут катализатором развития для организации. Каждое государство-участник включает в свои концептуальные документы вопросы, связанные продвижением интересов в ЕАЭС. Так, например, на основе Плана мероприятий Правительства Кыргызской Республики на 2018 год по реализации Программы Правительства Кыргызской Республики «Единство. Доверие. Созидание» [447] было предусмотрено улучшить защиту прав

трудовых мигрантов Кыргызской Республики на территории государств-участников Евразийского экономического союза [448, с. 109]. Свобода передвижения рабочей силы для Кыргызской Республики – один из важных аспектов государственной политики. Предстоит большая работа по унификации не только национального законодательства, на и государств-партнеров, так как наши граждане – трудовые мигранты – в большей части нуждаются в единых правилах пребывания, которые способствовали бы улучшению их правового положения в принимающих государствах. Кыргызская Республика должна продвигать национальные интересы по части пребывания наших граждан в государствах-участниках ЕАЭС и предоставления им национального режима. Граждане Кыргызской Республики должны быть приравнены в правах и свободах, и которые должны быть обеспечено им в полной мере.

ЕАЭС – это международная региональная организация, которая будет постепенно расширять количество участников. В перспективе наблюдается присоединение некоторых стран, которые уже проявляют большой интерес к этому объединению. Одним из таких государств является Республика Узбекистан. Так, вне рамок интеграционных объединений для более полного укрепления двусторонних отношений между Кыргызстаном и Узбекистаном не хватает установления взаимовыгодных торгово-экономических связей в свете вступления Кыргызстана в ЕАЭС. В нынешних условиях ЕАЭС не исключает тесного взаимодействия государств-участников ЕАЭС с третьими странами [449, с. 123]. За последние годы Республика Узбекистан все больше проявляет свою заинтересованность в укреплении добрососедских отношений с Кыргызской Республикой. Идет совместная работа по обновлению двусторонней международно-договорной базы в сфере обороны и безопасности, торгово-экономического, культурно-гуманитарного и пограничного сотрудничества. С каждым разом увеличивается направления совместной деятельности, которые требуют правового регулирования. В этом процессе немаловажным является то, что, законодательство обоих государств

должны успевать совершенствоваться с учетом генезиса двусторонних отношений.

Надо признать, что к настоящему времени уровень унификации законодательства государств-участников ЕАЭС находится на начальном этапе. Предстоит большая совместная работа на всех уровнях, начиная исполнительных органов, органов Союза, юридических и физических лиц. Если до этого работа проводилась сверху вниз, то уже надо попробовать провести работу наоборот, – снизу вверх, то есть все принятые документы и решения проанализировать на предмет их соответствия реальным условиям государственной и общественной жизни. Подключать к этой работе независимых специалистов, которые будут оценивать и давать свои оценки состоянию дел. В то же время сложно прогнозировать выгоды, например, ожидаемые от увеличения экспортного потенциала при интеграции с ЕАЭС перед лицом сохраняющихся торговых вопросов. Решать эту проблему высшим государственным органам придется последовательно и методично. В этом ключе представляется необходимым вести прямые переговоры между государствами-участниками ЕАЭС на уровне глав государств и правительств, чтобы урегулировать вопросы, связанные с пропуском грузов на границе. Чтобы достичь желаемого результата предлагается заключать двусторонние соглашения, например, между Кыргызской Республикой и Республикой Казахстан по поводу пропуска грузов и товаров через контрольно-пропускные пункты. Надо признать тот факт, что чувствительные вопросы двустороннего характера должны быть на контроле у лиц, принимающих решение.

Участие Кыргызской Республики в деятельности ЕАЭС – это уникальный опыт по наращиванию потенциала взаимодействия в рамках интеграционного объединения. Ведется практическая работа всех министерств и ведомств по унификации не только принимаемых нормативных правовых документов, но и синхронизация их деятельности с правительствами государств-участников ЕАЭС.

Исходя из этого, предложения по новым проектам международных договоров, а также необходимость повышения квалификации и консультаций по изменению условий торговли и другим вопросам интеграции Кыргызстана в ЕАЭС – все эти инициативы должны исходить, в первую очередь, от субъектов, которые непосредственно занимаются этими вопросами и ответственны за итоги своей деятельности. То есть на всех уровнях государственного управления (министерства, ведомства, области и районы) должна проводится работа по внедрению унифицированных норм ЕАЭС и их использование на практической основе.

5.2. Роль и значение Договора о Евразийском экономическом союзе в развитии унификации законодательства Кыргызской Республики

Принятие Договора о ЕАЭС проходило несколько этапов и практически заняло несколько десятилетий. На финальном этапе принятия окончательного текста Договора было ясно, что Договор должен быть составлен в соответствии с нормами и принципами международного публичного права, в том числе с Уставом ООН. Также в процессе его разработки приняли во внимание участие его отдельных членов (Российская Федерация, Кыргызская Республика) в деятельности Всемирной торговой организации [450].

Структура Договора составлен таким образом, что отвечает требованиям, которое предъявляется современным международным организациям регионального характера. Договор о ЕАЭС состоит из следующих частей. Это:

1) Учреждение Евразийского экономического союза;

2) Таможенный союз;

2) Единое экономическое пространство;

4) Положения переходного и заключительного характера.

Так, Договор о ЕАЭС как международный договор состоит из 28 разделов которые включают 118 статей, а также 33 приложения. С момента принятия Договора Таможенный кодекс ЕАЭС стал одним из первых документов по унификации общесоюзного законодательства. Кыргызская Республика целенаправленно ведет работу по приведению национального законодательства в общий знаменатель с государствами-участниками ЕАЭС по тем сферам, которые являются приоритетными в рамках интеграционного объединения.

Необходимо отметить, что помимо основного Договора и приложений к нему было заключено еще два соглашения – Порядок осуществления международной деятельности от 23 декабря 2014 года № 99 и Порядок подготовки и заключения международных договоров Союза с третьими

сторонами 14 мая 2018 года. Эти два документа регулируют международную деятельность ЕАЭС, а также уполномочивают Высший Евразийский экономический совет как главный орган, состоящий из глав государств-членов, осуществлять контроль за разработкой и подписанием международных договоров, то есть договоры с третьими сторонами могут заключаться только с его согласия и по его мандату.

На наш взгляд, главными аргументами в пользу интеграции была возможность реализации важных инфраструктурных проектов и предоставление стратегических товаров по стабильным и более приемлемым ценам, особенно в контексте формирования в будущем с партнерами по ЕАЭС общих энергетических рынков (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты).

Ранее, в соответствии с Соглашением о зоне свободной торговли на территории СНГ от 2011 года, режим беспошлинной торговли не распространялся на полезные ископаемые и нефтепродукты. Условия поставки были предметом двусторонних соглашений между странами СНГ. Колебания цен на углеводороды болезненны и необходимы для развития экономики Кыргызстана. Более 90 % всех ГСМ поставляется в Кыргызскую Республику из Российской Федерации – это более 1 миллиона тонн в год. Также одним из оснований для вступления Кыргызстана в Евразийское интеграционное объединение стала возможность облегчить доступ на рынок страны товаров, в отношении которых, в соответствии с Соглашением о свободной торговле в рамках СНГ от 2011 года, применялись экспортные пошлины [451].

Также немаловажными были вопросы, которые были учтены Кыргызстаном перед выбором в пользу интеграции – это граждане Кыргызстана, работающие на территории Таможенного союза, и объем их денежных переводов, отправляемых в Кыргызстан. По оценкам экспертов, это около 1 млн человек, то есть каждый пятый житель страны (из них более 80 % уезжают работать в Россию и Казахстан) [452].

Денежные переводы граждан Кыргызстана, работающих в странах ЕАЭС, сопоставимы с доходами государственного бюджета и фактически обеспечивают внутреннее потребление в стране и покрывают от 50 до 75 % торгового дефицита республики.

По данным Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития [453], Кыргызстан имеет самый высокий уровень общественной поддержки интеграции по сравнению со странами ЕАЭС – 86 % (в Казахстане – 80 %, России – 78 %, Беларуси – 60 %, Армении – 56 %). В то же время в Кыргызстане поддержка участия страны в ЕАЭС одинаково высока среди всех возрастных групп населения. Также, по данным Института Гэллапа (Американский институт общественного мнения), в Кыргызстане в 2015 году 76 % респондентов поддержали вступление в Союз. Активная позиция деловых кругов страны, которые были задействованы в работе Межведомственной комиссии при Правительстве КР, ответственной за переговорный процесс о присоединении, сыграла важную роль в формировании позиции Кыргызстана по данному вопросу и вступления его в Таможенный союз. Таким образом, вопрос выбора интеграции в Кыргызстане рассматривался открыто, с участием представителей государственных структур, бизнеса и опираясь на объективный экономический анализ [454].

Для Кыргызской Республики участие в ЕАЭС создала условия для свободного передвижения капитала, товаров, рабочей силы, и услуг. В Кыргызстане за последние годы наблюдается естественный прирост населения, несмотря на миграционный отток в страны дальнего и ближнего зарубежья. По данным Всемирного банка, по количеству денежных переводов мигрантов в структуре ВВП страны-получателя Кыргызстан занимает одно из ведущих мест в мире, и оно составляет 1/3 часть ВВП республики. Такое положение дел требует адекватного подхода по правовому регулированию внешней трудовой миграции с учетом тех условий, которые появились у государства с участием его в деятельности ЕАЭС [455, с. 11].

По мнению большинства специалистов, положительной тенденцией является то, что полноправное участие Кыргызской Республики в деятельности ЕАЭС улучшило правовое положение не только отечественных трудовых мигрантов, но изменило ситуацию на рынке труда ЕАЭС, тем самым способствуя свободу их передвижения на евразийском пространстве. Постепенно идет работа по уравнению в правах и расширению возможностей социального обеспечения для трудовых мигрантов в интеграционном объединении.

Это закономерный процесс, и, как мы наблюдаем, повсеместно происходит жесткая государственная политика по защите отечественных производителей и собственного внутреннего рынка от конкуренции. Так, называемые «торговые войны» стали одним из инструментов устранения конкурентов на различных торговых площадках. В этих условиях государства-участники ЕАЭС должны выступать единым фронтом по совместной борьбе за место в мировом рынке товаров и услуг. Это достигается только путем взаимодействия и объединение усилий всех участников. На сегодняшний день наметилась тенденция по принятию действенных мер по наращиванию торгово-экономического сотрудничества ЕАЭС с третьими странами, такими как КНР, Индия, Вьетнам, Сингапур и другие.

Например, туризм как один из важных компонентов экономики Союза формирует единый рынок туроператоров и туристических агентств. В этом направлении требуются сделать конкретные шаги по разработке проектов, которые бы стали основой для взаимодействия между партнерами внутри интеграционного объединения. В финансовом плане важно, чтобы Евразийский банк развития (далее – ЕБР) нарастил усилия для финансирования подобных отраслей экономики. ЕБР как финансовый орган Союза должен стать стабильной и объективной площадкой по укреплению интеграционных проектов [456].

Также надо отметить, что трудности в разработке общих правил и решений могут быть устранены, если ЕЭК (Комиссия) будет наделена

дополнительными полномочиями для оперативного реагирования на возникающие разногласия в рамках компетенции Союза. От того как будут решаться в оперативном порядке проблемы, которые возникают повсеместно на просторах Союза, будет зависеть авторитет Комиссии, так и авторитет в целом и Союза.

Как любой международный орган ЕАЭС является бюрократическим аппаратом, создающим в отдельных случаях дополнительные трудности в международном взаимодействии. Необходимо выработать механизмы по быстрой, гибкой и мобильной работе органов Комиссии. В таких условиях работы на первый план выдвигается прозрачность и понятность для всех лиц, которые нуждаются в поддержке со стороны Комиссии. На всех этапах решения конфликтных ситуаций Комиссия должна показать свою эффективность [457].

На протяжении многих лет международные договорные институты различных типов – договоры, организации, режимы, конвенции и т.д. значительно возросли в количестве и значении. Параллельно с этим ростом в научной литературе по международным отношениям предпринимались последовательные волны попыток описать и объяснить институциональные явления. Действительно, международные институты часто оказывались в центре внимания ведущих теоретических дискуссий в этой области.

Тем не менее в этой научной литературе отсутствует общепринятое определение международного институтов, и это отсутствие имело несколько последствий. Этот термин часто используется для обозначения совершенно разных эмпирических явлений, таких как межправительственные организации, международные режимы и своды норм. Такая практика приводит не только к большому потенциалу для путаницы, но это означает, что результаты большинства исследований «международного института» применимы только к ограниченному набору институциональных форм. Например, по словам Джона Ричардса, «позитивная теория международных институтов», по сути, касается только межгосударственного регулирования. Институциональная система в

качестве правовой категории отражает внутреннее содержание ЕАЭС, и характеризует ее как межгосударственное интеграционное объединение, обладающее полномочиями по международно-правовому регулированию участников Союза [458].

ЕАЭС становится действенной международной региональной экономической организацией, активно продвигающей вопросы экономики и интеграции на просторах СНГ [459]. Изначально она была оформлена как Таможенный союз трех государств (Российская Федерация, Беларусь и Казахстан), с 1997 года – по формированию единого экономического пространства. С того времени «ускоренная интеграция» прошла несколько этапов своего развития, – это и ТС, и ЕврАзЭс и ЕЭП.

В соответствии с Договором о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанному в городе Москве 23 декабря 2014 года [460] Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, с одной стороны, и Кыргызская Республика, с другой стороны, нацелились на развитие более тесной интеграции, сближению экономик, социального прогресса и улучшения благосостояния народов. Также были приняты во внимание, подписанное 10 октября 2014 года Договор о присоединении Республики Армения к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 года [461]. Далее, в общем контексте предусматривался внесение изменений в Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 года, с учетом того, что международные договоры, на базе которых осуществлялось формирование договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, стали основой Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 года. Также было констатировано готовность Кыргызской Республики к выполнению обязательств, предусмотренных указанными международными договорами, учитывая ход работы по выполнению Кыргызской Республикой необходимых мероприятий по присоединению Кыргызской Республики к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской

Федерации, Договором Кыргызская Республика присоединилась к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, а также к другим международным договорам, входящим в право Евразийского экономического союза.

Реализация Кыргызской Республикой отдельных норм Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 года и других международных договоров, упомянутых в приложении к Договору, осуществлялась в соответствии с условиями и переходными положениями, определенными отдельным протоколом, который стал неотъемлемой частью Договора [462].

В таких условиях, как и все международные договора Кыргызской Республики, Договор о ЕАЭС рассматривался на предмет соответствия нормам Конституции Кыргызской Республики. Так, Протоколом о внесении изменений в Протокол об условиях и переходных механизмах реализации Кыргызской Республикой Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, отдельных международных договоров, являющихся частью законодательства Евразийского экономического союза, и актов органов Евразийского экономического союза в связи с присоединением Кыргызской Республики к Договору о ЕАЭС от 8 мая 2015 года, было отмечено, что Договор о ЕАЭС не противоречит основному закону.

На начальном этапе Кыргызской Республике как новому участнику Союза предоставили возможность постепенного ее включения во все механизмы и процедуры. Но это не касалось работы по унификации законодательства, так как это объемная и комплексная работа, которая ведется по сегодняшний день без остановки.

В соответствии с Приложением 2 к Протоколу об условиях и переходных механизмах реализации Кыргызской Республикой Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года к отдельным международным договорам, составляющим часть законодательства Евразийского экономического союза и актов органов Евразийского экономического союза в связи с присоединением Кыргызской Республики к Договору о ЕАЭС от 29

мая 2014 года, решением Совета Евразийской экономической комиссии от 30 июня 2015 года № 68 утвержден перечень товаров и тарифов, в отношении которых Кыргызская Республика уполномочена применять Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

В список вошли 166 позиций продукции пищевой промышленности, средств защиты растений от вредителей, болезней и сорняков, сельскохозяйственной техники, медикаментов, изделий медицинского назначения, ветеринарных препаратов, а также комплектующих материалов для крупнейших компаний страны. В список включены товары и сырье, которые являются жизненно важными и стратегически необходимыми, которые не производятся в Кыргызской Республике и которые импортируются в основном из третьих стран.

Кыргызская Республика как участник интеграционного объединения принимает решения с учетом национальных интересов и действует в защиту прав граждан Кыргызстана. Так, например, на заседании Совета Евразийской экономической комиссии, состоявшемся 12 декабря 2019 года в Санкт-Петербурге, между государствами-членами Евразийского экономического союза была достигнута договоренность о продлении для Кыргызской Республики срока действия перечня товаров и ставок, в отношении которых Кыргызская Республика применяет ставки ввозных таможенных пошлин, которые отличаются от установленных Единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза для товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (далее – ТН ВЭД ЕАЭС).

Благодаря усилиям правительства Кыргызской Республики до 31 декабря 2020 года был продлен период льготного ввоза отдельных основных товаров на территорию республики без уплаты таможенных пошлин на импорт ТН ВЭД ЕАЭС в бюджет Кыргызской Республики в соответствии с утвержденным перечнем.

Эта мера позволила определенным секторам экономики страны импортировать товары из третьих стран, которые не производятся в

Кыргызской Республике (продукция агропродовольственного сектора, фитосанитарные средства против вредителей, болезней и сорняков, сельскохозяйственная техника, медикаменты, изделия медицинского назначения, ветеринарные препараты, а также запасные части для крупных компаний в стране) по нулевым или сниженным ставкам ввозных таможенных пошлин в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС. В то же время некоторые основные продукты включены в перечень товаров и сырья, имеющих жизненно важное и стратегическое значение для Кыргызской Республики.

В условиях жесткой политической и экономической конкуренции на глобальном и региональном уровнях государствам и интеграционным объединениям предстоит принимать сложные решения. Так, ЕАЭС сегодня стоит перед выбором:

1) развиваться в соответствии с Союзным договором или

2) в соответствии с тенденциями современного мира.

Таким образом, в соответствии с Договором о ЕАЭС намечены положительные тенденции по развитию и гаранта обеспечения общих интересов государств-членов – Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации. Однако продолжающиеся процессы глобализации приводят к тому, что современные вызовы и факторы – меняющиеся условия мировой экономики, повсеместная цифровизация, кризис мирового развития – оказывают огромное влияние и давление на дальнейшее существование ЕАЭС.

В таких условиях необходимо укреплять эффективность и единство в принятии решений органами Союза. В настоящее время на первый план выходит институциональная устойчивость, которое будет способствовать перехода к следующему этапу интеграции, когда будут в полной мере учитываться интересы всех участников объединения. Полноценная работоспособность органов ЕАЭС в целом зависит от дополнительных компетенций, которыми они будут наделяться. В этом направлении диссертантом предлагается включить в статью 6 Договора о ЕАЭС

дополнительный пункт 5 следующего характера: *«В случае возникновения противоречий между решениями Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии Суд ЕАЭС выносит консультативное заключение».* Данное полномочие Суда будет способствовать развитию право Союза, а также будет создавать судебный прецедент урегулирования спорных вопросов между органами ЕАЭС.

Также история развития ЕАЭС показала, что необходимо придерживаться принципа последовательности в принятии решений в рамках организации. Так, практика применения Таможенного кодекса Таможенного союза, достигнутая в период Таможенного союза и Единого евразийского пространства, а также актуальность вопросов совершенствования процедуры совершения таможенных операций и более глубокого внедрения информационных технологий определили необходимость разработки Таможенного кодекса ЕАЭС [463].

Таким образом, Договор о ЕАЭС стал для Кыргызской Республики новым явлением, которое непосредственно стало частью законодательства Кыргызской Республики, так как оно прошло все этапы внутригосударственного оформления. Идет постепенный процесс разработки внутригосударственных норм по его унификации. Договор о ЕАЭС начал формировать условия для создания новой правовой категории – «право ЕАЭС», которое для всех государств-участников ЕАЭС стало юридической реальностью. Договор о ЕАЭС составляет фундамент права ЕАЭС. В соответствии с системой права Союза высшей юридической силой обладает Договор о ЕАЭС. Это вытекает из анализа пункта 3 статьи 6 Договора, в которой закреплено положение о том, что в случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и Договором приоритет имеет Договор, а решения и распоряжения органов Союза не должны противоречить Договору и международным договорам в рамках Союза, то есть данная норма стала ключевой в построении нового

интеграционного объединения, которое создаст предпосылки в унификации законодательства государств-участников ЕАЭС.

5.3. Проблемы исполнения положений Договора Евразийского экономического союза в Кыргызской Республике

Участие Кыргызской Республики в деятельности ЕАЭС не только способствует унификации законодательства и торгово-экономическому развитию, но и укрепляет культурно-гуманитарные связи, создает необходимые условия для тесного общения между гражданами государств-участников ЕАЭС.

Такому положению дел также способствуют ранее принятые нормативно-правовые акты парламентами государств-участников ЕврАзЭС, которые сблизили законодательства интегрирующихся государств. Так, за период работы Межпарламентской ассамблеи ЕврАзЭС было принято около 80 типовых проектов законодательных актов, и нормы, содержащиеся в нем открыли возможности сближения национального законодательства государств-участников в различных сферах деятельности [464].

Участвуя в евразийской экономической интеграции, Кыргызстан направляет свое экономическое развитие с перспективами углубления интеграции в рамках ЕАЭС. Как полноправный член Союза, Кыргызская Республика имеет равные права и возможности с другими государствами-членами Союза для реализации собственных инициатив и влияния на будущее всего экономического союза. В случае возникновения спорных вопросов относительно реализации Договора, международных соглашений в рамках Союза и решений органов Союза Кыргызстан имеет право обратиться в Судебный орган Евразийского экономического союза.

Например, Кыргызской Республике как полноправному члену ЕАЭС, требуется принятие предпринимательского кодекса. Такой вывод основан на том, что развитие предпринимательских отношений, а также бизнес-сообществ нуждается в гармонизации разрозненных нормативно-правовых актов в сфере предпринимательской деятельности, создания благоприятных условий для ведения бизнеса, и на основе этого создание возможности

привлечения иностранных инвестиций в страну. Предстоит работа по консолидации всех отдельно действующих законодательных актов Кыргызской Республики в сфере предпринимательской деятельности, а также пересмотр организационно-правовых форм юридических лиц, и законодательного закрепления корпоративного управления. Таким образом, законодательство в сфере предпринимательства и инвестирования нуждается в качественном обновлении [465, с. 98–105].

Так, в начале 2017 года Кыргызская Республика, председательствующая в органах Союза, отметила приоритеты развития интеграционного объединения, реализацией которых руководил исполнительный орган Союза – Евразийская экономическая комиссия. Мы думаем, что необходимые преимущества для экономики страны будут еще более заметными, поскольку четыре свободы обеспечиваются внутри Союза, остальные исключения и ограничения устраняются и формируются общие рынки товаров, которые по-прежнему регулируются внутренними положениями. С точки зрения свободы передвижения товаров, помимо первоочередных шагов по снятию ветеринарного контроля на границе с Казахстаном и работы с партнерами в Союзе по устранению изъятий и ограничений на внутреннем рынке, перспективным направлением развития ЕАЭС, что в будущем может оказать положительное влияние на экономический рост Кыргызстана, станет формирование общих энергетических рынков (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты) Союза.

Запуск общего рынка электроэнергии ЕАЭС принесет конкретные выгоды для его участников, включая стабилизацию цен и повышение надежности энергоснабжения, повышение общественного благосостояния и совокупный рост ВВП в странах ЕАЭС за счет взаимного эффекта. Например, результаты членства в ЕАЭС как для Казахстана, так и для Кыргызстана по-прежнему неоднозначны. Казахстан выразил обеспокоенность тем, что различные инициативы и политика в ЕАЭС более выгодны для Российской Федерации, в то время как Кыргызстан указывает на несбалансированные

условия сотрудничества как с Российской Федерации, так и с Казахстаном. В союзе пяти государств серьезной проблемой, как и следовало ожидать, была огромная экономическая мощь России. Объемы торговли и экономики всех стран-участниц, вместе взятых (кроме России), по-прежнему эквивалентны лишь небольшой доле от объемов в России [466].

Надо отметить, что в современных условиях участие государств в деятельности международных организаций оформляются соответствующими правилами, которые содержатся в уставных документах таких организаций. Исходя из этого наступает правоспособность и дееспособность нового члена организации. Каждая международная организация особое внимание уделяет формальным условиям принятия нового участника организации, которое сопровождается определенными процедурами и условиями. Международные организации, которые действуют на постоянной основе предъявляют новым участникам жесткие требования по координации деятельности в сферах, где ведется совместная работа [467, с. 186].

В будущем для Кыргызстана предполагается увеличение объема взаимной торговли электроэнергией со странами ЕАЭС, а также будет развиваться транзитный потенциал электроэнергетической системы. Кроме того, обладая богатыми водными ресурсами, Кыргызстан имеет большой потенциал для развития «зеленой энергетики». Значительный импульс развитию экономики Кыргызстана придаст формирование общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов Союза, которые должны начать функционировать не позднее 1 января 2025 года. Поставка нефти по доступным ценам, а также предсказуемые цены станут ключевым фактором развития других взаимосвязанных секторов экономики Кыргызстана, обеспечат внутреннюю стабилизацию цен на топливо в условиях колебаний мировых цен на нефть и нефтепродукты, а также гарантии наполнения бюджета, что, в свою очередь, определит поступательное развитие экономики, реализацию социальных и оборонных программ [468].

Для республики открываются долгосрочные возможности по загрузке имеющихся нефтеперерабатывающих заводов. В свою очередь, это положительно скажется на развитии социальной сферы, поскольку будут созданы новые рабочие места, повысится благосостояние населения и увеличатся доходы государственного бюджета. Из-за снижения внутренних цен на газ в стране из-за частичного выравнивания цен с остальными странами ЕАЭС в рамках общего рынка и расширения объемов поставок ожидается снижение оптовых цен для различных категорий потребителей. Кроме того, возможно увеличение инвестиций в газовую отрасль Кыргызской Республики на 0,5–1 млрд долларов США за счет планируемой газификации регионов. Согласно инвестиционной программе ПАО «Газпром», ожидается, что к 2030 году около 400 населенных пунктов в 7 регионах в Кыргызской Республике будут получать газ, а в Бишкеке уровень газификации будет увеличен до 74 % [469].

Также для Кыргызстана важно сотрудничество по развитию общего рынка лекарств. По прогнозам ЕЭК с учетом роста внутреннего производства внутри Союза ожидается, что импорт лекарств из третьих стран сократится более чем на 30 %, и Кыргызстан имеет хороший потенциал в этой сфере. Кыргызстан может получить реальный доход от реализации мер по созданию единого рынка алкогольной и табачной продукции Союза, а также гармонизации ставок акцизов. Прогнозируется, что соглашения, учитывающие принципы налоговой политики государств-членов ЕАЭС в области акцизов на алкогольную и табачную продукцию, должны вступить в силу одновременно с Соглашением о регулировании алкогольного рынка в рамках Союза. Документы призваны создать условия для формирования единого рынка подакцизных товаров в ЕАЭС путем гармонизации (сближения) ставок акцизов на алкогольную и табачную продукцию на ближайшие пять лет. По мнению экспертов, для Кыргызстана эти шаги обеспечат благоприятные условия для развития легальных производителей и минимизируют объем нелегальной продукции и неконтролируемой приграничной торговли.

Большие возможности для Кыргызстана в области коммуникаций открываются с началом реализации согласованной транспортной политики Союза, утвержденной Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 года № 19. Ее начало позволит до 2025 года снять ограничения на перевозки всеми видами транспорта, сформировать единое транспортное пространство и общий рынок транспортных услуг в Союзе. Это создаст равные условия отечественным предприятиям и гражданам для доступа к рынку транспортных услуг Союза, свободного передвижения пассажиров, перемещения товаров и транспортных средств, что приведет к снижению транспортной составляющей в конечной цене товаров и увеличению движения людей. После вхождения республики в ЕАЭС наблюдается устойчивый рост грузопотока и грузооборота, что, в конечном итоге, приводит к увеличению доходов бюджета, доходов транспортных организаций и их эффективности разработки.

На общем рынке ЕАЭС прогнозируется спрос на продукцию легкой промышленности. В частности, к 2025 году в стране планируется создать швейный кластер на базе нескольких швейных технополисов (в апреле 2017 года в селе Военно-Антоновка Сокулукского района Чуйской области было выделено 50 га земли для создания швейного технополиса для 10 тыс. рабочих мест), фабрики по производству фурнитуры, тканей. Ощутимый интеграционный эффект ожидается в аграрном секторе с долей замещенного импорта в пяти странах из третьих стран от 0,1 % до 0,4 %. В целях развития экспортного потенциала сельского хозяйства до 2025 года в республике будет создана сеть торгово-логистических центров, которые смогут сортировать, концентрировать, калибровать, хранить и обеспечивать базовую переработку сельхозпродукции. Кыргызстан имеет большие возможности для развития собственных проектов в сфере информационно-коммуникационных технологий, тесно координируя свои шаги с партнерами по «пятерке» в рамках цифровой повестки Союза до 2025 года [470].

Также в рамках ЕАЭС Кыргызстан является участником Соглашения о зоне свободной торговли с Вьетнамом от 25 мая 2015 года [471], что открывает путь не только на рынок этой страны, но и в другие государства региона. В частности, у Кыргызстана есть потенциал для увеличения экспорта во Вьетнам сырого табака, алкогольных напитков, мяса крупного рогатого скота и молочных продуктов. В будущем зоны свободной торговли, созданные Союзом с Египтом, Израилем, Сингапуром, Ираном и Сербией, будут способствовать увеличению экспорта Кыргызстана.

Подписание таких контрактов позволит Кыргызстану подключиться к масштабным производственным кооперациям и цепочкам поставок, а также повысит конкурентоспособность отечественных производителей. Кыргызстан получает выгоды, участвуя в переговорном процессе по заключению соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китайской Народной Республикой. Здесь переговорные позиции Кыргызстана при обсуждении с КНР условий реализации крупных совместных инфраструктурных проектов на его территории поддерживаются авторитетом Евразийского экономического союза. Кыргызстан активно участвует в разработке списка совместных инвестиционных проектов, которые будут реализованы в рамках шагов по связыванию ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Наряду с реализацией евразийской интеграции у Кыргызстана есть перспективы противостоять глобальным вызовам и угрозам. В этом смысле выводы и рекомендации, содержащиеся в Отчете о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза, имеют принципиальное значение для республики. Евразийская интеграция не стала препятствием для углубления всестороннего взаимодействия Бишкека и Брюсселя [472]. Было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и Китайской Народной Республикой 17 мая 2018 года [473]. Это довольно содержательный документ по ключевым вопросам торгово-экономического сотрудничества на евразийском континенте. Участники

Соглашения подтвердили свои права и обязанности в отношении друг друга по Соглашению ВТО, а также по двусторонним соглашениям, участниками которых является государства-члены ЕАЭС и Китай, то есть постепенная унификация законодательства не только в рамках ЕАЭС, но и с третьей стороной – КНР. Для Кыргызской Республики данное Соглашение является главным ориентиром в процессе сотрудничества с третьими сторонами, в частности с КНР. Так как основной поток товаров и грузов идет из этой страны, и совершенствование законодательства в части соответствия его международным стандартам и требованиям будет способствовать развития социально-экономической жизни государства и общества.

Торгово-экономические отношения между ЕС и Кыргызской Республикой активизируются в рамках реализации положений Соглашения о партнерстве и сотрудничестве [474], а также стратегического документа «ЕС и Центральная Азия: Стратегия нового партнерства в действии» [475]. Эта Стратегия предусматривала сотрудничество и развитие отношений между Европой и Центральной Азией в области энергетики, борьбы с терроризмом и защиты границ, образования, развития законодательных норм и защиты прав человека. Также в январе 2016 года Кыргызстану был предоставлен статус во Всеобщей системе преференций ЕС (ВСП +), что создает для республики привилегированный доступ на рынок ЕС, а также дополнительные источники финансирования. Фактически, сейчас между Кыргызстаном и Европой осталась только одна таможенная граница – белорусско-польская [476].

Сегодня деятельность ЕАЭС и путь его развития до 2025 года определяется программным планом, предусмотренным Договором о Союзе. Однако процессы, происходящие в глобальной экономике и мировом порядке в целом, показывают, что к 2025 году будут большие изменения, чем это, казалось, в 2013 году, когда разрабатывался проект Договора о ЕАЭС. Таким образом, по некоторым направлениям интеграции странам-участницам не удается прийти к консенсусу, поэтому в Договор был включен ряд ключевых норм [477].

Такой стиль работы был выбран для того, чтобы посмотреть на реализацию стратегических направлений интеграции в процессе функционирования Союза и, при необходимости, впоследствии углубить интеграцию в определенных сферах и в большей степени вовлечь их в правовое поле государств-участников Союза. Другими словами, Союзный договор предусматривал разную степень интеграции четырех свобод. При этом цели Союза необходимы и будут непоколебимы – это создание условий для развития экономик государств-участников в интересах повышения уровня жизни населения, стремление к формированию единого рынка в рамках Союза, комплексная модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик.

Практическая реализация диспозитивных норм права Союза, то есть норм, не имеющих обязательной силы, создает все необходимые условия партнерства и планомерное выполнение задач, которые ставятся на перспективу в рамках интеграционного объединения.

Таким образом, «экономический союз», созданный на просторах Евразии как концептуальная основа интеграционного объединения в современных условиях предполагает обязательный учет потребностей граждан и субъектов экономики, и включает в себя следующие элементы:

– сотрудничество государств-участников по углублению интеграции в различных сферах экономики на основе Договора;

– дополнять сферы взаимодействия новыми отраслями экономики, которые непосредственно соприкасаются с целями Союза (цифровая трансформация экономик; свобода передвижения товаров, услуг, капитала, рабочей силы; трансграничные – приграничное и межрегиональное сотрудничество; туризм; экология; экономическая безопасность; образование; здравоохранение; спорт; научно-техническое сотрудничество и инновации; вопросы коммерциализации прав интеллектуальной собственности и другие);

– вовлекать государства – участников Союза – в передовые сферы взаимодействия, такие как космические исследования, ядерная энергетика,

нетрадиционные источники энергии, кибербезопасность и другие, которые станут необходимым условием углубленного сотрудничества по целям Союза;

– для качественного и современного принятия решений необходимо постоянное совершенствование институциональной структуры Союза по главным направлениям интеграции;

– создание условий по тесному взаимодействию с другими международными региональными организациями, такими как СНГ, ШОС для укрепления позиций на евразийском пространстве, которое в последующем создаст предпосылки глобального партнерства в суперконтиненте Евразия.

Таким образом, Кыргызская Республика придает особое значение интеграционным процессам, которые происходят в рамках ЕАЭС. Внедрение инноваций и передовых технологий в экономику страны требует постоянного совершенствования законодательства государства. В этом контексте предлагается создать научно-исследовательский центр, который будет выполнять работу по выработке прогнозов и аналитических документов, а также подготовке проектов нормативно-правовых документов по продвижению национальных интересов Кыргызстана на уровне органов ЕАЭС.

В последнее время наблюдается практическая работа по унификации законодательства со стороны исполнительных органов Кыргызской Республики. Так одним из подобных решений стало принятие постановления Правительства Кыргызской Республики «Об организации работы в рамках Евразийского экономического союза» от 9 марта 2020 года № 138. Данное постановление включает в себя документы практического плана.

Так, первым из них является Порядок подготовки предложений для рассмотрения на заседаниях органов ЕАЭС [478]. Это руководящий документ по взаимодействию Кабинета министров с ЕАЭС устанавливает правила подготовки уполномоченными государственными органами и иными организациями предложений для рассмотрения на заседаниях органов Евразийского экономического союза (ВЕАЭС, Межправительственный совет,

Комиссия, Суд ЕАЭС). Данный документ является принципиальным, на наш взгляд, так как исходя из накопленных предложений, будут учитываться интересы государства в интеграционном объединении, тем самым будет реализован процесс унификации законодательства.

В указанном Порядке все инициативные предложения для рассмотрения на заседаниях органов ЕАЭС должны быть подготовлены государственными органами самостоятельно, и это также касается других организаций и представителей субъектов предпринимательства. В Порядке указано, что государственные органы при подготовке инициативных предложений должны учитывать нормы Регламента работы Евразийской экономической комиссии, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98, Порядка внесения в Евразийскую экономическую комиссию предложений государств-членов Евразийского экономического союза об установлении ставок ввозных таможенных пошлин (включая сезонные), тарифных квот, случаев и условий предоставления тарифных льгот, утвержденным Решением Коллегии ЕЭК от 27 апреля 2015 года № 45, Порядка принятия Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров, утвержденным Решением Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 года № 284, Положения о порядке разработки, принятия, внесения изменений и отмены технического регламента Таможенного союза, утвержденного Решением Совета ЕЭК от 20 июня 2012 года № 48 и другими актами ЕАЭС.

При подготовке инициативных предложений заинтересованная сторона готовит справку с изложением сути предлагаемых к рассмотрению вопросов и обоснованием необходимости принятия предлагаемого решения органа ЕАЭС, расчеты и финансово-экономическое обоснование, содержащее описание экономического эффекта от реализации инициативного предложения и оценку его влияния на бюджет Кыргызской Республики, документы, предусмотренные по данному вопросу Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, международными договорами в

рамках Евразийского экономического союза и решениями органов ЕАЭС, проекты решений (распоряжений, рекомендаций) органов ЕАЭС и т.д.

Ключевыми органами по рассмотрению инициативных предложений и согласования с ними являются Министерство финансов Кыргызской Республики, Министерство юстиции Кыргызской Республики и Министерство иностранных дел Кыргызской Республики.

Вторым приложением является Порядок подготовки предложений об отмене (изменении) решений, принятых Коллегией Евразийской экономической комиссии [479]. В нем главная роль при принятии решений отводится Министерству экономики и коммерции Кыргызской Республики. Процедура, предусмотренная в указанном Порядке, больше всего носит технический характер, нежели подготовку принципиального документа с участием заинтересованных сторон.

Как и указывается в теоретических разработках, мы считаем, что эти два документа – Порядок подготовки предложений для рассмотрения на заседаниях органов ЕАЭС и Порядок подготовки предложений об отмене (изменении) решений, принятых Коллегией Евразийской экономической комиссии, являются одним из инструментов реализации унификации законодательства на международном уровне. На наш взгляд, данные Порядки требуют дополнения в части привлечения экспертов, ученых по подготовке научно-обоснованных и всесторонне выверенных инициатив. Поскольку участие Кыргызской Республики в Договоре о ЕАЭС носит не временный, а долгосрочный характер, необходимо использовать научный потенциал академического сообщества государства. Надо признать, что принимаемые документы в рамках ЕАЭС, а также связанные с ЕАЭС внутренние решения являются новым явлением в нормотворческой практике государств. Они непосредственно затрагивают интересы государства, а также юридических и физических лиц. Также они вносят новые правила и нормы в общественно-правовые отношения. Все эти изменения и дополнения должным образом восприняты и применяются в практической деятельности. Мы понимаем это

как обратное взаимодействие в рамках тех решений, которые принимаются в штаб-квартире ЕАЭС. Такая работа должна проводиться на постоянной основе.

Современное развитие международных отношений определяет, что при взаимодействии между государствами в ходе их участия в деятельности международных организаций прежде всего будет соблюдаться принцип равноправия. Это положение было заложено в основу всех ныне действующих организаций.

В статье 2 Устава ООН предусмотрено, что для достижения целей ООН все его участники будут придерживаться принципа суверенного равенства всех ее участников [480].

Если посмотрим Договор о Европейском союзе, то в статье 2 говорится о том, что одним из принципов деятельности ЕС является равенство всех его участников [481].

Теперь обратимся к Договору о ЕАЭС, где в статье 3 к основным принципам функционирования Союза относится обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов сторон.

На практике принцип равноправия в деятельности международных организаций достигается также путем формирования штата сотрудников секретариата из числа граждан – членов организации. На этот счет большинство современных международных организаций при привлечении сотрудников на работу строго соблюдают представленность людей из разных государств, континентов, а также национальностей.

ЕАЭС, на наш взгляд, тоже не должен стать исключением, а наоборот, показывать себя вполне востребованным в этом направлении. На постоянной основе набирать в штат сотрудников в ЕЭК и в аппарат Суда ЕАЭС на конкурсной основе, с учетом интересов участников организации. Как постоянно действующему органу к основным задачам Комиссии отнесены обеспечение условий функционирования и развития Союза, а также выработка

предложений в сфере экономической интеграции в рамках Союза. Комиссия также осуществляет свою деятельность на основе равноправия и учета национальных интересов государств-членов, а также открытости, гласности и объективности.

На наш взгляд, ключевой нормой в формировании штата сотрудников ЕЭК и аппарата Суда Союза является статья 9 Договора о ЕАЭС. Данная статья требует доработки в плане отбора кандидатов, для того, чтобы принцип равной представленности государств-участников в полной мере соблюдался. Необходимо также дополнить ее принципом равной возможности для участников конкурса. Конкурсные комиссии заседают по месту пребывания органов (Комиссия – город Москва, Суд ЕАЭС – город Минск), и многие кандидаты из других государств не могут подать документы и принять участие в конкурсе, так как одним из условий конкурса на вакантные должности в органы ЕАЭС является физическое участие кандидатов на должность. В итоге создается искусственный барьер для претендентов, которые могли бы принять участие и внести свой вклад в развитие ЕАЭС. Предлагается дополнить нормой, чтобы конкурсная комиссия проводила выездные заседания для отбора кандидатов, или проводила с конкурсантами работу в онлайн-форме.

В Кыргызской Республике исследователями изучается вопрос влияния права ЕАЭС на законодательство, в целом. Диссертант несколько лет (с 2017–2018 учебного года по настоящее время) преподает на основе разработанной рабочей программы специальный курс «Право ЕАЭС» для магистрантов по специальности «Международные отношения», «Международное право». На основе апробации материалов было подготовлено учебное пособие «Право ЕАЭС», которое было издано в 2019 году. По итогам этой деятельности можно констатировать тот факт, что право ЕАЭС – это объемное и новое явление в юридической науке, которое тесно переплетено с другими научными направлениями и носит междисциплинарный характер. Изучение права ЕАЭС является требованием времени, и в большей степени оно носит прикладной

характер, так как его наработки могут быть использованы в процессе принятия решений исполнительными органами государства. В частности, Кабинету Министров Кыргызской Республики предлагается учитывать и брать в расчет научно-обоснованные предложения экспертного сообщества. Также Кабинет Министров Кыргызской Республики и соответствующим министерствам необходимо активно работать с органами ЕАЭС, продвигать свои проекты решений по конкретным вопросам, выступать с готовыми инициативами по тем направлениям, в которых существуют вызовы и риски для законодательства Кыргызской Республики.

Заключение по пятой главе

Проведенное в пятой главе исследование позволяет сформулировать следующие **выводы:**

1. Современное развитие государства и права показывает нам, что суверенные государства, участвуя в межгосударственных объединениях, сталкиваются с вопросами самостоятельности в проведении своей внутренней и внешней политики. Очевидно, что результатами успешного интеграционного развития являются: создание конкурентоспособной среды, расширение производства в интегрируемых отраслях; новые рынки сбыта выпускаемой продукции, увеличение взаимной торговли; увеличение экспортных доходов от продажи товаров и услуг на мировых рынках и увеличение доли интегрирующихся государств в международной торговле; создание конкурентной среды, создание новых рабочих мест, сокращение безработицы и решение вопросов трудовых мигрантов. Исходя из национальных интересов Кыргызской Республики предлагается дополнить раздел 26 Договора о ЕАЭС статьей 98-1, которая способствовала бы созданию необходимых условий для трудовых мигрантов и их семей в защите их прав и законных интересов.

2. С момента интеграции Кыргызстана в ЕАЭС государство и общество пришли к выводу, что присоединение Кыргызстана к ЕАЭС – это не временное и краткосрочное явление, а переход к новой, интеграционной платформе будущего развития государства. Таким образом, Договор о ЕАЭС стал для Кыргызской Республики новым явлением, которое непосредственно стало частью законодательства Кыргызской Республики, так как оно прошло все этапы внутригосударственного оформления. Идет постепенный процесс разработки внутригосударственных норм по его унификации. Договор о ЕАЭС начал формировать условия для создания новой правовой категории – «право Союза», которое для всех государств-участников ЕАЭС стало юридической реальностью. Договор о ЕАЭС составляет фундамент права Союза. В соответствии с системой права Союза высшей юридической силой обладает Договор о ЕАЭС. Это вытекает из анализа пункта 3 статьи 6 Договора, в которой закреплено положение о том, что в случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и Договором, приоритет имеет Договор, а решения и распоряжения органов Союза не должны противоречить Договору и международным договорам в рамках Союза, то есть данная норма стала ключевым в построении нового интеграционного объединения, и которая создаст предпосылки в унификации законодательства государств-участников ЕАЭС. В таких условиях необходимо укреплять эффективность и единство в принятии решений органами Союза. В этом направлении предлагается включить в статью 6 Договора о ЕАЭС дополнительный пункт 5 следующего характера: *«В случае возникновения противоречий между решениями Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии Суд ЕАЭС выносит консультативное заключение»*. Данное полномочие Суда будет способствовать развитию права Союза, а также будет создавать судебный прецедент урегулирования спорных вопросов между высшими органами Союза.

3. Таким образом, Кыргызстан планомерно участвует в работе по совершенствованию Договора о ЕАЭС. Как видим, на примере стремительных изменений в мировой экономике и мироустройстве само содержание «экономического союза» становится более глубоким и емким, меняются его форматы и уровни сотрудничества по сравнению с 2014 годом должны соответствовать этим изменениям. С момента вступления Кыргызской Республики в ЕАЭС проводится работа по унификации законодательства государства в соответствии с требованиями интеграционного объединения. Также Кыргызская Республика планомерно участвует в работе по совершенствованию Договора о ЕАЭС. Кабинету министров Кыргызской Республики и соответствующим министерствам, и ведомствам надо уйти от практики исполнения «указаний» центральных органов ЕАЭС. Наоборот, следует продвигать национальные проекты решений по конкретным вопросам, выступать с готовыми инициативами по тем направлениям, в которых существуют вызовы и риски для экономики Кыргызской Республики. В этом деле представляется необходимым, чтобы работала группа экспертов-юристов, которые разрабатывали бы нормативно-правовые документы по унификации законодательства с учетом изменений и требований, возникающих в обществе и государстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе вышеизложенного в отношении унификации законодательства государств, можно сделать следующие выводы:

1. Так, унификация законодательства государств в теоретическом аспекте происходит с возникновением и развитием государств и его законодательной системы. За последние годы ученые с разных точек зрения рассматривали унификацию законодательства государств, но на данный момент появилась необходимость всестороннего исследования и разработки данной научной проблематики. В этом контексте необходимо объединить общие подходы исследования унификации законодательства и вести планомерную работу по его практическому применению в законотворческом процессе государств. Одной из таких работ может послужить проведение научно-практических семинаров и конференций по вопросам унификации законодательства, где будет происходить обмен мнениями и теоретическими разработками ученых, а также подробные исследовательские работы по указанной теме.

2. Унификация права во внутригосударственном и международном праве происходит путем принятия международных договоров, которые на разном уровне (двусторонние и многосторонние) реализуются заинтересованными сторонами. Процессы глобализации подталкивают участников международных отношений все более активно проводить работу по сближению правовых норм, если они не создают благоприятные условия для развития. Внутригосударственное право государств отчасти стало продолжением международно-правовых соглашений, так как обязательства, принимаемые государствами в рамках участия в этих соглашениях, предполагают их исполнение. В связи с этим проводится работа по сближению отраслевого законодательства государств, не только по содержанию, но и по стандартам, которые принимаются в рамках международных организаций.

3. Историко-правовой метод в юридической науке является определяющим и имеющим принципиальное значение, которое подтверждает общетеоретические подходы к исследованию вопросов. Историческая и логическая категории имеют общее методологическое значение для юридической науки в целом. Прежде всего потому, что они служат ориентиром для познания сущности государства и права, общих законов их исторического развития. Исторический подход исследования государства и права является основой для выявления закономерностей в развитии законодательства государств, которые имели тенденцию на сближение и обмена опытом. Процесс формирования и реализации права также подчинен общим требованиям неразделимости исторического и логического, и даже революционный переход от одного исторического вида права к другому содержит момент этого единства. В содержание проблемы взаимосвязи исторического и логического включены вопросы преемственности права других исторических типов, границ заимствованных принципов и норм, их приспособления к условиям других общественно-экономических формаций.

4. Метод сравнительно-правового анализа позволяет провести глубокий и всесторонний подход к изучению такого нового явления как унификация законодательства, особенно в рамках интеграционных объединений как ЕАЭС. Кыргызская Республика как полноправный участник международных отношений и субъект международного публичного права постоянно сталкивается с выбором участия в тех или иных проектах регионального и глобального масштабов. В таких условиях для принятия «единственного» правильного решения необходимо изучить опыт других государств и проведение сравнительно-правовых исследований. В любом случае, пройденный путь государств и народов – это своего рода получение собственного практического опыта, который позволяет государствам ориентироваться в сложных ситуациях по выбору исторического пути развития. Таким образом, ключевая роль сравнительно-правового метода заключается в том, что в процессе использования правовых норм идет

сравнение различных правовых систем (законодательство, правовые методы, правовая практика и т.д.). Выбранная автором научная проблема является в какой-то части междисциплинарным исследованием, которое с учетом текущего времени дополняет области, требующие научно-ориентированного подхода. В принципе, со стороны государства проводится работа по унификации законодательства, но отсутствует системность и последовательность для его упорядочения, выявления его закономерностей. Уникальность правовой системы Кыргызской Республики заключается в том, что перенимаются нормы и положения из других правовых систем таких как, – англо-саксонской, мусульманской, и внедряются в общественно-правовую жизнь. Данный метод широко применяется в условиях тесного взаимодействия в рамках международных интеграционных объединений.

5. Так, подписанные на основе Договора о ЕАЭС международные договора становятся частью национального законодательства и соответствуют нормам конституции государств-участников ЕАЭС. Вопросы приоритетности ратифицированных международных договоров не распространяются не только на действующие конституции, но и в полной мере охватывают конституционные законы государств-участников ЕАЭС. Это связано с особенностями ратификации как обычного законодательного процесса, а процедура принятия конституционных законов отличается, по крайней мере, требованием получения квалифицированного большинства голосов в парламенте. Действия Кыргызстана в сторону евразийской экономической интеграции определяет экономическое развитие с перспективами углубления интеграции вместе с ЕАЭС. Для реализации национальных интересов Кыргызская Республика с другими государствами-членами Союза выступает за равные права и возможности и влияния на будущее всего экономического союза, как его последовательный участник.

6. К задачам унификации законодательства государств-участников ЕАЭС относятся механизмы, применения международных норм и условий, представляющие взаимовыгодные условия по формированию единого

экономического пространства, принятые государствами-участниками ЕАЭС, а также создания новой модели торгово-экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС, оставляя за собой суверенные права и собственные национальные интересы. Интеграционное сотрудничество между Кыргызстаном и другими государствами ЕАЭС открывает возможность доступа к рынку с 200-миллионным населением и территорией, охватывающей 1/5 земного шара. В таких условиях для эффективного применения достижений в политической сфере необходимо объединить усилия совместной договорно-правовой деятельности государств-участников ЕАЭС. Необходимо ускорить процессы по разработке единых норм и законов по передовым направлениям совместной деятельности в ЕАЭС (налоговое, банковское, финансовое и другое законодательства).

7. Функционирование Суда ЕАЭС является фактором успешной правовой интеграции в рамках ЕАЭС. Целью деятельности этого Суда является обеспечение в соответствии с положениями его Статута единообразного применения государствами-членами и органами Союза следующих документов – международных договоров в рамках ЕАЭС, международных договоров Союза с третьей стороной и решения органов Союза. Толкование Судом правовых норм Союза является общеобязательным, что позволяет на данном этапе устранить противоречия в системе правового регулирования на уровне ЕАЭС. Однако мы отмечаем, что возможности Суда ЕАЭС пока не раскрыты. Если мы сравним его статус со статусом Суда Европейского союза, то увидим, что невозможно давать частичные заключения по запросу национальных судов в случае несовместимости применяемого стандарта с законодательством ЕАЭС.

8. Таможенный кодекс ЕАЭС становится основным правовым источником таможенного регулирования в границах ЕАЭС, вокруг которого формируется «Таможенное законодательство Союза». Таможенный кодекс ЕАЭС обладает наибольшей юридической силой и является базовым актом, устанавливающим правовую основу таможенного регулирования в рамках

ЕАЭС, и все таможенное законодательство, представляющее собой совокупность нормативных правовых актов, строится вокруг него в соответствии с принципом соответствия всех источников таможенного законодательства, которое является правовой гарантией единства системы таможенного регулирования в ЕАЭС. Таможенный кодекс ЕАЭС должен стать оперативным документом, реагирующим на все изменения в мировой экономике, и способствовать мобильному перемещению товаров и грузов через таможенную границу государств-участников ЕАЭС. Трансграничная торговля, которой способствует развитие онлайн-торговли через интернет нуждается в правовом регулировании для пополнения бюджета государств-участников ЕАЭС с учетом интересов всех сторон.

9. Все государства-участники ЕАЭС находятся на начальном этапе формирования «цифровой повестки», в таких обстоятельствах им предстоит взаимная помощь и поддержка, а также обмен опытом по положительным результатам. Так, диссертантом предлагается ввести в состав Комиссии нового члена Коллегии министра по цифровому развитию ЕЭК, который будет регулировать процессы цифровизации и создавать единые подходы и темпы цифровизации в государствах-участниках ЕАЭС. В этом контексте важно сближение законодательства и создание условий для унификации нормативно-правовых документов в заинтересованных сферах. Также цифровая трансформация нуждается в разработке и внедрении концептуальных документов, которая должна быть реализована путем применения механизмов планирования и нормативно-правового регулирования. Эффективность, инклюзивность и безопасность цифровых технологий возможно только тогда, когда будет обеспечена технологическая совместимость цифровых инфраструктур, платформ и решений в государстве и обществе.

10. Унификация международных договоров как один из методов унификации законодательства стала основой для создания и функционирования Европейского союза и была непременным условием в процессах интеграции независимых государств. ЕС и ЕАЭС являются

политико-правовыми и экономическими структурами, имеющие одинаковые цели по последовательности интеграционных шагов на пути реализации интеграционной программы. Оба интеграционных объединения начинали с интеграции торговой зоны и создания таможенного союза, далее, перешли к либерализации передвижения рабочей силы и капитала, а затем – к формированию более тесного партнерства на основе основополагающих договоров. На основе сравнения правовых систем ЕС и ЕАЭС мы приходим к выводу о том, что процессы унификации законодательства во многом отличаются и носят разноплановый характер. Так, ЕС имеет богатый опыт унификации нормативных документов, которые становятся едиными для всех его участников, а в ЕАЭС начинаются первые шаги в сторону унификации законодательства с определением средств и методов, а также выработкой общих правил, которые будут способствовать достижению уставных целей и задач.

11. С момента интеграции Кыргызстана в ЕАЭС государство и бизнес-сообщество пришли к выводу, что присоединение Кыргызстана к ЕАЭС – это не временное и краткосрочное явление, а переход к новой, интеграционной платформе будущего развития государства. Важно сделать вывод о том, что интеграция Кыргызстана в ЕАЭС определяет изменения в сфере государственного управления на всех уровнях. Очевидно, что результатами успешного интеграционного развития являются: создание конкурентоспособной среды, расширение производства в интегрируемых отраслях; новые рынки сбыта выпускаемой продукции, увеличение взаимной торговли; увеличение экспортных доходов от продажи товаров и услуг на мировых рынках и увеличение доли интегрирующихся государств в международной торговле; создание конкурентной среды, создание новых рабочих мест, сокращение безработицы и решение вопросов трудовых мигрантов. Исходя из национальных интересов Кыргызской Республики предложено дополнить раздел 26 Договора о ЕАЭС статьей 98-1, которая будет способствовать созданию необходимых условий для трудовых

мигрантов и их семей в защите их прав и законных интересов в государствах, где они будут осуществлять трудовую деятельность.

12. Укрепление международно-правовой модели ЕАЭС в соответствии с Договором о ЕАЭС требует существования и функционирования высокоэффективной институциональной системы. Таким образом, Договор о ЕАЭС стал для Кыргызской Республики новым явлением, которое непосредственно стало частью законодательства Кыргызской Республики, так как оно прошло все этапы внутригосударственного оформления. Идет постепенный процесс разработки внутригосударственных норм по его унификации. Договор о ЕАЭС стал платформой для создания общих правовых категорий внутри Союза, например, «право Союза», которое для всех государств-участников ЕАЭС стало юридической реальностью. Договор о ЕАЭС составляет фундамент права Союза. В соответствии с системой права Союза высшей юридической силой обладает Договор о ЕАЭС. Это вытекает из анализа самого Договора (пункт 3 статьи 6 Договора о ЕАЭС), то есть данная норма стала ключевым в построении нового интеграционного объединения, и которая создаст предпосылки унификации законодательства государств-участников ЕАЭС. Автор предложил включить в статью 6 Договора о ЕАЭС дополнительный пункт 5 следующего характера: *«В случае возникновения противоречий между решениями Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии Суд ЕАЭС выносит консультативное заключение».* Данное полномочие Суда будет способствовать развитию права Союза, а также будет создавать судебный прецедент урегулирования спорных вопросов между высшими органами Союза.

13. Евразийская экономическая интеграция становится дополнительным инструментом, направленным на обеспечение устойчивого развития Кыргызстана и достижение целей государства в долгосрочной перспективе. Также Кыргызская Республика планомерно участвует в работе по совершенствованию Договора о ЕАЭС. На наш взгляд, не надо ограничиваться

только программами, утверждаемыми органами Союза, необходимо предпринимать действия по тем вызовам, которые сопровождают Договор о ЕАЭС в период его совершенствования как правовой основы интеграционного объединения. Союз должен соответствовать глобальным тенденциям и быть востребованным для государств-участников, а также и для бизнес-сообщества на региональном и мировом уровнях. Таким образом, полная реализация действующих соглашений укрепит основы функционирования Союза, а отсутствие барьеров внутри Союза повысит уровень доверия государств-членов друг к другу. Кабинету министров Кыргызской Республики, соответствующим министерствам и ведомствам предлагается активно работать с органами ЕАЭС. Представляется необходимым продвигать национальные проекты решений по конкретным вопросам, выступать с готовыми инициативами по тем направлениям, в которых существуют вызовы и риски для экономики Кыргызской Республики. В этом деле нужно, чтобы работала группа экспертов-юристов, которые разрабатывали бы нормативно-правовые документы по унификации законодательства с учетом изменений и требований в обществе и государстве.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Практическое применение полученных результатов заключаются в следующем:

1. Целью унификации законодательства является обеспечение единообразия в правовом регулировании сходных или частично пересекающихся общественных отношений, которые устанавливаются в рамках современных интеграционных объединений. Появилась необходимость обоснованного научного подхода по глубокому исследованию тенденций законодательства по унификации с учетом международно-правовой практики. Развитие государства и права способствует совершенствованию государства и его законодательной базы. На данный момент предлагается всесторонне исследовать унификацию законодательства государств, и глубокая разработка данной научной проблематики. Общетеоретические и методологические подходы, накопленные в государствах за последние десятилетия, уже сегодня требуют иного подхода к решению этих вопросов. Историко-правовой, логический и сравнительно-правовой методы познания науки должны применяться через призму глобализации и регионализации международно-правовых отношений. В этом контексте необходимо объединить общие подходы к исследованию унификации законодательства и вести планомерную работу по его практическому применению в законотворческом процессе государств. Необходимо регулярно организовывать и проводить научно-практические мероприятия (семинары, конференции, круглые столы и др.) по вопросам унификации законодательства, где будет происходить обмен мнениями и теоретическими разработками ученых и специалистов. На базе учебных и научно-образовательных учреждений формировать научную школу по унификации законодательства.

2. Принятые в рамках Договора о ЕАЭС международные договоры, становятся частью законодательства Кыргызской Республики. Юридическая

сила Договора о ЕАЭС предопределяет активные действия Кыргызской Республики в сторону евразийской экономической интеграции, путем унификации законодательства с перспективами углубления интеграции вместе с ЕАЭС. Для реализации национальных интересов Кыргызская Республика с другими государствами-членами Союза должна продвигать идею равноправности в международных экономических отношениях, то есть подобные усилия должны предприниматься на всех уровнях взаимодействия (ВЕАЭС, ЕЭК, Суд ЕАЭС и др.), особенно в создании унифицированных норм ЕАЭС.

3. Принципиальная работа Суда ЕАЭС является фактором успешной правовой интеграции в контексте ЕАЭС. Для повышения авторитета Суда ЕАЭС предлагается расширить полномочия Суда ЕАЭС и дополнить подпункт 1) пункта 39 Статута Суда абзацем следующего характера: *«о соответствии решения Высшего Совета и Межправительственного совета или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза».* Данное изменение позволит Суду в полной мере реализовать судебные функции по формированию нового «общесоюзного законодательства» (унифицированного). Судьи Суда ЕАЭС, как субъекты судебной власти Союза будут работать над формированием нового формата разрешения споров и удовлетворения жалоб, а также нового стиля толкования норм международных договоров и актов Союза. Все это ускорит процесс тесного взаимодействия правовых актов Союза и национального законодательства государств-членов.

4. Вопросы цифровизации – это новое направление деятельности для всех государств-участников ЕАЭС. Существуют риски оттока квалифицированной рабочей силы, усиления влияния третьих стран в цифровом пространстве ЕАЭС, потеря конкурентоспособности товаров и услуг и угроза цифровой независимости государств-участников ЕАЭС. С чистого листа надо создавать унифицированное законодательство и нормативно-правовую базу для интеграции государств-участников ЕАЭС и осуществления цифровой

трансформации. Для успешного преодоления новых вызовов предлагается ввести в состав Комиссии нового члена Коллегии – министра по цифровому развитию ЕЭК. Этот новый орган будет способствовать налаживанию тесных связей с профильными министерствами государств-участников ЕАЭС.

5. Интеграция Кыргызской Республики в ЕАЭС определяет изменения в сфере государственного управления на всех уровнях. Надо отметить, что также происходят изменения в национальном законодательстве с учетом тех обязательств, которые принимает на себя государства в рамках участия в деятельности ЕАЭС. Так как трудовые мигранты за последние десятилетия стали предметом особого внимания государства, предлагается дополнить раздел 26 Договора о ЕАЭС статьей 98-1, которая будет способствовать созданию необходимых условий для трудовых мигрантов и их семей в защите их прав и законных интересов в государствах, где будут осуществлять трудовую деятельность.

6. Договор о ЕАЭС стал для Кыргызской Республики новым явлением, которое непосредственно стало частью законодательства Кыргызской Республики, так как оно прошло все этапы внутригосударственного оформления. Идет постепенный процесс разработки внутригосударственных норм по его унификации. Договор о ЕАЭС стал платформой для создания общих правовых категорий внутри Союза, например, «право ЕАЭС», которое для всех государств-участников ЕАЭС стало юридической реальностью. Договор о ЕАЭС составляет фундамент права Союза. В соответствии с системой права Союза высшей юридической силой обладает Договор о ЕАЭС. Это вытекает из анализа самого Договора (пункт 3 статьи 6 Договора о ЕАЭС). Автор предложил включить в статью 6 Договора о ЕАЭС дополнительный пункт 5 следующего содержания: *«В случае возникновения противоречий между решениями Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии Суд ЕАЭС выносит консультативное заключение».* Данное полномочие Суда будет способствовать развитию права Союза, а

также будет создавать судебный прецедент урегулирования спорных вопросов между высшими органами Союза.

7. Евразийская экономическая интеграция становится дополнительным инструментом, направленным на обеспечение устойчивого развития Кыргызстана и достижение целей государства в долгосрочной перспективе. Также Кыргызская Республика планомерно участвует в работе по совершенствованию Договора о ЕАЭС. При Кабинете Министров Кыргызской Республики предлагается создать Центр по унификации законодательства государств-участников ЕАЭС (далее ЦУЗ ЕАЭС, Центр). В деятельности ЦУЗ ЕАЭС будут участвовать независимые эксперты (юристы, экономисты, финансисты и др.), которые будут генерировать идеи и предложения по унификации законодательства с учетом изменений и требований в обществе и государстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Конституции Кыргызской Республики: закон Кырг. Респ. от 5 мая 2021 г., № 59 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru. – Загл. с экрана.

2. **Борубашов, Б. И.** Международное право [Текст]: общая часть: учеб. / Б. И. Борубашов. 2-е изд. перераб. и доп. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2018. – 328 с.

3. Евразия мейкиндигиндеги байланыштар бекемделет // Эркин Тоо. – 2023. – 26-майы. – С. 2.

4. **Ракимбаев, Э. Н.** Конституционно-правовые основы и генезис системы народовластия в Кыргызской Республике [Текст]: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01, 12.00.02 / Э. Н. Ракимбаев. – Бишкек, 2011. – 328 с.

5. В Архиве Министерства иностранных дел Кыргызской Республики насчитывается 8899 международных договоров и документов в рамках многостороннего сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mfa.gov.kg/ru/osnovnoe-menyu/vneshnyaya-politika/mezhdunarodnye-dogovory/mnogostoronnyaya-pravovaya-baza/ezhdogovora11. – Загл. с экрана.

6. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 гг.: утв. Указом Президента Кырг. Респ. от 31 окт., 2018 г., № 221 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.president.kg/sys/media/download/52135. – Загл. с экрана.

7. Концепция внешней политики Кыргызской Республики: утв. указом Президента Кырг. Респ. от 11 марта 2019 г., № 37 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045?cl=ru-ru. – Загл. с экрана.

8. О Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2026 года: утв. указом Президента Кырг. Респ. от 12 окт. 2021 г., № 435 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-

ru/430699?cl=ru-ru. – Загл. с экрана.

9. О ратификации Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках Содружества Независимых Государств, подписанной 7 октября 2002 года в городе Кишинев: закон Кырг. Респ. от 1 авг. 2003 г., № 185 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17311?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

10. О Кабинете Министров Кыргызской Республики: конституционный закон Кырг. Респ. от 11 окт. 2021 г., № 122 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112301?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

11. О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях и внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики: закон Кырг. Респ. от 28 окт. 2021 г., № 126 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/112305?refId=1127825 – Загл. с экрана.

12. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: решение ВЕАЭС от 11 дек., 2020 г. № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 – Загл. с экрана.

13. **Пирогов, А. В.** Межгосударственные экономические отношения: принцип суверенного равенства [Текст] / А. В. Пирогов. – Киев: Наукова Думка, 1987. – 87 с.

14. **Ударцев, С. Ф.** Международное и внутригосударственное право в контексте глобальных тенденций эволюции права [Текст] / С. Ф. Ударцев // Взаимодействие национального и международного права. Материалы круглого стола. – Астана, 2016. – 152 с.

15. **Потапенко, Е. Г.** Унификация права: понятие, формы, методы (в контексте исследования унификации цивилистического процессуального

права) / Е. Г. Потапенко // Изв. Саратов. ун-та. – Сер. Экономика. Управление. Право. – 2017. – Т. 17, вып. 3. [Электронный ресурс].

16. **Морозова, Л. А.** Теория государства и права [Текст]: учеб. / Л. А. Морозова. - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – 384 с.

17. **Нурматов, Т. А.** Международные договоры в правовой системе Кыргызской Республики (теоретико-правовой анализ) [Текст]: моногр. / Т. А. Нурматов – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 146 с.

18. О ратификации международных договоров по присоединению Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года: закон Кырг. Респ. от 21 мая 2015 г., № 111 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111154?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

19. О таможенном регулировании [Текст]: закон Кырг. Респ. от 24 апр. 2019 г., № 52 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111908#unknown – Загл. с экрана.

20. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеолог. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Росс. АН, Ин-т рус. яз., Росс. фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 2314 с.

21. Большой юридический энциклопедический словарь [Текст]: 2-е изд., перераб. и доп. / авт. и сост. А.Б. Бархин. – М.: Книж. мир, 2008. – 720 с.

22. Толковый словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова.– М., Рус. слов., 1995. - Т. 4. – С-Ящурный. – 754 с.

23. Словарь иностранных слов [Текст]: в 2 т. / под ред. Т. Н. Гурьевой.– М., 2002. - Т. 2. - М-Я. – 415 с.

24. **Скурко, Е. В.** Глобальная и региональная торгово-экономическая интеграция: Эффективность правового регулирования [Текст] / Е. В. Скурко. – СПб.: Изд-во Юрид. центр Пресс, 2004. – 297 с.

25. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова;

Росс. АН, Ин-т рус. яз., Росс. фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.

26. **Борубашов, Б. И.** Политико-правовая система кыргызского общества [Текст] / Б. И. Борубашов. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2021. – 446 с.

27. Большой юридический энциклопедический словарь [Текст]: 2-е издание, перераб. и доп. – М.: Книж. мир, 2006. – 792 с.

28. **Нурбеков, К. Н.** Русско-киргизский словарь-справочник юридических терминов [Текст] / [К. Н. Нурбеков, Р. Т. Тургунбеков, К. Альчиев и др.]. – Фрунзе: Илим, 1982. – 551 с.

29. **Арабаев, Ч. И.** Словарь юридических терминов по гражданскому праву [Текст] / Ч.И. Арабаев. – Бишкек: «Илим ж. билим беруу басма уйу», 2003. – 312 с.

30. О нормативных правовых актах Кыргызской Республики: закон Кырг. Респ. от 20 июля 2009 г., № 241 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minjust.gov.kg/ru/content/629 – Загл. с экрана.

31. **Джумагулов, А. М.** Формирование и развитие правовой политики Кыргызской Республики в сфере внешней миграции [Текст] / А. М. Джумагулов, Б. А. Шакиров // Бюл. науки и практики.– 2018. – Т. 4, № 5. – С. 509–517.

32. **Исманов, Т. К.** Деятельность правоохранительных органов при массовых мероприятиях [Текст] / Т. К. Исманов // Вестн. Кырг. Рос. Славян. ун-т – 2011. – Т. 11. – № 12. – С. 77–81.

33. **Арабаев, Ч. И.** Развитие юридического образования и науки в Кыргызской Республике [Текст] / Ч. И. Арабаев // Электрон. прилож. к Росс. Юрид. журн. – 2016. – № 2. – С. 17-21.

34. **Allen, R.** Law in the making [Text] / R. Allen. – London: Oxford University, 1961. – 645 p.

35. **Имре, Сабо.** Основы теории права [Текст] / Имре Сабо. – М.: Прогресс, 1974. – 270 с.

36. **Бидильдаева, Г. А.** Конституционное законодательство

Кыргызской Республики о политических правах граждан [Текст] / Г. А. Бидильдаева, С. Мураталиев // Вестник КРСУ. – 2015. – Т. 15. – № 12. – С. 127–130.

37. **Аничкин, Е. С.** «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце XX – начале XXI в. [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Е. С. Аничкин. – Тюмень, 2010. – 466 с.

38. **Рысмендеев, Б. Дж.** Конституционно-правовое регулирование обеспечения финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления в Кыргызской Республике [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02, 12.00.14 / Б. Дж. Рысмендеев. – Бишкек, 2014. – 42 с.

39. **Магомедов, С. К.** Унификация терминологии нормативных правовых актов Российской Федерации [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С. К. Магомедов. – М., 2004. – 155 с.

40. **Садиков, О. Н.** Унификация как средство совершенствования гражданского законодательства [Текст] / О. Н. Садиков // Изв. вузов. Правоведение. – 1972. – № 6. – С. 95–99.

41. **Бару, М. И.** Унификация и дифференциация норм трудового права [Текст] / М. И. Бару // Сов. государство и право. – 1971. – № 10. – С. 39–44.

42. Международное частное право [Текст]: учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 680 с.

43. Теория государства и права [Текст]: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2007. – 652 с.

44. **Садиков, О. Н.** Дифференциация и унификация гражданского законодательства [Текст] / О. Н. Садиков // Советское государство и право. – 1969. – № 12. – С. 38.

45. **Баетов, А. Б.** Правовая интеграция: международно-правовые аспекты [Текст]: автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А. Б. Баетов. – Бишкек, 2012. – 36 с.

46. **Токтобаев, Б. Т.** Теоретико-правовые проблемы

межгосударственной интеграции Кыргызской Республики и Китайской Народной Республик [Текст]: автореф. дис… д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Б. Т. Токтобаев. – Бишкек, 2017. – 49 с.

47. **Ботоева, Ч. К.** Роль органов внутренних дел Кыргызской Республики в реализации функций государства [Текст]: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Ч. К. Ботоева. – Бишкек, 2016. – 38 с.

48. **Иманкулов, Т. И.** Концепция национальной безопасности: механизм ее обеспечения в Кыргызской Республике органами внутренних дел [Текст]: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Т. И. Иманкулов. – Бишкек, 2020. – 682 с.

49. **Смирнова, Л. Е.** Унификация в уголовном праве: [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л. Е. Смирнова. – Казань, 2006. – 26 с.

50. **Бахин, С. В.** Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация) [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / С. В. Бахин. – СПб., 2003. – 360 с.

51. **Сенякин, И. Н.** О роли унификации в системе российского законодательства [Текст] / И.Н. Сенякин // Вест. Саратов. госуд. юрид. академии. – 2019. – № 2 (127). – С. 16–23.

52. **Сенякин, И. Н.** Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / И. Н. Сенякин. – Саратов, 1993. – 371 с.

53. **Парфенов, Д. И.** Договоры агентского типа (опыт унификации) [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д. И. Парфенов. – Волгоград, 2006. – 27 с.

54. **Студеникина М. С.** Систематизация законодательства в Российской Федерации [Текст] / А. С. Пиголкин [и др.]. – СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2003. – 380 с.

55. **Комаров, С. А.** Общая теория государства и права [Текст] / С. А. Комаров. – М.: Изд-во Юрайт, 2020. – 506 с.

56. **Кобзева, С. И.** К вопросу о кодификации законодательства о социальном обеспечении [Текст] / С. И. Кобзева // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – 2019 – № 1. – С. 117–122.

57. **Чикеева, З.Ч., Маралбаева, А. Ш.** Теория государства и права [Текст]: учебник / З.Ч. Чикеева, А. Ш. Маралбаева. – Б.: Изд-во КРСУ, 2017. – 534 с.

58. **Бровка, Ю.П.** Становление и развитие международной правотворческой деятельности Белорусской ССР [Текст]: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Ю.П. Бровка. – Минск, 1991. – 48 с.

59. **Веленто, И. И.** Правовое регулирование отношений собственности: пути гармонизации и совершенствования законодательства в Республике Беларусь и Российской Федерации [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / И. И. Веленто. – Минск, 2006. – 41 с.

60. **Шатковская, Т. В.** Традиция и модернизация в праве: сравнительно-правовой аспект [Текст] / Т. В. Шатковская // Журнал российского права. –2014. – № 4. – С. 45–56.

61. **Джумалиев, Д. С.** Мамлекеттик бийликтин жана жергиликтүү өз алдынча башкаруунун өз ара аракеттенүүсү: конституциялык жана эл аралык укуктук аспекттер [Текст]: юрид. илим. д-ру… дис.: 12.00.02, 12.00.10 / Д. С. Джумалиев. – Бишкек, 2020. – 265 б.

62. **Раджабов, С. А.** Имплементация норм международного гуманитарного права в Республике Таджикистан: проблемы теории и практики [Текст]: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.10 / С. А. Раджабов. – М., 2008. – 332 с.

63. **Маралбаева, А. Ш.** Трансформация системы права Кыргызской Республики в переходный период [Текст]: монография / А. Ш. Маралбаева. – Б.: Изд-во КРСУ, 2016. – 166 с.

64. **Безбородов, Ю. С.** Методы и формы правовой конвергенции в международном праве [Текст]: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Ю. С. Безбородов. – Екатеринбург, 2018. – 433 с.

65. American Heritage Dictionary of the English Language [Текст] / S. D.

Anderson, S. Kleinedler. - 5th ed. – Boston, 2016. – 2084 p.

66. **Мордовцев, А. Ю.** Конвергенция права: многообразие дискурсов [Текст] / А. Ю. Мордовцев, Т. В. Мордовцева, А. Ю. Мамычев // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. – М.; Уфа; Ростов н/Д, 2015. – С. 113–118.

67. **Третьякова, О. Д.** Юридическая конвергенция [Текст]: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / О. Д. Третьякова. – Владимир, 2012. – 445 с.

68. **Доронина, Н. Г.** Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции [Текст] / Н. Г. Доронина // Журнал российского права. – 1998. – № 6. – С. 59–60.

69. **Потапенко, Е. Г.** Унификация права: понятие, формы, методы (в контексте исследования унификации цивилистического процессуального права) [Текст] / Е. Г. Потапенко // Изв. Саратов. ун-та Сер. Экономика. Управление. Право. – 2017. – № 3. – С. 344–351.

70. **Дмитриева, Г. К.** История науки международного частного права [Текст] / Г.К. Дмитриева // Вестн. Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 2. – С. 22–41.

71. **Туранин, В. Ю.** Проблемы и перспективы унификации терминологии [Текст] / В. Ю. Туранин // Журнал российского права. – 2002. – № 11. – С. 46–47.

72. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеолог. выражений [Текст]: 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: А ТЕМП, 2006. – 944 с.

73. **Тиунов, О. И.** Международное гуманитарное право [Текст]: учебник / О. И. Тиунов. – М.: Норма-Инфра-М, 1999. – 328 с.

74. Постконфликтное миростроительство [Текст]: выступление Генерального секретаря ООН на заседании Совета Безопасности ООН 21 января 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/sg/messages/2011/pv6472.shtml – Загл. с экрана.

75. **Муратбекова, С. М.** Проблемы охраны и защиты семьи в Кыргызской Республике (конституционно-правовой и международно-правовой аспекты) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02, 12.00.10 / С. М.Муратбекова. – Бишкек, 2018. – 56 с.

76. **Фомина, Л. Ю.** Унификация нормативной правовой терминологии [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Л. Ю. Фомина. – Н. Новгород, 2006. – 24 с.

77. **Порфирьева, Е. К.** Унификация правового регулирования условий внешнеэкономических контрактов в международном частном праве [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е. К. Порфирьева. – Харьков, 2000. – 178 с.

78. **Дмитриева, Г. К.** Унификация и гармонизация права: новые формы [Текст] / Г.К. Дмитриева // Унификация международного частного права в современном мире: сб. статей. – М.: НИЦ ИНФРА-М: ИЗиСП, 2013. – С. 14–25.

79. **Петров, Д. Е.** Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Д. Е. Петров. – Саратов, 2015. – 61 с.

80. **Васьковский, Е.В**. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов [Текст] / Е. В. Васьковский. – М.: Братья Башмаковы, 1913. – 152 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=30607788 – Загл. с экрана.

81. О Евразийском экономическом союзе [Текст]: Договор от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014 – Загл. с экрана.

82. **Нешатаева, Т. Н.** Евразийская интеграция: общие ценности и правовые институты [Текст] / Т. Н. Нешатаева // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2020. – № 1. – С. 20–23.

83. Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 20 ноября 2017 года по заявлению Министерства транспорта и дорог Кыргызской

Республики о разъяснении пункта 13 Порядка регулирования доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики, являющегося приложением № 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике (приложение № 24 к Договору о ЕАЭС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420314/ac_21122018 – Загл. с экрана.

84. **Чикеева, З. Ч.** Развитие системы права в Кыргызской Республике [Текст] /З. Ч. Чикеева, А. В. Тен, А. Ш. Маралбаева // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2015. – № 3 (178). – 142–147.

85. **Алексеев, С. С.** Структура советского права [Текст] / С. С. Алексеев. – М.: Изд-во Юрид. лит., 1975. – 264 с.

86. **Алексеев, С. С.** Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования [Текст] / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

87. **Чухвичев, Д. В.** Кодификационные акты, их специфика и значение в системе права [Текст] / Д. В. Чухвичев // Государство и право. – 2009. – № 8. – С. 5–11.

88. **Монтескье, Ш.** Избранные произведения [Текст] / Ш. Монтескье; Под общ. ред. М.П. Баскина. – М.: Политиздат, 1955. – 799 с.

89. **Тихомиров, Ю. А.** Современное публичное право [Текст] / Ю. А. Тихомиров. – М.: Эксмо, 2008. – 448 с.

90. **Нурматов, Т.А.** Международные договоры в правовой системе Кыргызской Республики (теоретико-правовой анализ) [Текст]: монография / Т. А. Нурматов. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 146 с.

91. **Марченко, О. В**. Унификация документов в дореволюционной России: историко-правовой аспект [Текст] / О. В. Марченко // Правоприменение. – 2020. – 4(4). – С. 12–22.

92. **Новак, А.** Глобализация и транснациональная интеграция [Текст] / А. Новак, К. Рычь // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – 2006. – № 3 (45). – С. 146–152.

93. **Марченко, М. Н.** Об основных тенденциях развития права в условиях глобализации [Текст] / М. Н. Марченко // Государство и право. – 2009. – № 6. – С. 5–11.

94. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика [Текст] / [В. В. Балытников, М. И. Баранова, Белов Г.В., С. В. Буянкина, и др.]. – М.: Формула права, 2006. – 558 с.

95. **Нерсесянц, В. С.** Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире [Текст] / В. С. Нерсесянц // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 38–47.

96. Теоретические и практические аспекты развития правовой системы Российской Федерации в условиях глобализации [Текст] / [О.А. Гаврилов, Н.П. Колдаева, Е.Г. Лукьянов, С. В. Поленине и др.] // Государство и право. – 2005. – № 12. – С. 5–12.

97. **Сыдыкова, Л. Ч.** Проблемы уголовного законодательства Кыргызской Республики (вопросы теории и методологии) [Текст] / Л. Ч. Сыдыкова. – Б.: Изд-во КРСУ, 2005. – 152 с.

98. **Туратбекова, Ч. А.** Применение коллизионных норм в Кыргызской Республике [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук 12.00.01; 12.00.03 / Ч. А. Туратбекова. – Бишкек, 2020. – 45 с.

99. **Буторина, О. В.** Понятие региональной интеграции: новые подходы [Текст] / О. В. Буторина // Космополис. – 2005. – № 3 (13). – С. 136–145.

100. **Шишков, Ю. В.** Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ [Текст] / Ю. В. Шишков. – М.: III тысячелетие, 2001. – 480 с.

101. Международное право в документах [Текст] / Сост. Н.Т. Блатова. – М.: Юрид. лит., 1982. – 853 с.

102. Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика [Текст] / [В.В. Балытников, М.И. Баранова, Г.В. Белов, С.В. Буянкина и др.]. – М.: Формула права, 2006. – 558 с.

103. Теория государства и права [Текст]: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.

104. **Петрова, Е. А.** Специфика унификации американского права [Текст] / Е. А. Петрова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2012. – № 5. – С. 73–81.

105. **Давид, Р.** Основные правовые системы современности [Текст]: пер. с фр. В.А. Туманова / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 400 с.

106. Официальный сайт Национальной конференции уполномоченных по единообразным государственным законам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/wex/national_conference_of_commissioners_on_uniform_state_laws_(nccusl). – Загл. с экрана.

107. Введение в американское право [Текст] / под ред.: М. Калантарова. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – 286 с.

108. О договорах международной купли-продажи товаров [Текст]: конвенция ООН от 11 апреля 1980 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/ru/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg. – Загл. с экрана.

109. **Маковский, А. Л.** О влиянии Венской конвенции 1980 г. на формирование российского права [Текст] / А. Л. Маковский // Международный коммерческий арбитраж. – 2007. – № 1. – С. 9–15.

110. О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности [Текст]: конвенция ООН от 2 декабря 2004 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml – Загл. с экрана.

111. Конституци Кыргызской Республики [Текст]: принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г. Введена в действие законом Кырг. Респ. от 5 мая 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru. – Загл. с экрана.

112. **Токтогулов, А. А.** Фундаментальные основы конституционного правотворчества в современных условиях [Текст] / А. А. Токтогулов, А. Т. Абдраманов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 11-3. – С. 62–67.

113. Действующее международное право [Текст]: хрестоматия / [Э. К. Ногойбаева, А. Б. Баетов, Ж. Койчукулова и др.]. – Б.: «Алтын Принт», 2012. – 703 с.

114. О введении в действие Налогового кодекса Кыргызской Республики [Текст]: закон Кырг. Респ. от 18 янв. 2022 г., № 4 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112340?cl=ru-ru. – Загл. с экрана.

115. О введении в действие части первой Гражданского кодекса Кыргызской Республики [Текст]: закон Кырг. Респ. от 8 мая 1996 г., № 16 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4?cl=ru-ru// http://dep.nlb.by/jspui/handle/nlb/54405; /URL:/http://dep.nlb.by/jspui/handle/nlb/54405. – Загл. с экрана.

116. О международных договорах Кыргызской Республики [Текст]: закон Кырг. Респ. от 24 апр. 2014 г., № 64 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205286?cl=ru-ru// http://dep.nlb.by/jspui/handle/nlb/54405 – Загл. с экрана.

117. Историческое и логическое в познании государства и права [Текст] / [А. И. Королев, Д. И. Луковская, Л. С. Явич и др.]. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 160 с.

118. Конституция СССР и развитие политико-правовой теории [Текст] / Д. А. Керимов. – М.: Мысль, 1979. – 244 с.

119. **Токарев, Б. Я.** Логический и исторический методы в теоретическом исследовании права [Текст] / Б. Я. Токарев. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. – 128 с. – С. 70.

120. Теория государства и права в науке, образовании, практике [Текст]: монография / [Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова, Т.Я. Хабриева и др.]. – М.: ИД Юриспруденция, 2016. – 480 с. – С. 280

121. **Egginton, W.** The Pragmatic Turn in Philosophy: Contemporary Engagements between Analytic and Continental Thought [Текст] / W. Egginton, M. Sandbothe. – New York: SUNY Press, 2004. – 262 p.

122. **Пуанкаре, А.** О науке [Текст]: пер. с фр. / под ред, Л. С. Понтрягина. 2-е изд. /А. Пуанкаре. – М.: Наука, 1990. – 736 с. – С. 585.

123. **Cohen, L. J.** The coherence Theory of Truth [Текст] / L. J. Cohen // Philosophical Studies. – 1978. – Vol. 34. – № 4. – P. 351–360.

124. **Ляшов, В. В.** К вопросу о когерентной теории истины [Текст] / В. В. Ляшов // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2003. – № 6. – С. 33–38.

125. **Медведев, В. Г.** Философия права, история и методология юридической науки как непременные научные составляющие современной юриспруденции [Текст] / В. Г. Медведев // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2021. – № 69-2. – С. 585–588.

126. **Аристотель.** Политика. Метафизика. Аналитика [Текст] / Аристотель. – М.: Эксмо, СПб.: Мидгард, 2008. – 960 с.

127. **Кельзен, Г.** Чистое учение о праве [Текст] / 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова / Г. Кельзен. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – 542 с.

128. **Конт, О.** Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении [Текст] // Перевод с франц. И. А. Шапиро / О. Конт. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 256 с.

129. **Will, C. M.** The Confrontation between General Relativity and Experiment [Текст]/ C. M. Will // Living Reviews in Relativity. – 2014. – Vol. 17. – № 4. – P. 76–85.

130. **Joyce, J. Bayes** Theorem [Текст] / Joyce J. Bayes // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Stanford, 2019. – P. 115–131.

131. **Fitelson, B.** The Plurality of Bayesian Measures of Confirmation and the Problem of Measure Sensitivity [Текст] / B. Fitelson // Philosophy of Science. – 1999. – Vol. 66. – P. 362–378.

132. **Franz, H.** Subjective Probabilities as Basis for Scientific Reasoning? [Текст] / H. Franz // British Journal for the Philosophy of Science. – 2005. – № 56 (1). – P. 101–116.

133. **Поппер, Карл Р.** Объективное знание. Эволюционный подход [Текст] / Р. Карл Поппер. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.

134. **Алексеев, С. С.** Восхождение к праву. Поиски и решения [Текст] / С. С. Алексеев. – М.: Изд-тво НОРМА, 2001. – 752 с. – С. 31.

135. **Марченко, М. Н.** Философия права [Текст]: курс лекций: в 2 т. / М. Н. Марченко. – М.: Проспект, 2017. – Т. 2. – 512 с.

136. **Полани, Майкл.** Личностное знание [Текст] / Майкл Полани. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.

137. **Матузов, Н. И.** О методологической ситуации в российском правоведении [Текст] Н. И. Матузов // Современные методы исследования в правоведении. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – 560 с. – С. 5.

138. **Глухарева, Л. И.** О тенденциях методологии современного правопонимания [Текст] / Л. И. Глухарева // Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы: сб. ст. Вып. 1. – М.: Юрист, 2006. – С. 53–61.

139. **Лисюткин, А. Б.** Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект [Текст] / А. Б. Лисюткин. – Саратов: Изд-во СГАП, 2001. – 306 с.

140. **Алексеев, С. С.** Общая теория права [Текст]: учебник / С.С. Алексеев. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.

141. **Молдоев, Э. Э.** К вопросу о национальной правовой системе Кыргызской Республики [Текст] / Э. Э. Молдоев, А. М. Абакирова // Проблемы Науки. – 2017. – № 4 (86). – С. 22–24.

142. **Мукамбаева, Г. А.** Правовой идеал государства [Текст] / Г. А.

Мукамбаева, А. Д. Адамбекова // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2009. – № 8. – С. 147–151.

143. **Тихомиров, Ю. А.** Курс сравнительного правоведения [Текст] / Ю. А. Тихомиров. – М.: Норма, 1996. – 432 с. – С. 58.

144. **Кузнецова, О. А.** Методы научного исследования в цивилистических диссертациях [Текст] / О. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 4 (26). – С. 254–270.

145. **Сырых, В. М.** История и методология юридической науки: [Текст] учебник / В. М. Сырых. – М.: НОРМА: ИНФРА, 2012. – 464 с.

146. **Тиунов, О. И.** Выполнение международных договоров Российской Федерации [Текст]: монография. О. И. Тиунов, А. А. Каширкина, А. Н. Морозов. – М.: Норма, 2011. – 256 с.

147. **Дианова, В. Ю.** Приоритетные направления развития взаимодействия участников ВЭД и таможенных органов ЕАЭС в рамках единого экономического пространства [Текст] / В. Ю. Дианова, Ю. А. Дианов // Таможенное дело. – 2019. – № 1. – С. 17–21.

148. **Каширкина, А. А.** Развитие евразийской интеграции в контексте процессов глобализации и регионализации [Текст] / А. А. Каширкина, А. Н. Морозов // Международное право и международные организации. – 2015. – № 2. – С. 231–245.

149. **Айдарбаев, С. Ж.** Правовой статус Евразийского экономического союза // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия международные отношения и международное право. – 2015. – № 1 (69). – С. 12–20.

150. **Колосова, Н. М.** Интегративная функция правовой системы [Текст]: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н. М. Колосова. – М.: 1990. – 22 с.

151. **Шуралева, С. В.** Дистанционная работа: сравнительный анализ законодательства государств-участников ЕАЭС (часть 1) [Текст] / С. В. Шуралева // Трудовое право в России и за рубежом. – 2019. – № 4. – С. 41–44.

152. О Положении о бюджете Евразийского экономического союза [Текст]: решение Высшего Евразийского экономического совета от 10 окт. 2014 г., № 78 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/en-us/0143562/scd_13102014_78 – Загл. с экрана.

153. О единой системе нормативно-справочной информации Евразийского экономического союза [Текст]: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 17 ноября 2015 года № 155 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0158957/clcd_20112015_155_att – Загл. с экрана.

154. О Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Текст]: договор от 11 апреля 2017 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017 – Загл. с экрана.

155. **Арсланов, К. М.** О значении сравнительно-правовых исследований иностранного права для развития российского частного права [Текст] / К. М. Арсланов // Сравнительное правоведение в условиях интеграции государств: Материалы II Международного конгресса сравнительного правоведения / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.И. Лафитский. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2013. – 240 с. – С. 127.

156. **Капустин, А. Я.** Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции [Текст] / А. Я. Капустин // Журнал российского права. – 2014. – № 12. – С. 98.

157. **Халфина, Р. О.** Значение историко-правовых исследований для теории права // Методология историко-правовых исследований [Текст] / Р. О. Халфина. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР. – 1980. – С. 29–40.

158. **Рыжов, В. Б.** Международно-правовые модели региональных интеграционных объединений (на примере Европейского союза, МЕРКОСУР и ЕврАзЭС) [Текст]: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10 / В. Б. Рыжов. – М., 2007. – 231 с.

159. О ратификации Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества [Текст]: закон Кырг. Респ. от 30 мая 2001 г., № 45 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17008 – Загл. с экрана.

160. Концепция Основ законодательства ЕврАзЭС об инвестициях. [Текст] / постановление Бюро МПА ЕврАзЭС от 6 апреля 2010 года № 9// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31211080&pos=6;-106#pos=6;-106 – Загл. с экрана.

161. О евразийской экономической интеграции [Текст]: декларация от 18 ноября 2011 г.// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/0de/Deklaratsiya-2011.pdf?ysclid=llun0co0qw886828728 – Загл. с экрана.

162. **Стародубцев, Ю. И.** Интеграционное право [Текст]: учебное пособие в 2 т. Т. 1 / Ю. И. Стародубцев. – СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2021. – 126 с.

163. **Саматов, О. Ж.** Международно-правовое регулирование межгосударственных отношений в Содружестве Независимых Государств [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / О. Ж. Саматов. – М., 2006. – 44 с.

164. О предложениях по совершенствованию организационно-правового механизма реализации и систематизации правовых актов Евразийского экономического сообщества [Текст]: постановление бюро МПА Евразийского экономического сообщества от 17 ноября 2005 года № 7 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=16556&ysclid=llun9fhwr7133510708 – Загл. с экрана.

165. **Тиунов О. И.** Международные межведомственные договоры Российской Федерации [Текст]: О. И. Тиунов, А. А. Каширкина, А. Н. Морозов. – М.: ИЗСП РФ, 2008. – 256 с.

166. **Тихомиров, Ю. А.** Курс сравнительного правоведения / Ю. А. Тихомиров. – М.: Норма, 1996. – 432 с. – С. 54.

167. **Водянников, А. Ю.** Методология сравнительно-правового анализа: история становления, обобщение и классификация основных подходов [Текст] / А. Ю. Водянников // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2014. – № 3. – С. 32–49. – С. 212.

168. **Мырзалиев, М. Б.** Теоретические аспекты соотношения норм международного и внутригосударственного права (на материалах Кыргызской Республики) [Текст] / М. Б. Мырзалиев. – Б.: Изд-во КРСУ, 2013. – 138 с. – С. 127.

169. **Розахунова, Н. Р.** Истоки теории прав человека и закон [Текст]: автореф. дис. …д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Н. Р. Розахунова. – Б., 2010. – 57 с. – С. 39.

170. United States Supreme Court Judgment. Roper, Superintendent, Potosi Correctional Center v. Simmons [Text]: United States Reports. – 2005. – Vol. 543. – P. 551–630.

171. United States Supreme Court Judgment. Lawrence et al. v. Texas [Text]: United States Reports. – 2002. – Vol. 539. – P. 558–606.

172. United States Supreme Court Judgment. Atkins v. Virginia [Text]: United States Reports. – 2001. – Vol. 536. – P. 304–354.

173. **Benvenuto, O. J.** Reevaluating the Debate Surrounding the Supreme Court's Use of Foreign Precendent [Текст] / O. J. Benvenuto // Fordham Law Review. – 2006. – Vol. 74, Issue 5. – P. 2695–2759.

174. **Parrish, A. L.** Storm in a Teacup: The U.S. Supreme Court's Use of Foreign Law [Text]/ A. L. Parrish // University of Illinois Law Review. – 2007. – № 2. – P. 637–680.

175. **Delahunty, R. J.** Against Foreign Law [Text]: / R.J. Delahunty and J. Yoo // Harvard Journal of Law & Public Policy. – 2005. – Vol. 29. – № 1. – P. 291–330.

176. **Черниченко, С. В.** Европейский суд по правам человека: проблема неисполнимости постановлений [Текст] / С. В. Черниченко // Московский журнал международного права. – 2018. – 3. – С. 6–17.

177. **Парра, Вера О.** Межамериканский Суд по правам человека: обзор судебной практики за 2017 год [Текст] / О. Парра Вера, П. Тарре Мосер // Международное правосудие. – 2018. – № 1 (25). – С. 3–19.

178. **Мусабекова, Ч. А.** Статут Международного уголовного суда и Конституция Кыргызской Республики: соотношение, возможные коллизии, пути решения [Текст] / Мусабекова Ч. А. // Вестник КРСУ. – 2009. – Т. 9. – № 4. – С. 46–51.

179. О ратификации Конвенции о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами от 18 марта 1965 года [Текст] / закон Кырг/ Респ/ от 5 июля 1997 г., № 47 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/547?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

180. **Jaluzot, B.** Méthodologie du droit comparé. Bilan et perspective [Text] / B. Jaluzot // Revue internationale de droit comparé. – 2005. – № 1. – P. 29–48.

181. **Husa, J.** Methodology of Comparative Law Today: From Paradoxes to Flexibility? [Text] / J. Husa // Revue internationale de droit comparé. – 2006. – № 4. – P. 1095–1117.

182. **Скакун, О. Ф.** Теория государства и права [Текст] / О.Ф. Скакун. – Харьков: Консум, 2001. – 656 с.

183. **Jamin, C.** Le vieux rêve de Saleilles et Lambert revisité. A propos du centenaire du Congrès international de droit comparé de Paris [Text] / C. Jamin // Revue internationale de droit comparé. – 2000. – Vol. 52. – № 4. – P. 733–751.

184. **Munday, R.** Accounting for an Encounter / R. Munday // Comparative Legal Studies: Traditions and Transitions [Text] / R. Munday. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – P. 3–28.

185. **Haldane, R. B.** The Appellate Courts of the Empire. An address delivered in January, 1900, at Edinburgh, before the Scots Law Society [Text] / R. B. Haldane. – London: John Murray, 1902. – P. 131–161.

186. **Беджауи, М.** Международный суд ООН: прошлое и будущее [Текст] / М. Беджауи // Московский журнал международного права. – 1995. – 2. – С. 42–46.

187. **Aucoc, L.** Les etudes de legislation comparée en France [Text] / L. Aucoc. – Paris: Alfonse Picard, 1889. – 17 p. – C. 8.

188. **Цвайгерт, К.** Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права [Текст]: в 2 т. Т. 1: Основы / К. Цвайгерт. – М.: Международные отношения, 2000. – 480 с.

189. Международно-правовые аспекты реализации интересов Российской Федерации в связи с формированием Единого экономического пространства [Текст]: науч. изд. / [Н.Г. Доронина, В. Ю. Лукьянова, Н. Г. Семилютина и др.]. – М.: ИЗиСП; Контракт, 2012. – 72 с.

190. О ратификации Соглашения о правовом обеспечении формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства от 26 октября 1999 года [Текст]: закон Кырг. Респ. от 23 нояб. 2001 г., №101 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/933?refId=283858– Загл. с экрана.

191. **Нурматов, Т. А.** Право Евразийского экономического союза [Текст]: учебное пособие / Т. А. Нурматов. – Б.: Изд-во КРСУ, 2019. – 160 с. – С. 46.

192. Международные отношения [Текст]. Центр. гос. арх. Кыргызской Республики, ф. 584, оп. I. д. I. л. 1.

193. **Сарсембаев, М. А.** Международное право в истории Казахстана и Средней Азии [Текст]: учебное пособие / М. А. Сарсембаев. – Астана: Фолиант, 2011. – 200 с.

194. О государственной независимости Республики Кыргызстан [Текст]: декларация от 31 августа 1991 года № 578-XII // [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/913. – Загл. с экрана.

195. **Бейшембиев, Э. Дж.** Новый международно-правовой механизм внешнеэкономической деятельности суверенных республик (государств) [Текст] / Э. Дж. Бейшембиев. – Бишкек: Илим, 1992. – 152 с.

196. Внешняя политика Кыргызстана [Текст]. Арх. Президента Кыргызской Республики, ф. I, оп. I, д. 97, л. 1–14.

197. О ратификации Договора о присоединении Кыргызской Республики к Соглашениям о Таможенном союзе [Текст]: закон Кырг. Респ. от 21 июля 1997 г., № 51 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/551?refId=507914 – Загл. с экрана.

198. **Моисеев, Е. Г.** Международно-правовые основы сотрудничества стран СНГ [Текст] / Е. Г. Моисеев. – М.: Юрист, 1997. – 272 с. – с. 34.

199. О Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Текст]: соглашение от 6 января 1995 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15906/ – Загл. с экрана.

200. О Межгосударственном Совете Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Узбекистан и его институтах [Текст]: соглашение от 10 февраля 1995 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30726310 – Загл. с экрана.

201. Международное сотрудничество [Текст]. Центр. гос. арх. Кыргызской Республики, ф. 2850, оп. I, д. II, л. 24–26.

202. Международное сотрудничество [Текст]. Центр. гос. арх. Кыргызской Республики, ф. 2850, оп. I, д. XXII.

203. **Нешатаева, Т. Н.** Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании [Текст] / Т. Н. Нешатаева. – М.: Дело, 1998. – 272 с. – С. 242.

204. Международное сотрудничество [Текст]. Центр. гос. арх. Кыргызской Республики, ф. 2859, оп. 1, д. 3, л. 1–3.

205. Международное сотрудничество [Текст]. Центр. гос. арх. Кыргызской Республики, ф. 2859, оп. 1. д. 3, л 1–2.

206. О присоединении Кыргызской Республики к Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года [Текст]: закон Кырг. Респ. от 5 июля 1997 г., № 49 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/549?refId=507901 – Загл. с экрана.

207. О введении в действие Конституции Кыргызской Республики [Текст]: закон Кырг. Респ. от 27 июня 2010 г. // Эркин Тоо. – 2010. – 6 июля.

208. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) [Текст] // собр. зак-ва РФ. – 2014. – № 31. – С. 4398.

209. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. [Текст] // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=v19402875&p2={NRPA} – Загл. с экрана.

210. Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. (в ред. от 06.12.2015 г.) [Текст] // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.parliament.am/law_docs5/06122015.pdf – Загл. с экрана.

211. Конституция Республики Казахстан принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. (в ред. от 10.03.2017 г. № 51-VI ЗРК) [Текст] // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 1996. – № 4. ст. 217; Казахстанская правда. – 2017. – 14 марта.

212. Об официальном толковании пункта 3 статьи 4 Конституции Республики Казахстан [Текст]: постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 11.10.2000 г. № 18/2 (в ред. от 17.04.2017 г. № 2) // Казахстанская правда. – 2000. – 28 октября. – 2017. – 21 апреля.

213. **Исманов, Т. К.** Международное публичное право [Текст]: курс лекций. Т. К. Исманов. – Б.: Изд-во КРСУ, 2010. – 192 с. – С. 39.

214. **Ударцев, С. Ф.** Правовая политика в Республике Казахстан: новые

приоритеты развития и преемственность [Текст] / С. Ф. Ударцев // Вестник РУДН. Серия Юрид. науки. – 2010. – № 3. – С. 86–97.

215. **Мами, К. А.** Выступление председателя Конституционного Совета Республики Казахстан. Пять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: роль Суда [Текст]: сб. материалов / К. А. Мами. – Минск: Медисонт, 2020. – 476 с. – С. 22.

216. **Топорнин, Б. Н.** Европейское право [Текст] / Б. Н. Топорнин. – М.: Юристъ, 1998. – 456 с. – С. 277.

217. О правовых актах [Текст]: закон Республики Армения от 29 апреля 2002 г. №ЗР-320 (в ред. от 30 апреля 2008 г. №ЗР-19-Н) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=62931. – Загл. с экрана.

218. О международных договорах Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/2e39dbb902cdb9d681a651ca58678ad85df9658d/ – Загл. с экрана.

219. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова [Текст]: постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П // Собр. зак-ва РФ. – 2012. – № 15. – ст. 1810.

220. **Мырзалимов, Р. М.** Вопросы конституционного правосудия в Кыргызстане [Текст] / Р. М. Мырзалимов. – Б.: Технология, 2001. – 220 с.

221. О Конституционном суде Кыргызской Республики [Текст]: конституционный закон Кырг. Респ. от 15 нояб. 2021 г., № 133 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112318#: – Загл. с экрана.

222. Годовой доклад Конституционного суда Кыргызской Республики за 2022 г. [Текст]: // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://constsot.kg/wp-content/uploads/2023/07/gd-2022.pdf – Загл. с экрана.

223. О Конституционной палате Верховного суда Кыргызской Республики [Текст]: констит. закон Кырг. Респ. от 13 июня 2011 г., № 37 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203281?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

224. Официальный сайт ЕЭК // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org /ru/act/chairman/ad /Documents.pdf. – Загл. с экрана.

225. **Чайка, К. Л.** Актуальные вопросы права интеграционного образования и конституционного права государств-членов [Текст] / К. Л. Чайка // Суд Евразийского экономического союза // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://courteurasian.org/page-22721. – Загл. с экрана.

226. О взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета (ЕСУ) [Текст]: меморандум от 25 мая 2022 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/79d/25.05.2022-g-Memorandum-o-vzaimoponimanii-po-sozdaniyu-Earziyskogo-setevogo-universiteta.pdf – Загл. с экрана.

227. О применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок [Текст]: соглашение от 19 апреля 2022 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/ dep_tamoj_infr/n_seals/ 2022.04.19 %20approve_agr_ns.pdf – Загл. с экрана.

228. **Волова, Л. И.** Совершенствование права Евразийского экономического Союза в условиях новых вызовов и угроз [Текст] / Л. И. Волова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 1. – С. 24–31.

229. Статут Суда Евразийского экономического союза [Текст]: приложение № 2 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/upload/iblock/.pdf – Загл. с экрана.

230. О Евразийской экономической комиссии [Текст]: приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ – Загл. с экрана

231. О Евразийском экономическом союзе [Текст]: приложение № 14 Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0053610/itia_05062014 – Загл. с экрана.

232. О Евразийском экономическом союзе [Текст]: приложение № 7 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc _LAW_163855/8a9e484891ade5c9e9968dbc246070d23794ee74/ – Загл. с экрана.

233. О Евразийском экономическом союзе [Текст]: приложение № 9 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //https://www.consultant.ru/document/cons _doc_LAW_163855/d4a8ed9c96e6b5519b558f85f72112ed06b1e527/ – Загл. с экрана.

234. О Евразийском экономическом союзе союзе [Текст]: приложение № 13 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/02275ad85a4e6dabfd1d3d4cd50b2bd46cebcd2d/. – Загл. с экрана.

235. О подписании соглашения о гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка [Текст]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2017 г. № 1994-р // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alta.ru/tamdoc/17rs1994/.

236. О гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка [Текст]: проект соглашения // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/43676703.

237. Макроэкономические эффекты для государств-участников ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ereforum.org/макроэкономические-эффекты. – Загл. с экрана.

238. **Петрова, Г. В.** Формирование интеграционного права ЕАЭС в условиях глобализации и регионализации экономических процессов и макроэкономический эффект унификации и гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС [Текст] / Г. В. Петрова // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2017. – № 3 (12). – С. 28–40.

239. **Клюев, П. А.** Европейская интеграция и ее влияние на суверенитет государств-членов Европейского союза [Текст] / П. А. Клюев // Юрид. науки. – 2006. – № 4. – С. 189–192.

240. **Петрова, Г. В.** Государственный суверенитет и его охрана как международно-правовая ценность в повышении эффективности сотрудничества и коллективной безопасности стран СНГ [Текст] / Г. В. Петрова // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2016. – № 2. – С. 14–23.

241. **Нешатаева, Т. Н.** Суд ЕАЭС: от правовой позиции к действующему праву [Текст] / Т. Н. Нешатаева // Российское правосудие. – 2017. – № 9. – С. 5–21.

242. О соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов Таможенного союза [Текст]: решение Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/. – Загл. с экрана.

243. О Евразийском экономическом союзе [Текст]: приложение № 19 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/fb5a3b34bcd16abfc4df4e0f0c26c9d184a3b34d/ – Загл. с экрана.

244. **Исполинов, А.С.** Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза [Текст] / А.С. Исполинов // Государство и право. – 2015. – № 1. – С. 80–88.

245. О Евразийском экономическом союзе [Текст]: приложение № 2 к Договору от 29 мая 2014 г. Статут Суда ЕАЭС // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ – Загл. с экрана.

246. **Исполинов, А. С.** Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и со мнений государств-членов Евразийского экономического союза [Текст] / А. С. Исполинов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 152–166.

247. О Центральном банке Российской Федерации (Банк России) [Текст]: федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http //www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570 – Загл. с экрана.

248. Банковский кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. – № 441-З [Текст]: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0000441 – Загл. с экрана.

249. О Центральном банке Республики Армения [Текст]: закон Республики Армения от 30 июня 1996 г. № R-69 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cba.am/RU/lalaws/%D0%.pdf – Загл. с экрана.

250. О Национальном банке Республики Казахстан [Текст]: закон Республики Казахстан от 30 марта 1995 года № 2155 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nationalbank.kz/ru/npa/zakony-rk – Загл. с экрана.

251. О Национальном банке Кыргызской Республики [Текст]: конституционный закон Кыргызской Республики от 11 августа 2022 года № 92 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112424 – Загл. с экрана.

252. Налоговый кодекс Республики Армения от 4 октября 2016 г. [Текст]: [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=137404 – Загл. с экрана.

253. Налоговый кодекс Республики Беларусь (общая часть) от 19 декабря 2002 г. – № 166-З [Текст]: // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0200166 – Загл. с экрана.

254. О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс) [Текст]: Кодекс Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года № 120-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36148637#pos=9;-136 – Загл. с экрана.

255. Налоговый кодекс Кыргызской Республики от 18 января 2022 года № 3 [Текст]: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112340 – Загл. с экрана.

256. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ [Текст]: // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ – Загл. с экрана

257. **Сейтимова, В. Х.** Единообразное применение права Союза в контексте защиты внутреннего рынка [Текст] / В. Х. Сейтимова // Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда: Междунар. конф. (г. Минск, 17–19 ноября 2021 года): сб. материалов / Суд Евр. экономического союза. – Минск: 2022. – С. 98-105.

258. **Чайка, К. Л.** Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия [Текст]: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.10 / К. Л. Чайка. – М., 2022. – 44 с.

259. О статусе Экономического суда Содружества Независимых Государств [Текст]: соглашение от 6 июля 1992 г. постановление Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 8 мая 1993 года № 1232-XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/17659 – Загл. с экрана.

260. Устав Содружества Независимых Государств [Текст]: постановление Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 18 декабря 1993

года № 1346-XII [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17535 – Загл. с экрана.

261. О выполнении Экономическим судом Содружества Независимых Государств функций Суда Евразийского экономического сообщества [Текст]: соглашение между Содружеством Независимых Государств и Евразийским экономическим сообществом от 3 марта 2004 г. /Доклад Экономического суда Содружества Независимых Государств, 2003–2004. – Минск: Экон. суд СНГ, 2005. – С. 51–53.

262. **Айдарбаев, С. Ж.** Проблемы правового статуса Экономического Суда СНГ (реформирование Суда) [Текст] / С. Ж. Айдарбаев // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2017. – № 2 (47). – С. 140–146.

263. Об организации функционирования Суда Евразийского экономического сообщества [Текст]: решение Евразийского экономического сообщества №123 от 27 апреля 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudsng.org/download_files/ statdocs/rh_evr_123.pdf – Загл. с экрана.

264. О возложении на Экономический суд Содружества Независимых Государств функций Суда Евразийского экономического сообщества [Текст]: решение Совета глав государств СНГ от 19 сентября 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudsng.org/download_files/statdocs/rh_imposition.pdf – Загл. с экрана.

265. **Довгань Е. Ф.** Экономический Суд СНГ – 15 лет [Текст] / Е. Ф. Довгань, А. Ш. Керимбаева. – Минск: Ковчег, 2008. – 330 с.

266. Об утверждении Регламента Суда ЕАЭС [Текст]: решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 101 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/upload/iblock/6f9/1%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0.pdf – Загл. с экрана.

267. **Соколова, Н. А.** Евразийская интеграция: возможности суда Союза [Текст] / Н. А. Соколова // Lex Russia. Международное публичное право. – 2015. – № 11. – С. 96–101.

268. **Абдрасулов, Е. Б.** К вопросу о формировании правовой базы Евразийского экономического союза и наднациональном характере его органов [Текст] / Е. Б. Абдрасулов // Материалы международной научно-практической конференции (5 декабря 2014 г.) «Правовые аспекты современных интеграционных объединений с участием Республики Казахстан». – Астана, 2015. – С. 20-28.

269. **Исполинов, А. С.** Евразийское правосудие: от Суда сообщества к Суду Союза [Текст] / А. С. Исполинов // Государство и право. – 2015. – № 1. – С. 80–82.

270. **Смбатян, А. С.** Концепция «особости» правопорядка Таможенного Союза в решении Суда ЕврАзЭС по прокатным валкам [Текст] / А. С. Смбатян // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 8 (63). – С. 31–36.

271. О признании бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [Текст]: решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 3 марта 2016 г. по делу № СЕ-1-2/2-15 КС по жалобе индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича // Суд Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http//courteurasian.org/page-24161 – Загл. с экрана.

272. О разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Текст]: консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 4 апреля 2017 г. по делу № СЕ-2-1/1-17-БК // Суд Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http//courteurasian.org/page – 24731 –

Загл. с экрана.

273. О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза (вместе с Концепцией формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза) [Текст]: решение ВЕАЭС от 8 мая 2015 г. № 12 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinfr/energ/Documents/Концепция%20ОЭР%20Союза.pdf – Загл. с экрана

274. О Программе формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза (вместе с Программой формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза) [Текст]: решение ВЕАЭС от 26 декабря 2016 г. № 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413544/scd_11042017_20 – Загл. с экрана

275. Таможенный кодекс Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. № 17 [Текст]: //Собр. зак-ва РФ. – 2010. – № 50. – С. 6615; – 2015. – № 38. – С. 5214.

276. **Нешатаева, Т. Н.** Суд ЕАЭС: от правовой позиции к действующему праву [Текст] / Т. Н. Нешатаева // Российское правосудие. – 2017. – № 9. – С. 5–21.

277. Об отказе в удовлетворении заявления индивидуального предпринимателя Тарасика Константина Петровича к Евразийской экономической комиссии об оспаривании бездействия Евразийской экономической комиссии [Текст]: решение Коллегии Суда ЕАЭС от 28 декабря 2015 г. по делу № СЕ-1-2/2-15-КС // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://courteurasian.org/page-24051 – Загл. с экрана.

278. Об оставлении без изменения Решения Суда Евразийского экономического союза от 4 апреля 2016, которым было оставлено без удовлетворения заявление о признании решения Евразийской экономической комиссии от 18 июля 2014 № 117 «О классификации холодильной машины

«чиллер» по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза» не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза [Текст]: решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 г. по делу № СЕ-1-2/2-16-АП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://courteurasian.org/page-24161 – Загл. с экрана

279. О признании утратившими силу некоторых решений Кабинета Министров Кыргызской Республики [Текст]: постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 25 марта 2022 года № 166 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/159126?refId=1292614 – Загл. с экрана.

280. О разъяснении положений статьи 3 Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов ЕАЭС [Текст]: консультативное заключение Суда ЕАЭС от 18 октября 2022 г. дело № СЕ-2-1/2-22-БК // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.22/. – Загл. с экрана.

281. Особое мнение Судьи Суда ЕАЭС К.Л. Чайки на консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 18 октября 2022 года по заявлению Центра судебного представительства при Министерстве юстиции Кыргызской Республики от 18 октября 2022 г. дело № СЕ-2-1/2-22-БК // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/%D0%90%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D0%BD/Downloads/%D0%9E%D0%9C_%D0%9A%D0%9B_%D0%A7%D0%B0%D0%B9%D0%BA%D0%B8.pdf. – Загл. с экрана.

282. Особое мнение Судьи Суда ЕАЭС А.М. Ажибраимовой (дело № СЕ-1-2/7-19-КС) от 30 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/upload/iblock/d7a/%D0%9E%D0%9C%20%D0%90%D0%B6%D0%B8%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%90.%D0%9C.pdf – Загл. с экрана.

283. **Баишев, Ж. Н.** Суд Евразийского экономического союза: проблемы функционирования [Текст] / Ж. Н. Баишев // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14. – № 1. – С. 57–75.

284. **Айриян, Э. В.** Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда [Текст] / Э. В. Айриян // Междунар. конф. (г. Минск, 17–19 ноября 2021 года): сб. материалов. – Минск: Колорград, 2022. – 441 с.

285. Отчёт Евразийской экономической комиссии 2012–2015 «Расширяя пространство возможностей» [Текст]: – М.: Евразийская экономическая комиссия, 2016. – 153 с.

286. О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства [Текст]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 18 // Российская газета. – 2016. – 18 мая.

287. О единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза [Текст]: соглашение от 23 декабря 2014 г. // Собр. законодательства РФ. – 2016. – № 20. – С. 2775.

288. О конституционном судопроизводстве [Текст]: закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400124 – Загл. с экрана.

289. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Текст]: федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ // СЗ РФ. – 2015. – № 51 (часть I). – С. 7229.

290. О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики [Текст]: закон Кыргызской Республики от 28 декабря 2016 года № 218 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111484?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

291. **Ануфриева, Л. П.** Право ВТО: теория и практика применения [Текст]: монография / Л. П. Ануфриева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 528 с.

292. **Дьяченко, Е. Б.** Компетенция Суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность [Текст] / Е. Б. Дьяченко // Международное правосудие. –2017. – № 3 (23). – С. 85–87.

293. Постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 7 февраля 2018 года по делу № А66-6719/2017, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23 марта 2017 года по делу № А04-6175/2016, Арбитражного суда Московского округа от 8 июня 2017 года по делу № А40-159573/2016, Арбитражного суда Поволжского округа от 13 апреля 2018 года по делу № А72-20/2017, Арбитражного суда Центрального округа от 17 июля 2018 года по делу № А62-7504/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru – Загл. с экрана.

294. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2017 года № 5-АД17-40 // СПС «Консультантплюс»; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 июля 2016 года по деду № А57-26178/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru – Загл. с экрана.

295. **Дьяченко, Е. Б.** Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС [Текст] / Е. Б. Дьяченко // Журнал российского права. – 2018. – № 10. – С. 123–133.

296. Согласно данным годовых отчетов Суда ЕС за 2016 и 2017 годы, в 2016 году 67,92 % дел возбуждено на основании преюдициальных запросов, в 2017 году — 72,12 % дел// [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://curia.europa.eu/jcms/ upload/docs/application/pdf/2018-04/_ra_2017_en.pdf; – Загл. с экрана.

297. **Bebr, G.** Development of Judicial Control of the European Communities. [Text] / G. Bebr. – Springer 2013. – 822 p.

298. **Broberg, M. P.** Preliminary References to the European Court of

Justice [Text] / M. P. Broberg, N. Fenger. – Oxford University Press, 2010. – P. 410.

299. **Карлюк, М. В.** Механизм обеспечения единообразного применения и толкования права в рамках европейской и евразийской интеграции [Текст] / М. В. Карлюк // Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов: Междунар. конф. (18–19 окт. 2018 г., г. Минск): сб. материалов. – Минск: Четыре четверти, 2019. – 382 с. – С. 220–231.

300. **Kühn, W. M.** The Eurasian Economic Union – Risks and Opportunities of an Emerging Bipolar Europe [Текст] / W. M. Kühn // Zeitschrift für Europarechtliche Studien. – № 20. – 2017. – С. 185–233.

301. О соблюдении Республикой Беларусь Договора о Евразийском экономическом союзе, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов Таможенного союза [Текст]: решение Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/C-2.16/. – Загл. с экрана.

302. Например, глава 37 «Особенности порядка и условий перемещения через таможенную границу Союза товаров для личного пользования» Таможенного кодекса Евразийского экономического союза // Закон Кыргызской Республики «О ратификации Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, подписанного 11 апреля 2017 года в городе Москва» от 30 декабря 2017 года № 223 (28) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/111732/edition/863046/ru // – Загл. с экрана.

303. Например, решение Комиссии Таможенного союза от 18 июня 2010 года № 311 «О Порядке совершения таможенных операций в отношении товаров для личного пользования, перемещаемых через таможенную границу Евразийского экономического союза, либо товаров для личного пользования, временно ввезенных на таможенную территорию Союза, выпуска таких

товаров и отражения факта их признания не находящимися под таможенным контролем» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101897/ – Загл. с экрана.

304. Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 10 июля 2018 г. по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (дело № СЕ-2-1/2-18-БК) // Бюллетень Суда Евразийского экономического союза 2018 г. – С. 42–54 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/upload/iblock/a73/a7354cf5f6927f408a055a2a53f3ef42.pdf – Загл. с экрана.

305. Различные подходы Республики Казахстан и Кыргызской Республики к особенностям применения тарифа на железнодорожные перевозки нашли разрешение в консультативном заключении от 20 ноября 2017 года по делу № СЕ-2-1/2-17-БК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://courteurasian.org/database – Загл. с экрана.

306. Текст Римского статута, распространенного в качестве документа A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 года с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 года, 12 июля 1999 года, 30 ноября 1999 года, 8 мая 2000 года, 17 января 2001 года и 16 января 2002 года. Статут вступил в силу 1 июля 2002 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf – Загл. с экрана.

307. О статусе судей в Российской Федерации [Текст]: закон РФ от 26 июня 1992 № 3132-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ – Загл. с экрана.

308. О судоустройстве и статусе судей [Текст]: кодекс Республики Беларусь от 29 июня 2006 года № 139-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0600139 – Загл. с экрана.

309. О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан [Текст]: конституционный закон Республики Казахстан от 25 декабря 2000 года № 132-II [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021164 – Загл. с экрана.

310. О статусе судьи [Текст]: закон Республики Армения от 17 июня 1998 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=61794 – Загл. с экрана.

311. О статусе судей Кыргызской Республики [Текст]: конституционный Закон Кыргызской Республики от 15 ноября 2021 года № 138 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112311?cl=ru-r – Загл. с экрана.

312. Постановления Суда ЕАЭС от 16 ноября 2017 года по заявлениям ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» и ООО «ВИЗ-Сталь» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://courteurasian.org/ doc-19553 – Загл. с экрана.

313. О необходимости отмены некоторых распоряжений Правительства Российской Федерации в сфере государственных (муниципальных) закупок [Текст]: решение Коллегии Комиссии от 14 июля 2015 года № [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/ docs/ru-ru/0148227/oa_11082015. – Загл. с экрана.

314. Сообщение Комиссии от 31 октября 2017 года № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415127/oa_31102017_2. – Загл. с экрана.

315. **Чайка, К. Л.** Проблемные вопросы в практике Суда Евразийского экономического союза [Текст] / К. Л. Чайка, А. Н. Савенков // Государство и право. – 2018. – № 10. – С. 5–22.

316. Подпункт 3 пункта 10 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, часть 2 пункта 101 Протокола о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (приложение № 8 к Договору)// Конкурентное право в Евразийском экономическом союзе: учеб. пос. /Под общ. ред. М. А. Кусаинова. – М.: 2019. – 256 с.

317. **Толстых, В. Л.** Проблемы евразийской интеграции [Текст] / В.

Л. Толстых // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 1–22.

318. Статья 1.4 Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь // Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях 6 января 2021 г. № 92-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100092 – Загл. с экрана.

319. В частности, в силу статьи 288 Договора о функционировании Европейского Союза регламентом именуется нормативно-правовой акт, являющийся обязательным во всех своих элементах и применимый ко всем субъектам права Европейского союза. В свою очередь, решение является актом индивидуального характера, обязательным лишь для своих адресатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eulaw.ru/treaties/tfeu/.– Загл. с экрана.

320. Об утверждении Регламента Суда ЕАЭС [Текст]: Решение ВЕАЭС от 23 декабря 2014 года № 101 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/upload/iblock/ 6f9/1%D0%A0B0.pdf – Загл. с экрана.

321. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 № 21-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/069a30f23725f9a216a7b3d002a2be4818abf25b/ – Загл. с экрана.

322. **Оппенгейм, Л.** Международное право: Мир [Текст]: Перевод с английского. Т. 1: Полут. 1 / Л. Оппенгейм. – М.: Иностр. лит., 1948. – 407 с.

323. **Алексеев, С. С.** Общая теория права [Текст]: курс в 2 т. Т. 1. – С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1981. – 360 с.

324. **Иманова, Е. А.** Судебная политика России и Казахстана: экологические споры и нормативно-правоприменительные механизмы их разрешения [Текст] / Е. А. Иманова, С. А.Семикина, А. Н. Юсупова // Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 143–153.

325. **Скрипкина, Г. А.** Практика Суда ЕАЭС как фактор

совершенствования права союза [Текст] / Г. А. Скрипкина // Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов: Междунар. конф. (18–19 окт. 2018 г., г. Минск): сб. материалов. – Минск: 2019. – С. 156-162.

326. **Марченко, М. Н.** Теория государства и права России [Текст]: учебное пособие: в 2 т. Т. 1. Государство / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. – М.: Проспект, 2019. – 640 с.

327. **Джумагулов, А. М.** Правовая политика Кыргызской Республики: основные приоритеты, практика реализации, итоги формирования [Текст] / А. М. Джумагулов // Бюллетень науки и практики. – 2019. – № 2. – С. 249–256.

328. Об утверждении Стратегии развития таможенной службы Кыргызской Республики на 2011–2013 годы и Плана мероприятий по реализации Стратегии развития таможенной службы Кыргызской Республики на 2011–2013 годы [Текст]: постан. Прав. Кырг. Респ. от 30 дек. 2010 г., № 342 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/96293?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

329. Об утверждении Концепции развития таможенной службы Кыргызской Республики на 2022–2024 годы [Текст]: пост. Каб. Мин. Кырг. Респ. от 8 апр. 2022 г., № 202 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/159121?cl=ru-ru#pr1 – Загл. с экрана.

330. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Текст]: решение ВЕАС от 11 декабря 2020 года № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12 – Загл. с экрана.

331. О Таможенном кодексе Таможенного союза [Текст]: решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 № 17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94890/ – Загл. с экрана.

332. **Кожуханов, Н. М.** Проблемы правоприменения таможенного законодательства в ЕАЭС [Текст] / Н. М. Кожуханов // Ученые записки Санкт-

Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2017. – № 1 (61). – С. 21–23.

333. Особое мнение судьи Суда ЕАЭС Федорцова А.А. (дело № СЕ-1-1/1-16-БК) от 21 февраля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://courteurasian.org/upload/iblock/c80/5.%20%D0%A0%D0%A4%20v%20%D0%A0%D0%91%20(%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B4)%20-%20%D0%9E%D0%9C%20%D0%90.%D0%90.%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf – Загл. с экрана.

334. О ратификации Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов таможенного союза [Текст]: федеральный закон Российской Федерации 27 июля 2010 года № 202-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/31546 – Загл. с экрана.

335. Об утверждении Протокола о внесении изменений в Соглашение о сотрудничестве и взаимопомощи в таможенных делах от 15 апреля 1994 года, подписанного 1 июня 2018 года в городе Душанбе [Текст]: постан. Правит. Кырг. Респ. от 3 июля 2019 г., № 338 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/14537?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

336. О ратификации международных договоров по присоединению Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Текст]: закон Кырг. Респ. от 21 мая 2015 г., № 111 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111154?cl=ru-ru – Загл. с экрана

337. **Горохов, В. Н.** Правовое регулирование таможенных отношений в ЕАЭС [Текст] /В. Н. Горохов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 24. – С. 215-218.

338. О Таможенном кодексе Евразийского экономического союза [Текст]: договор от 11 апреля 2017 года [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01413569/itia_12042017 – Загл. с экрана.

339. О таможенном регулировании Закон Кыргызской Республики от 24 апреля 2019 года № 52 [Электронный ресурс]. – Режим доступа://http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111908 – Загл. с экрана.

340. Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (с изменениями на 29 апреля 2020 года) (редакция, действующая с 23 марта 2021 года) // http://www.customs.gov.kg/WwvPEHoM.pdf (дата обращения: 25.06.2022).

341. Наднациональное и национальное регулирование в Таможенном союзе ЕврАзЭС: на примере таможенной пошлины [Текст] / [Ю. В. Гинзбург, А. Ю. Денисова, М. Г. Енадарова и др.]. – М.: Институт публично-правовых исследований, 2014. – 233 с.

342. **Давыдов, Р. В.** Совершенствование таможенного администрирования в соответствии со Стратегией развития ЕАЭС до 2025 года [Текст] / Р. В. Давыдов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Экономика. – 2022. – № 2. – С. 186–206.

343. О мерах по реализации Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза [Текст]: распоряжение ВЕАЭС от 6 декабря 2018 года № 9 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ece/deklaratsiya_o_dalneyshem_razvitii_integratsionnykh_protsessov_v_ramkakh_evraziyskogo_ekonomicheskogo_soyuza_i_mery_po_ee_realizatsii.pdf – Загл. с экрана.

344. **Гринберг, Р. С.** Евразийский экономический союз: основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности [Текст] / Р. С. Гринберг, А. Г. Пылин // Экономика региона. – 2020. – № 16 (2). – С. 340–351.

345. **Гринберг, Р. С.** Формирование Евразийского союза: шансы и риски [Текст] / Р. С. Гринберг // Белорусский экономический журнал. – 2014. № 1. – С. 4–9.

346. **Еликбаев, К. Н.** Технические барьеры в торговле: практика ЕАЭС [Текст] / К. Н. Еликбаев, И. В. Андронова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 1. – С. 29–43.

347. **Глазьев, С. Ю.** Актуальные задачи технического регулирования [Текст] / С. Ю. Глазьев // Контроль качества продукции. – 2020. – № 1. – С. 10–11.

348. Выступление Президента Республики Беларусь в заседании ВЕАЭС 10 декабря 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-zasedanii-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-1639128020 – Загл. с экрана.

349. Обращение Президента Кыргызской Республики к главам государств-членов ЕАЭС по случаю председательства Кыргызстана в органах Союза в 2022 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/obrashhenie-prezidenta-sadyra-zhaparova-k-glavam-gosudarstv-%E2%80%93-chlenov-eaes-po-sluchayu-predsedatelstvovaniya-kyrgyzstana-v-organakh-soyuza-v-2022-godu/ – Загл. с экрана.

350. Выступление Президента Республики Казахстан на заседании ВЕАЭС 9 декабря 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/prezident-kazahstana-prinyal-uchastie-v-zasedanii-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-911715 – Загл. с экрана.

351. О применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок [Текст]: соглашение от 19 апреля 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_tamoj_infr/n_seals/2022.04.19%20approve_agr_ns.pdf – Загл. с экрана.

352. Заключение Кабинета Министров Кыргызской Республики к Соглашению о применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок, подписанному 19 апреля 2022 года в городе Москве. Распоряжение Кабинета Министров Кыргызской Республики от 10 августа 2022 года № 426-р [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/219155?ysclid=losez9mqmd69704769 – Загл. с экрана.

353. О типовых требованиях к обустройству и техническому оснащению элементов таможенной инфраструктуры, расположенных в местах перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, системой радиационного контроля [Текст]: решение Коллегии ЕЭК от 9 ноября 2021 года № 145 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01430450/err_12112021_145 – Загл. с экрана.

354. О плане мероприятий («дорожной карте») по созданию благоприятных условий для развития электронной торговли в рамках ЕАЭС [Текст]: решение Евразийского межправительственного совета от 19 ноября 2021 года № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alta.ru/tamdoc/21ms0010/ – Загл. с экрана.

355. **Бондаренко, А. В.** Механизм «Единого окна» в ЕАЭС: состояние, проблемы и перспективы [Текст] / А. В. Бондаренко, О. В. Евграфова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2022. – № 1 (140). – С. 7–12.

356. **Дорожкина, Т. В.** Перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу ЕАЭС: проблемы современного администрирования [Текст] / Т. В. Дорожкина, Ю. А. Чунина, А. К. Кучерявенко // Russian Economic Bulletin / Российский экономический вестник. – 2021. – № 2 (4). – С. 252–255.

357. **Акимов, Н. Е.** Взаимодействие таможенных служб стран ЕАЭС в новом информационном пространстве [Текст] / Н. Е. Акимов, А. А. Мигел // Modern Economy Success. – 2021. – № 2. – С. 117–120.

358. Об утверждении Протокола о внесении изменений в Договор об Объединенной коллегии таможенных служб государств-членов Таможенного союза от 22 июня 2011 года, подписанного 9 августа 2019 года в городе Чолпон-Ата [Текст]: постановление Правительства Кыргызской Республики от 19 декабря 2019 года № 698 [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/157376?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

359. Стратегические направления формирования и развития цифрового пространства Евразийского экономического союза в перспективе до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://digital.eaeunion.org/extranet/about/pravbase.php. – Загл. с экрана.

360. Теория государства и права [Текст]: учеб. пособие / [А. С. Ибраева, С. А. Сартаев, Н. С. Ибраев и др.]. – Алматы: Жеті Жарғы, 2017. – 344 с.

361. **Баймаханов, М. Т.** К разработке современной концепции функции государства // Избранные труды по теории государства и права [Текст] / М. Т. Баймаханов. – Алматы, 2003. – С. 243–252.

362. **Лукашук, И. И.** Глобализация и государство [Текст] / И. И. Лукашук // Журнал российского права. – М.: Норма, 2001. – № 4. – С. 64–75.

363. Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 года: перспективы и рекомендации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents1.worldbank.org/curated/ru/413921522436739705/pdf/EAEU-Overview-Full-RUS-Final.pdf – Загл. с экрана.

364. **Сорокин, В. В.** Юридическая глобалистика [Текст] / В. В. Сорокин. – М.: Юрлитинформ, 2010. – Т. 1. – 400 с.

365. Философия права [Текст]: курс лекций: учебное пособие: в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. – М., Проспект, 2015. – Т. 2. – 512 с.

366. О Национальной программе развития Кыргызской Республики до 2026 года [Текст]: указ Президента Кырг. Респ. от 12 окт. 2021 г., № 435 // http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430699?cl=ru-r.

367. Цели устойчивого развития в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.kg/ru/p/sustainable_development – Загл. с экрана.

368. Об утверждении программы деятельности Правительства Кыргызской Республики «Жаны доорго – кырк кадам» [Текст]: постановление

Жогорку Кенеша Кырг. Респ. от 25 авг. 2017 г., № 1836-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/79154/10?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

369. О неотложных мерах по активизации внедрения цифровых технологий в государственное управление Кыргызской Республики [Текст]: указ Президента Кырг. Респ. от 17 дек. 2020 г., № 64 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/430271?refId=1038358 – Загл. с экрана.

370. О внедрении с 15 октября по 31 декабря 2016 года в пилотном (экспериментальном) режиме Системы электронного межведомственного взаимодействия «Тундук» [Текст]: распоряжение Правит. Кырг. Респ. от 14 окт. 2016 г., № 436-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/215418?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

371. О создании Государственного учреждения «Тундук» при Министерстве цифрового развития Кыргызской Республики [Текст]: постан. Председателя Каб. Министров Кырг. Респ. от 30 апр. 2022 г., № 245 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/159154?cl=ky-kg%23p2 – Загл. с экрана.

372. Об утверждении Стратегии кибербезопасности Кыргызской Республики на 2019–2023 годы [Текст]: постан. Правительства Кырг. Респ. от 24 июля 2019 г., № 369 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/15478?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

373. Об информации персонального характера [Текст]: закон Кыргызской Республики от 14 апреля 2008 года № 58 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202269?cl=ru-ru#st_29 – Загл. с экрана.

374. Официальный сайт Парка высоких технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://htp.kg/about – Загл. с экрана.

375. Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 года: перспективы и рекомендации [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://documents1.worldbank.org/curated/ru/413921522436739705/pdf/EAEU-Overview-Full-RUS-Final.pdf – Загл. с экрана.

376. Сборник. Цифровая Повестка ЕАЭС 2016–2019–2025 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/files/paos/library/digital_agenda_eaeu.pdf – Загл. с экрана.

377. Программа Правительства Республики Армения 2017–2022 гг., 2021–2026 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.am/ru/gov-program/ – Загл. с экрана.

378. Армянская правовая информационная система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=82485 – Загл. с экрана.

379. О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь [Текст]: указ Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2011 года № 515 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.etalonline.by/document/?regnum=p31100515 – Загл. с экрана.

380. Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан» [Текст]: постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/mdai/documents/details/219984?lang=ru – Загл. с экрана.

381. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Текст]: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 – Загл. с экрана.

382. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Текст]: решение Высшего ВЕАЭС от 11 октября 2017 г. № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282472/ – Загл. с экрана.

383. **Либман, А. М.** Уроки Европейского союза? Евразийская

интеграция и «глобальный сценарий» [Текст] / А. М. Либман // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – № 12 (2). – С. 247–268.

384. Право Европейского союза [Текст]: учебник для магистров / под ред. С.Ю. Кашкина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 1119 с.

385. **Энтин, М. Л.** Суд европейских сообществ: правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции [Текст] / М. Л. Энтин. – М.: Международные отношения, 1987. – 176 с.

386. **Кембаев, Ж.** Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза [Текст] / Ж. Кембаев // Международное правосудие. – 2016. – № 2 (18). – С. 30–45.

387. Договор, учреждающий Европейское Сообщество (Рим, 25 марта 1957 г.) (консолидированный текст с учетом Ниццских изменений) (с изменениями от 16 апреля 2003 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eulaw.ru/treaties/teuratom_edit/ – Загл. с экрана.

388. **Кондратьева, Н. Б.** Предпосылки диалога ЕС и ЕАЭС [Текст] / Н. Б. Кондратьева // Научно-аналитический вестник Ин-т Европы РАН. – 2018. – № 3. – С. 81–85.

389. **Кондратьева, Н. Б.** Сравнительный анализ технического регулирования ЕС и ЕАЭС [Текст] / Н. Б. Кондратьева // Современная Европа. – 2018. – № 4 (83). – С. 155–163.

390. **Kamali, M. H.** Sharīah and civil law: Towards a methodology of harmonization [Text] / M. H. Kamali, // Islamic Law and Society. – 2007. – № 14 (3). – С. 391–420.

391. **Alarashi, A. H.** The concept of harmonization and Unification of the law in Malaysia: an Islamic appraisal [Text] / A. H. Alarashi // Journal of Integrated Sciences. – Volume 2. – Issue 1. – December. – 2021. – P. 14–26.

392. **Belikova, K. M.** Evolution of basic doctrines and principles of contract law in Europe [Text] / K. M. Belikova // Amazonia Investiga. – 2019. – № 8 (22). – P. 173–182.

393. **Алексеев, С. С.** Линия права [Текст] / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 2006. – 461 с.

394. **Цвайгерт, К.** Сравнительное частное право [Текст]: в 2 т.: пер. с нем. / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – М.: Междунар. отношения, 2011. – 727 с.

395. **Четвериков, А. О.** Правовое регулирование либерализации трансграничных отношений: опыт Европейского союза [Текст]: автореф... дис. д-ра юрид. наук: 12.00.10 / А. О. Четвериков. – М., 2010. – 45 с.

396. **Carbonnier, J.** Droit et passion du droit sous la Ve République [Text] / J. Carbonnier. – Paris: Flammarion, 2006. – 276 p.

397. **Philip, C.** La Constitution européenne [Text] / C. Philip. – Paris: PUF, 2004. – 128 p.

398. **Белоусова, О. В.** Унификация законодательства Европейского союза в сфере международного частного права: аналитический обзор [Текст] / О. В. Белоусова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2012. – № 2. – С. 142–163.

399. **Маковский, А. Л.** Вопросы теории международной унификации права и состав международного частного права [Текст] / А. Л. Маковский // Материалы Торгово-промышленной палаты СССР. – М., 1983. – Вып. 34. – С. 26–33.

400. Внутренний регламент (правила процедуры) Совета Европейского союза. Утвержден Решением Совета от 22 июля 2002 г. //Journal officiel des Communautés européennes L 230 du 28.8.2002. Official Journal of the European Communities L 230, 28.8.2002, p. 7. Перевод с французского с учетом положений документа на английском языке. Перевод и примечания А. О. Четверикова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/instituty-i-

organy-evropejskogo-soyuza/vnutrennij-reglament-pravila-protsedury-soveta-evropejskogo-soyuza-perevod-chetverikova-a-o/– Загл. с экрана.

401. **Доронина, Н. Г.** Унификация и гармонизация в сфере правового регулирования иностранных инвестиций [Текст] / Н. Г. Доронина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2005. – № 1. – С. 51–62.

402. **Стрельникова, И. А.** Предпосылки зарождения идеи Европейской интеграции и ее правовое оформление в Парижском договоре об учреждении Европейского объединения угля и стали [Текст] / И. А. Стрельникова // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 3. – С. 162–168.

403. **Халиев, К. Р.** Нормативная сила «Директив» ЕС [Текст] / К. Р. Халиев // Russian Journal of Economics and Law. – 2008. – № 3 (7). – С. 163–166.

404. **Кашкин, С. Ю.** Европейский союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями [Текст] / С. Ю. Кашкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 650 с.

405. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Document 12012E/TXT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT – Загл. с экрана.

406. О постепенной отмене проверок на общих границах (Шенгенское соглашение 1985 г.) L’acquis de Schengen intégré dans l’Union européenne. Bruxelles, Conseil de l’Union européenne: Secrétariat general. – 1999. – P. 21–100; пер. с фр. А. О. Четверикова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/shengenskaya-konventsiya-1990-g/– Загл. с экрана.

407. О ратификации международных договоров по присоединению Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Текст]: закон Кырг. Респ. от 21 мая 2015 г., № 111 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://cbd.minjust.gov.kg/111154?refId=644423 – Загл. с экрана.

408. **Галас, М. Л.** Правовое регулирование статуса трудящегося государств-членов ЕАЭС [Текст] / М. Л. Галас // Экономика. Налоги. Право. – 2020. – № 4. – С. 148–156.

409. **Хачатрян, Э. А.** Роль решений Суда ЕАЭС и Суда ЕС в укреплении региональных правопорядков: сравнительно-правовой анализ [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Э. А. Хачатрян. – М., 2022. – 28 с.

410. **Тургунбеков, Р. Т.** Государственность и Конституция Советского Киргизстана в период развитого социализма [Текст] / Р. Т. Тургунбеков. – Фрунзе: Илим, 1980. – 170 с.

411. **Нурбеков, К. Н.** Государственно-правовое строительство Советского Киргизстана [Текст] / К. Н. Нурбеков. – Фрунзе: Илим, 1981. – 186 с.

412. Аналитический вестник подготовлен по материалам парламентских слушаний, проведенных 25 декабря 1997 года Комитетом Совета Федерации по делам СНГ на тему «Таможенный союз Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России: проблемы становления и развития» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://council.gov.ru/media/files/41d45d4705bc778e7a6d.pdf – Загл. с экрана.

413. Евразийский экономический союз [Текст] / [Е. Ю. Винокуров, Д. А. Коршунов, В. С. Перебоев, Т. В. Цукарев]. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – 296 с.

414. О ратификации Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве [Текст]: закон Кыргызской Республики от 14 января 2000 года № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/316?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

415. О ратификации Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества [Текст]: закон Кыргызской Республики от 30 мая

2001 года № 45 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/427?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

416. Об учреждении Евразийского банка развития [Текст]: соглашение от 12 января 2006 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eabr.org/upload/iblock/b6d/soglashenie-ob-uchrejdenii-banka.pdf – Загл. с экрана.

417. О евразийской экономической интеграции [Текст]: декларация от 18 ноября 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/1091 – Загл. с экрана.

418. **Зиядуллаев, Н. С.** Национальные приоритеты и перспективы Евразийского экономического союза в условиях интеграции и глобальной нестабильности [Текст] / Н. С. Зиядуллаев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 15 (300). – С. 2–19.

419. **Джумагулов, А. М.** Правовая политика Кыргызской Республики в сфере международных отношений: вопросы теории и практики [Текст]: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А. М. Джумагулов. – Бишкек, 2020. – 48 с.

420. Об углублении взаимодействия между Евразийской экономической комиссией и Кыргызской Республикой [Текст]: меморандум от 31 мая 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0153994/ms_03062013 – Загл. с экрана.

421. Об утверждении Плана мероприятий Правительства Кыргызской Республики по реализации Плана мероприятий («дорожной карты») по присоединению Кыргызской Республики к Таможенному союзу Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 года № 74 [Текст]: постан. Правит. Кырг. Респ. от 5 авг. 2014 г., № 445 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/96736?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

422. О ратификации международных договоров по присоединению Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Текст]: закон Кырг. Респ. от 21 мая 2015 г., № 111 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/111154?refId=644423 – Загл. с экрана

423. **Бейшембиев, Э. Ж.** Кыргызская Республика и современное международное право [Текст] / Э. Ж. Бейшембиев. – Б.: Алтын принт, 2020. – 244 с.

424. **Комкова, Е.** 20 лет НАФТА-интеграции [Текст] / Е. Комкова // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 7. – С. 41–52.

425. **Lederman, D.** Lessons from NAFTA for Latin America and the Caribbean [Текст] / D. Lederman, W. F. Maloney, L. Serven // Latin American development forum Washington, D.C.: World Bank Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://documents.worldbank.org/curated/en/787441468318270837 – Загл. с экрана.

426. О взаимопонимании между ЕЭК и АСЕАН в области экономического сотрудничества [Текст]: меморандум от 14 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/admin/Downloads/%D1%8E%D0%B3%D0%BE-%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82+%D0%90%D0%B7%D0%B8%D1%8F+%D1%80%D1%83%D1%81+%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BB.pdf – Загл. с экрана.

427. Инвестиции в Центральную Азию один регион – множество возможностей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mineconom.gov.kg/storage/document/documents/4/15726038655dbc07d98e1c1_pdf.pdf// – Загл. с экрана.

428. Взаимная торговля Кыргызской Республики с государствами-членами ЕАЭС и унификация методологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stat.kg/ru/news/vzaimnaya-torgovlya-kyrgyzskoj-respubliki-so-gosudarstvami-chlenami-eaes-i-unifikaciya-metodologii/ – Загл. с экрана.

429. Международное публичное право [Текст]: учебник / [Х. Т. Адилкариев, Б. Э. Очилов, А. Р. Рахмонов и др.]. – Ташкент, 2004. – 500 с.

430. О распределении ответственности министерств, государственных комитетов и административных ведомств Кыргызской Республики по выполнению соглашений Всемирной торговой организации и обязательств Кыргызской Республики перед ВТО [Текст]: положение утверждено постановлением Правительства Кырг. Респ. от 23 июня 2003 г., № 374 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/49549?refId=1275 – Загл. с экрана.

431. Методология ведения статистики взаимной торговли товарами государств-членов ЕАЭС. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 25 декабря 2018 г. № 210 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/methodology/metodology/intra.php – Загл. с экрана.

432. О введении в действие Конституции Кыргызской Республики [Текст]: закон Кырг. Респ. от 5 мая 1993 г. № 1186-XII [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/2?refId=503267 – Загл. с экрана.

433. Об образовании Конституционного совещания [Текст]: указ Президента Кырг. Респ. от 20 ноября 2020 года УП № 45 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430248 – Загл. с экрана.

434. **Маралбаева, А. Ш.** Развитие системы законодательства Кыргызской Республики в условиях переходного периода [Текст] / А. Ш. Маралбаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 2. – С. 124–128.

435. О взаимном признании документов об ученых степенях в государствах-членах ЕАЭС [Текст]: соглашение от 8 июня 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01440085/itia_13062023 – Загл. с экрана.

436. **Васильев, А. А.** Правовое положение ученого в России и за рубежом [Текст] / А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова // Управление наукой и наукометрия. – 2021. – № 4. – С. 523–539.

437. Обзор налоговых систем государств-членов ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%.pdf – Загл. с экрана.

438. Финансовая политика в рамках евразийской интеграции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/EEC_finpolit_150629_2.pdf – Загл. с экрана.

439. **Керезбеков, К. К.** Проблемы унификации транспортного законодательства Кыргызской Республики [Текст] / К. К. Керезбеков // Бизнес, менеджмент и право. – 2008. – № 1 (16). - С. 38-41.

440. Утвержденный Постановлением Совета Министров Киргизской ССР от 13 августа 1970 г. № 303, утратил силу в соответствии с постан. Правительства Кырг. Респ. от 24 декабря 2001 г., № 805 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/7-8054/edition/320537/ru– Загл. с экрана.

441. Об Управлении международных автомобильных перевозок «Кыргызинтранс» Министерства транспорта и коммуникаций Кыргызской Республики [Текст]: положение утверждено постановлением Правительства Кырг. Респ. от 2 мая 2008 г., № 204 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/59061 – Загл. с экрана.

442. О присоединении Кыргызской Республики к Конвенции о Договоре международной дорожной перевозки грузов и к Протоколу о подписании [Текст]: закон Кырг. Респ. от 19 дек. 1997 г., № 98 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/598?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

443. О присоединении Кыргызской Республики к Таможенной Конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП

от 14 ноября 1975 года [Текст]: закон Кыргызской Республики от 19 декабря 1997 года № 99 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17499?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

444. **Гребенников, А. В.** Краткий справочник международных правовых актов в области таможенного дела [Текст] / А. В. Гребенников. – Минск: БГУ, 2016. – 41 с.

445. О присоединении Кыргызской Республики к Международной Конвенции о согласовании условий проведения контроля грузов на границах от 21 октября 1982 г. [Текст]: закон Кырг. Респ. от 19 дек. 1997 г., № 92 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17327?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

446. О некоторых мерах по реализации Договора о создании Единого экономического пространства между Кыргызской Республикой, Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан [Текст]: постановление Правительства Кырг. Респ. от 25 янв. 1994 г., № 36 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/36792?ckwds258f – Загл. с экрана.

447. Об утверждении Плана мероприятий Правительства Кыргызской Республики на 2018 год по реализации Программы Правительства Кыргызской Республики «Единство. Доверие. Созидание» [Текст]: постановление Правительства Кырг. Респ. от 30 авг. 2018 г., № 413 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ruru/12607#_ftn – Загл. с экрана.

448. **Нурматов, Т. А.** Возвратная миграция в национальном законодательстве Кыргызской Республики: вопросы унификации в рамках Евразийского экономического союза [Текст] / Т. А. Нурматов // Вестник КРСУ. – 2019. – Т. 19. – № 7. – С. 109–112.

449. **Нурматов, Т. А.** Двустороннее сотрудничество Кыргызской Республики с Республикой Узбекистан в контексте Договора об учреждении Евразийского экономического союза [Текст] / Т. А. Нурматов // Вестник

Дипломатической академии МИД КР им. К. Дикамбаева. – № 9. – 2018. – С. 126–133.

450. О Ратификации Протокола о присоединении Кыргызской Республики к Маракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 14 октября 1998 г. [Текст]: закон Кырг. Респ. от 17 нояб. 1998 г., № 146 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/153?refId=282031 – Загл. с экрана.

451. О зоне свободной торговли [Текст]: Договор от 18 октября 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cis.minsk.by/page/show?id=13922 – Загл. с экрана.

452. Кыргызская Республика в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. – М., 2018. – 88 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/paos/library/Kyrg%20EAEU%20Results%202018.pdf – Загл. с экрана.

453. Основные тенденции интеграционного развития Кыргызстана в 2019 г. Центр интеграционных исследований дирекции по аналитической работе Евразийского банка развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eabr.org/upload/iblock/7d6/EABR_KR_07_2020_RU_2020_07_10-_1_.pdf – Загл. с экрана.

454. History Gallup International [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gallup-international.com/home. – Загл. с экрана.

455. **Джумагулов, А. М.** Правовая политика Кыргызской Республики в сфере международных отношений: вопросы теории и практики [Текст]: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А. М. Джумагулов. – Бишкек, 2020. – 44 с.

456. Стенографический отчёт о заседании ВЕАЭС в расширенном составе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/57468 – Загл. с экрана.

457. Президент Кыргызской Республики: Евразийская интеграция

была и остается приоритетным направлением во внешнеэкономической политике Кыргызстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kabar.kg/news/zheenbekov-evraziiskaia-integratciia-prioritetnoe-napravlenie-vneshneekonomicheskoi-politiki-kyrgyzstana/ – Загл. с экрана.

458. **Морозов, А. Н.** Роль и значение институциональной системы для развития интеграции в Евразийском экономическом союзе и Европейском союзе: сравнительно-правовой дискурс [Текст] / А. Н. Морозов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 1 (68). – С. 131–139.

459. **Нарышкин, С. Е.** К новому парламентскому измерению евразийской интеграции [Текст] / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2012. – № 8. – С. 5–15.

460. Закон Кыргызской Республики «О ратификации международных договоров по присоединению Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года» от 21 мая 2015 года № 111 // http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111154?cl=ru-ru

461. О присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Текст]: договор от 10 октября 2014 года (ред. от 14.04.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169854/ – Загл. с экрана.

462. О проекте Закона Кыргызской Республики «О ратификации Протокола о внесении изменений в Протокол об условиях и переходных положениях по применению Кыргызской Республикой Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, отдельных международных договоров, входящих в право Евразийского экономического союза, и актов органов Евразийского экономического союза в связи с присоединением Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года от 8 мая 2015 года, подписанного 14 апреля 2020 года в городе Москве [Текст]: постановление

Правительства Кырг. Респ. от 30 июля 2020 г. № 404 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/157629 – Загл. с экрана.

463. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года. Ратифицирован законом Кырг. Респ. от 30 дек. 2017 г., № 223 (28) // URL: http://www.customs.gov.kg/%20ibWGoSSw.pdf.

464. **Мами, К. А.** Сближение во имя благополучия и процветания [Текст] / К. А. Мами // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2012. – № 11. – С. 10–13.

465. **Ганиева, Т. И.** Стратегия будущего – Предпринимательский кодекс Кыргызской Республики [Текст] / Т. И. Ганиева // Российское предпринимательство: от мануфактуры к цифровой экономике и кластерным конструкциям: Сборник материалов II Всероссийских Морозовских чтений. – Орехово-Зуево: ГГТУ, 2019. – С. 98-105.

466. **Джураев, Э.** Стратегия ЕС в Центральной Азии [Текст] / Э. Джураев, Н. Мураталиева. – Март, 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf – Загл. с экрана.

467. **Анцилотти, Д.** Курс международного права [Текст]: Том первый. Д. Анцилотти. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 447 с.

468. **Алексеенкова, Е**. ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов [Текст] / Е. Алексеенкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://mgimo.ru/upload/iblock/679/alekseenkova.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com – Загл. с экрана.

469. Генеральная схема газоснабжения и газификации Кыргызской Республики до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: https://kyrgyzstan.gazprom.ru/about/project/genshema/ – Загл. с экрана.

470. Доклад о результатах мониторинга рынка промышленной продукции в рамках Евразийского экономического союза за 2016 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_prom/monitoring/monitoring.php – Загл. с экрана.

471. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, от 25 мая 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/0e6/EAEU_VN-FTA_rus.pdf – Загл. с экрана.

472. Доклад о реализации основных направлений интеграции. Москва, 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/8dc/1134377_8888612_8888677.pdf. – Загл. с экрана.

473. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, подписано 17 мая 2018 года и вступило в силу 25 октября 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/21b/Tekst-russkiy-_EAEU-alternate_-final.pdf – Загл. с экрана.

474. О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Европейскими Сообществами и их государствами-членами, с одной стороны, и Кыргызской Республикой, с другой стороны, подписанное 9 февраля 1995 года // закон Кырг. Респ. от 5 июля 1997 г., № 43 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17139 – Загл. с экрана.

475. Европейский союз и Центральная Азия: новое партнёрство в действии. – 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consilium.europa.eu/media/30829/ru-strategyasia_int.pdf – Загл. с

экрана.

476. Отношения между Кыргызской Республикой и Европейским союзом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/04-13_kyrgyzstan_factsheet.pdf – Загл. с экрана.

477. Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза 2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/fe8/Doklad-integratsiya.pdf – Загл. с экрана.

478. Об организации работы в рамках Евразийского экономического союза [Текст]: порядок подготовки предложений для рассмотрения на заседаниях органов ЕАЭС. Приложение к постановлению Правительства Кырг. Респ. от 9 марта 2020 г., № 138 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/157550?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

479. Об организации работы в рамках Евразийского экономического союза [Текст]: Порядок подготовки предложений об отмене (изменении) решений, принятых Коллегией ЕЭК. Приложение к Постановлению Правительства Кырг. Респ. от 9 марта 2020 г., № 138 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/157553?cl=ru- – Загл. с экрана.

480. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17507?cl=ru-ru – Загл. с экрана.

481. Договор о Европейском союзе (новая редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eulaw.ru/treaties/teu/ – Загл. с экрана.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО ВВЕДЕНИЮ НОВОГО ЧЛЕНА КОЛЛЕГИИ (МИНИСТРА) ЕЭК

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРОЕКТ ПРОТОКОЛА ПО ВНЕСЕНИЮ ДОПОЛНЕНИЙ В ДОГОВОР О ЕАЭС ОТ 29 МАЯ 2014 ГОДА В ЧАСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГАРАНТИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРУДЯЩИМСЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Государства-участники ЕАЭС, именуемые в дальнейшем членами, руководствуясь статьей 115 Договора О ЕАЭС от 29 мая 2014 года согласились о нижеследующем:

Статья 1

Дополнить Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 года статьей 98-1 «Гарантии деятельности трудящихся государств-членов» следующего содержания:

«1. Трудящиеся и участники их семей могут свободно покидать любое государство, включая государство своего происхождения.

2. Трудящиеся и участники их семей имеют право в любое время въехать в государство своего происхождения и остаться в нем.

3. Право трудящихся и членов их семей на жизнь охраняется законом.

4. Трудящийся и член его семьи не должны подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему их достоинство обращению или наказанию.

5. Трудящийся и член его семьи не должны содержаться в рабстве или в подневольном состоянии.

6. Трудящийся и член его семьи не должны привлекаться к принудительному или обязательному труду.

7. Трудящийся и член его или ее семьи не могут быть произвольно лишены собственности, которой они владеют индивидуально или совместно с другими лицами. Там, где в соответствии с действующим законодательством

государства работы по найму активы трудящегося или члена его или ее семьи экспроприируются полностью или частично, соответствующее лицо имеет право на справедливую и надлежащую компенсацию.

8. Трудящиеся и участники их семей имеют право на свободу и личную неприкосновенность.

9. Трудящиеся и участники их семей имеют право на обеспечиваемую государством эффективную защиту от насилия, телесных повреждений, угроз и запугивания как со стороны государственных должностных лиц, так и со стороны частных лиц, групп или учреждений.

10. Любая проверка должностными лицами правоохранительных органов личности трудящихся или членов их семей осуществляется в соответствии с установленными законом процедурами.

11. Трудящиеся и участники их семей не могут быть подвергнуты произвольному аресту или содержанию под стражей, индивидуально или коллективно; они не должны лишаться свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такими процедурами, какие установлены законом.

12. Каждый ребенок трудящегося имеет право на имя, регистрацию рождения и гражданство».

Статья 2

Настоящий протокол вступает в силу с даты получения депозитарием по дипломатическим каналам последнего письменного уведомления о выполнении государствами-членами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу.

Совершено в городе _____ «_____» _____ 202__ г. в одном подлинном экземпляре на русском языке.

Подлинный экземпляр настоящего Протокола хранится в ЕЭК, которая, являясь депозитарием настоящего Протокола, направит каждому государству-члену его заверенную копию.

За Республику Армения

За Республику Беларусь

За Республику Казахстан

За Кыргызскую Республику

За Российскую Федерацию